

**Я живу в этом мире
НЕБОСАНДИЯ**

Катя Знает

Катя Знает Я живу в этом мире: Небосандия

<https://litres.ru/74166037>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где метеорит подарил людям сверхспособности, а правительство контролирует всё, Дэн Чёртиков поступает в лучшую школу. Его цель — получить способность перемещаться в пространстве. Но вместо учёбы он оказывается в центре заговора: за ним охотятся, его друзья скрывают тайны, а мир стоит на пороге войны.

Сможет ли он выжить и сохранить тех, кто ему дорог?

«Я живу в этом мире: Небосандия» — первая книга трилогии о силе, дружбе и выборе, который определяет судьбу.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	40
Глава 4	60
Глава 5	83
Глава 6	104
Глава 7	122
Глава 8	142
Глава 9	160
Глава 10	175
Г	191
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Катя Знает Я живу в этом мире: Небосандия

Пролог

Метеорит, сверхспособности, скрытая оппозиция и ни о чём не подозревающие подростки — банальные темы для книги, не правда ли? Однако это моя история и мой мир, в котором я живу. Открывая эту книгу, вы пообещайте себе (и только себе), что не будете ждать от неё ни плохого, ни хорошего. Потому что будет и то, и другое. Но я не хочу настраивать вас на что-либо. Ведь ожидания никогда не равняются реальности. Просто давайте заключим соглашение: я рассказываю вам все свои секреты и нетайны, а вы... а вы с ними делаете, что хотите. Сочувствуете, осуждаете, любите, завидуете, ненавидите и лелеете. Договорились?

Начну с того, что все эти предсказания про катаклизмы и затопления материков в начале двадцать первого века — правда. Только вот многие люди раздували из слона целое стадо. Да, естественно, большие участки суши ушли под воду, но люди, готовые к этому, давно нашли выход и улете-

ли на Луну пережить все эти изменения на родной планете. Кстати, на Луне после этого курорт сделали, ибо место теперь историческое — памятники там всяческие, да и есть что вспомнить из тех времён.

Кто-то охал и ахал, плакал и страдал от всех этих катаклизмов, большинство выжило и поселилось там, где теперь были новые участки суши, вышедшие из океана. Впрочем, некоторые земли совсем не пострадали: территории бывшей России, Хорватии или, к примеру, Монголии так и остались практически не затонувшими.

А вспоминаете это предсказание: что якобы со вторым приходом Христа начнётся новая жизнь? Так вот... новая жизнь началась, и даже с Христа. Но Христом мы называем метеорит, который упал ни с того ни с сего на нашу Землю. Отныне жить стало намного веселее.

На том самом месте, где он упал, конечно же, образовался кратер, а также открылся энергетический поток, который, сгущаясь по всему периметру, заряжал живые существа особой силой. Люди, прикоснувшиеся к таким сгусткам, тут же превращались в тех, чьи возможности или способности выходили за рамки реального.

Поначалу были такие, чьи тела или мозг не выдерживали подобного, и они умирали или сходили с ума. Желание обладать некой неведомой силой повлекло за собой возникновение так называемых охотников. И пока власти решали, что делать с метеоритом и его энергией, многие смельчаки

погибли у кратера, сражаясь за способность.

Теперь кратер охраняется так надёжно, что никому постороннему не посягнуть даже на мизерный кусочек метеоритной энергетики. Только официальным представителям министерства образования было разрешено распределять сгустки метеорита по специальным учебным заведениям, где в лабораториях выясняли род способности, присущей тому или иному сгустку, а потом и потенциальную силу.

Так возникло несколько центров по изучению способностей, а потом и пара-тройка школ по подготовке кандидатов на внедрение способности. Учебные заведения такого направления нужны были для того, чтобы подготовить тело и дух человека перед слиянием со сгустком энергии метеорита. Гибель первых людей, посмевших подступить к кратеру, стала показательной для других. Всё-таки обретение силы — серьёзный и сложный процесс.

Помимо изменений в классификации самого общества (способные и неспособные люди), поменялось и полярное поле Земли. Сместилась ось, и претерпела изменения гравитация. Около нашей планеты образовалось несколько летающих островов — ареалов, — на которые также смогли заселиться люди. Как они уже десятки лет удерживаются в воздухе — неизвестно!

Главным ареалом считается летающий остров Небосандия. И хотя он занимает меньшую площадь, чем Луналэнд (150 квадратных километров против 270), солнечным лу-

чам путь к Земле не преграждает, слава Христу (то есть метеориту). На этом острове находится главное здание министерства образования, штаб-квартира всемирной ассоциации смешанных единоборств и престижнейшая школа по получению способностей, иными словами — школа №1.

Зачем нужны способности, помимо того, что это просто звучит феерично? Люди, обладающие некой силой, невозможной для обычного человеческого тела, могут помогать в различных областях, используя свои умения и навыки, данные способностью. Например, вы наделены суперсилой — тогда вы найдёте её применение в спасательных операциях при всевозможных катаклизмах и разрушениях, а также при поимке преступников. Если ваша сила в мгновенных быстрых мозговых операциях, то вас с руками, ногами и, тем более, мозгами возьмут в научно-исследовательские институты. То, что усиливает вас, применяется в наиболее удобной области. Разумеется, вам предлагается выбор, но, как правило, люди целесообразно идут получать определённую способность, так как знают, чем хотели бы помочь человечеству. Это очень похоже на выбор «Куда пойти учиться и когда?» Я знаю, что раньше дети вольны были выбирать: остаться после 9-го класса в школе, а затем поступить в какой-либо университет, или же сразу уйти в среднее профессиональное учреждение, ступив на ту или иную профессиональную стезю. Теперь выбор гораздо серьёзнее: после девятого класса каждый ученик решает — идти ему дальше в школу и получать спо-

способность или сразу поступать в колледж.

Естественно, на более востребованные и эффективные способности нацелены многие, от этого растёт конкуренция, способы борьбы за неё также изощряются. Порой доходило и до абсурда. Такова человеческая природа. Люди жадные и алчные, хотят денег и власти. Высокого положения и богатства, думает большинство, можно добиться только силой. Неважно, какой. Если ты сильнее — ты победил. Если ты умнее, проворнее, хитрее — ты владеешь, управляешь, ты вершишь судьбы.

Во избежание ситуаций с переходом «границ» (то есть, когда человек начинает действовать незаконно или его поведение выходит за рамки морального права) как раз и придумали трёхгодичную систему, по которой определяются достойнейшие ученики, способные обладать силой правильно. Хотя и тут есть свои нюансы. Мы люди. Просчитаться с нами — дело лёгкое. Порой ты видишь перед собой светлого и милого медвежонка (как любимая игрушка сестрёнки), который ведёт себя культурно и улыбается всем и каждому, но в душе такого «плюшевого медвежонка» — не исключено — живёт монстр, мечтающий убить всех и каждого, кто умиляется и восхищается им. Вот поэтому я и хочу попасть в школу №1. Я хочу денег, власти и невероятной силы. Я хочу править миром.

Жутко звучит из уст подростка? Наверно, да. Так что будем радоваться, что мои амбиции таковыми не являются. Я

из тех, кто злится от любой несправедливости, из тех, кто хочет поддерживать порядок и гармонию во всём мире. Меня не интересует власть, не интересуют деньги, хотя профессия спасатель или борец за справедливость оплачивается крайне высоко. Дело не в деньгах, хотя моя семья в них нуждается. Дело во мне. Я. Невероятно сильно. Хочу. Изменить. Мир. К лучшему.

И вот я приглашён на вступительную церемонию в школу №1! Осталось пройти ещё одно испытание, и я пройду. Круто? Да ещё бы. С детства каждый мечтает туда попасть, отбор идёт жесточайший. И всё-таки попасть туда реально.

Да, в нашем новом мире, как ни грустно, всё ещё существует неравенство. Способности даются где-то сорока процентам населения Земного пространства, но и сами способности тоже бывают разного уровня. Чем выше статус учебного заведения (школа №1 находится в вершине списка), тем больше уникальных и сильных способностей она выдаёт при выпуске. Те, у кого есть финансовая возможность подготовить своего ребёнка к обучению в лучшей школе, притесняют тех, кому недостаёт средств на лучшую подготовку. Почти всегда талант не решает ничего. Неважно, был ли ты отличником в своей прошлой школе, если на вступительных тебя обскакали более подготовленные ребята. Будь ты хоть триста раз с красным дипломом, тебе всё равно чего-то не хватит. Исключения с талантами есть. Если твой талант один на миллион. В таком случае тебе ещё и рекомендацию дадут,

что упростит твоё поступление процентов на пятьдесят. Теперь понятно, что богатые владеют более сильными сгустками энергии, выдаваемыми в более престижных школах, а те, кто беднее, соответственно, и в дарах имеют всего ничего. А в большинстве случаев вообще ничего и не имеют. Не каждый же хочет меняться ради какой бы то ни было силы.

Неравенство — вопрос очевидный. К примеру, есть популярная способность летать — она относится к высшему уровню, а есть способность мыть окна одним взглядом. Согласитесь, разница гигантская! Первую способность выберет большинство, а вторую — замотавшиеся домохозяйки.

Но я не собираюсь поддаваться всеобщему мнению о том, что богатому проще получить сильную способность. Я всего добьюсь своими силами. Уверен, не каждый шаг решается деньгами. Конечно, богатеньким ребятам нанимают лучших учителей, которые по максимуму готовят своих подопечных. В итоге, если я поступлю в элитную школу, большинство моих одноклассников будут богатые ребята, а остальная часть — одарённые. Сомневаюсь, что будут такие, как я: без положения в обществе и денежного статуса отца, без каких-либо талантов. Я обычный старшеклассник. Мой козырь — мои собственные усилия. Никто и подумать не сможет, что такой, как я, вопреки всеобщим убеждениям, решил поступать в школу №1. Пусть многие будут на шаг, на несколько шагов впереди меня, я всё равно получу то, что хочу, вкладывая всего себя в обучение.

Теперь после небольшого экскурса в историю моего мира предлагаю познакомиться с моей историей, которая начинается со школы №1.

Глава 1

Вот он — путь в жизнь моей мечты. Я ощущал себя словно в каком-то фильме, когда новые чёрные кроссовки ступили на внушительных размеров крыльцо школы №1. Только представьте этот вид: крупным планом моя обувь, а на заднем плане виднелась огромная двухстворчатая дверь, которая не поддастся одной руке, открыть её можно, навалившись всем корпусом и приложив максимум усилий, ведь эта дверь особенная — окно в мир приключений, способностей и талантов.

Сильно эпично? Как бы не так. Я, правда, горел весь от возбуждения, но ещё больше я волновался, поэтому писать про потные ладони я не стал. Гораздо ж круче описывать мои уверенные шаги к двери.

Десятиэтажное здание, по форме напоминавшее перевернутую букву G, находилось недалеко от вокзала, куда прибывал воздушный поезд с Земли. Воздушный, потому что огромный, длинный железнодорожный путь соединял планету и ареал, и когда человек находился внутри поезда, создавалось ощущение, что составы парили в воздухе, а не скользили по рельсам. Известно, что первые четыре этажа здания были отведены для занятий, а с пятого по седьмой — это были апартаменты учителей и персонала. Школа №1 бы-

ла оборудована настолько современно, что я мог только слышать о некоторых технологиях, не говоря уже о том, что воочию я не видел их вообще. Все стены снаружи, мог поспорить, были сплошь из белого мрамора: это придавало школе величественный и роскошный вид.

Оставалось чуть-чуть, я сейчас должен сделать первый шаг к тому невероятному миру, что скрывался в школе №1 ареала небосандия.

— Какка-кка! Вы только посмотрите на него, даже зайти нормально не может, — противный голос принадлежал какому-то зализанному блондину с сияющей кожей. Ну, серьёзно! У мальчишки в таком возрасте прыщи должны быть, а у него сплошной персик, а не кожа!

— Неудачник? — ко мне подошла кудрявая девочка моего возраста, но её интонация не была издевательская. Она серьёзно сочувствовала мне, решив, что я сплошное ходячее чудо.

— Нет, — зло сверкнул глазами в её сторону, а внутри предательски застучало сердце, но потом я смягчился, осторожно отклонив её помощь с протянутой рукой. — Я и сам могу подняться.

— Тогда давай вместе переступим порог, ты ведь тоже только поступил? — какого черта она со мной возится?

— Э-х-м... видишь ли... я планировал открыть эти врата сам.

Глаза девчонки округлились, слегка качнулись смешные

кудряшки, а затем она недоверчиво осмотрела меня с ног до головы.

Я так и знал! Мне нужно было больше упражняться. Ну, ничего, моя не габаритная внешность ещё ничего не значила.

— А ты знаешь, что врата...

— Да-да, весят под тонну, поэтому открыть их из новичков может только лучший из лучших. Это случается один раз на всём потоке. Но ведь ещё ж никто не открыл? Я буду первым!

— Кажется, ты немного опоздал... — соболезнуя всем своим видом, девчонка перевела взгляд с меня на врата, откуда тотчас раздались восхищённые голоса — лучший был обозначен.

«Да ладно? Этот блондинистый с персиковой кожей?» — я не верил своим глазам. Наверно, со стороны я выглядел очень подавленно, как будто решил вопрос жизни и смерти не в мою пользу.

— Нет смысла уже пытаться, ведь теперь по правилам школы врата весят вдвое тяжелее. Никто никогда не открывал их после избранного в одиночку.

— А я был готов к этому.

Ещё секунду назад в моих глазах тлело отчаяние. Я знал, что мой путь никогда не будет простым. Но я тренировался. Очевидно же, что мне не стать лучшим просто так. Мой взгляд устремился к вратам, широкие брови сдвинулись к переносице.

Открыв рот от удивления, но всё же следуя за мной, де-

вушка на ходу сказала, что её предложение всё ещё действует, и вообще фраза звучала так: «Предложение Ники Волконской всегда в силе». Что ж, теперь я знал хотя бы одного ученика, а точнее ученицу, что будет вместе со мной бороться за способности. Я был ей благодарен за предложение, несмотря на её неверие в меня. Её расположение ко мне придало силы.

Когда я был в метре от двери, вокруг зашептались. Я знал, что у меня только три попытки. И я знал, что по статистике только 50% поступивших в эту школу проходили через врата и начинали обучение, остальные отсеивались. Именно поэтому на мощёной площади около врат так много зевак. Мне было плевать. Сейчас я нервно сглотнул, потому что ощутил давление. Я чувствовал, как створки утяжелились на глазах. Мне даже страшно было смотреть вверх, какие же они колоссальные. Но я должен. Стремление к мечте — это то, что движет мною уже много лет. Да, возможно, я из разряда неудачников, хотя уже то, что я поступил сюда, говорило об обратном. Пора развеять глупый миф о себе, Дэн Чёрный огонь.

Я гордился своим громким прозвищем, правда, пока это прозвище знал только я.

Поднапрячь ягодицы, направить силы в руки и пальцы, корпусом навалиться вперёд: поехали.

– Дава-а-ай! — прорычал я, ведь криком можно помочь себе сконцентрироваться.

Врата, наверно, подумали, что их гладят.

Дьявол!

Голос Ники Волконской так и стоял в моих ушах: предложение... неудачник... в силе... а потом всплыло то наглое лицо, что забрало у меня звание лучшего.

— С дороги! — меня оттолкнула чья-то здоровенная рука, ей-богу, в два раза больше моей головы, и целая туша навалилась на врата.

«Да что это такое!? Я же здесь стоял! Этого не может быть!» — я отчаянно пытался найти позитивную мысль в своей голове, но только понимал, что если сейчас я не оттолкну бесцеремонного парня, уже не смогу открыть врата, которые потяжелеют ещё вдвое. Неужели кто-то, кроме меня, тоже был готов к такому повороту?

Я разбежался, каким-то чудом смог вывести из равновесия появившегося внезапно верзилу и снова навалился на врата. Или сейчас, или никогда! Потому что иначе получу от того громилы.

Они поддались! Миллиметр, но это уже что-то! Я навалился сильнее. Да что ж это!? Разве честно, что я потратил пять лет ради этого момента, а сейчас всё завалю и позорно пойду открывать дверь с той девчонкой?! Сантиметр! Мне нужно преодолеть порог в 10 см, и будет легче открывать дверь по инерции. Но как открыть ещё 9 см?

Стиснув зубы, я почувствовал, как они начинали стачиваться друг об друга. Это было неважно. Главное сантимет-

ры. Открыв двери, человек получает массу привилегий — что мне и было нужно.

Вены так сильно выступили на шее и руках, что казалось, будто сейчас они лопнут. Связки болели. Но я налегал. Казалось, открытие врат длилось вечно. Эти дурацкие сложнейшие 9 см в моей жизни! Даже поцелуй с Черри был не таким сложным, хотя там мне пришлось отважиться на 30 см сближения. Воспоминание придало мне уверенности. Сердце или мозг сказали, что я справлюсь, потому что в следующий миг врата поддались и начали открываться по инерции.

– Невероятно! — я услышал, как кричала кудряшка-Ника.

– Эа-а-а!

Меня швырнуло на пол вестибюля, где также стояла толпа новичков и старшекласников, которые встречали поступающих. Сначала была тишина, а потом все как будто посходили с ума, выкрикивая поздравления, но больше всего кричал я.

– Да-а-а! Я покажу лучшему, как он ошибся, открыв врата первым! — сказал и струсил. Это было объявление войны? Какого черта! У меня и плана-то никакого не было.

Восхищение мною длилось совсем недолго. А знаете почему? Да потому что тот верзила взял и открыл четырёхтонные врата (после каждого открытия одним человеком они же утяжелялись, на группу людей это правило не распространялось), как будто это была дверь школьного туалета.

Его окружили. Он заработал себе фанатов. Он был леген-

дой. Да, я тоже, но я, получается, был полный слабак, в отличие от этого двухметрового шкафа. Я знал, что четыре тонны не преодолел бы ни за что. Сквозь толпу верзила подошёл ко мне:

– Ты...

Я сглотнул:

– Ты...

– Забрал моё место! — сказали мы хором.

– Эй? Я первый там стоял!

– Ты не открыл, ты показался мне слабаком.

– А ничего, что даётся три попытки?

– Какой смысл там стоять, если не открыл с первого раза?

– Да ты, видно, слепой! Я готовился, примерялся...

– Короче, я признал тебя. Ты стоишь у меня на пути, как и первый парень-блондин. Значит, я раздавлю вас обоих.

– Принято.

Мы развернулись и пошли в разные стороны. Сначала меня трясло от злости, а потом стало трясти от страха: я реально дурак! Я объявил войну зализанному, а потом ещё и принял вызов этого верзилы. В моих планах было завоевать славу, став лучшим, но что же будет теперь?

«Туалет, туалет, мне срочно нужен ты, дружок!»

– Эй, мистер Очуметь-ты-смог!

Я аж споткнулся и снова полетел на пол.

Мне протягивала руку та самая светловолосая Ника с мелкими кудряшками, а рядом стояло ещё двое парней. Вроде

нормальных с виду. (Просто я знал, что сюда поступают разные ребята, нужно быть начеку).

— Чувак, это было круто-у, — парень с ирокезом и в очках замахал руками, будто он суперкаратист. Очки, кстати, были солнцезащитные, чёрного цвета. Он серьёзно? В этом холле и так не особо светло, он хоть что-нибудь видел в них?

— Э-эм, спасибо, — принял всё-таки протянутую руку Ники, чтобы подняться. Уж больно неловко второй раз её игнорировать.

— Как тебя зовут? — спросил ещё один парень в круглых очках, но только уже явно походивший на книжного задрота: щуплый и с голосом зануды.

— Дэн Чёрный ого... — запнулся я на своём прозвище, произнося впервые это глупое словосочетание вслух. То, что оно звучало глупо, я осознал только сейчас.

— Дэн Чёрный ого, довольно необычное имя, — произнесла Ника и как бы стала его смаковать, что-то прикидывая и бормоча себе под нос.

— Да нет, блин. Я не договорил. А ладно, всё равно учитель назовёт меня по фамилии рано или поздно: Денис Чертиков я, угу.

— А-а, вот оно как, — тот, кто косит под крутого в солнцезащитных очках, явно разочаровался, что «Чёрный ого» не моя фамилия. — Я Ники Кариут.

— Как Ники? — испугалась Волконская.

— Ну, Ники. Можно Нёкит, — обвёл нас взглядом, видя,

что не догоняем, добавил грустно: — Никита.

— А-а, теперь ясно. Это как с Дэном, — усмехнулся лохматый зануда. — Юлий Эйнштейнович Ломоносов.

— Звучит не круто! И долго. Будешь Носолом! — решил Некит.

— Да как ты..? Я потомок великих...

— Мне нравится, ребята! Дэн, Некит и Носолом, приятно познакомиться. Я Вероника Волконская, но лучше просто Ника.

— Твоя улыбка как-то неожиданно разрядила обстановку, — тихо прокомментировал я, потрепав свою макушку.

А она услышала и засияла ещё ярче.

Вот в такой компании началась моя эпичная, но вроде бы достойная история...

Глава 2

– Он снова уснул в экспресс-электричке по пути сюда. Придётся начинать самому, — это было сказано в микрофон без осознания говорившего. – Здравствуйте, новые ученики школы №1 по получению способностей.

Лысый дяденька в дорогом костюме (а впредь я буду называть его Лысый костюм) с большой сцены заулыбался в свои тридцать два зуба.

– Позвольте представиться. Зовут меня всегда в сложных ситуациях, зовут, когда начинается настоящий бедлам, зовут меня по имени и отчеству, но я скажу вам ещё и фамилию: Леонид Пьерович Куэльо. Запомните и полюбите. Я являюсь представителем направления профориентации, или вы уже подумали, что я директор? Кха-кха, ну я пока не директор, — он оглянулся на преподавательский ряд и немного стушевался, — ладно, шутки в сторону. Директор не сможет присутствовать на вашей церемонии по крайне важным причинам (тут весь зал почему-то дружно кашлянул в кулачок, вместе с ведущим), — к-хе... поэтому мне выпала честь ознакомить вас с важной информацией.

Вмиг длинноногая девушка на высоченных каблуках, которые ей явно невыгодно увеличивали конечности, вынесла папку говорящему и быстренько процокала обратно в заку-

лисье. Некит, приподняв на время её выхода очки, склонился надо мной, так как он был выше меня на голову точно, и весело просвистел в ухо. Я не разделил энтузиазм этого рыжего ирокеза: считаю такую навязчивую длинноногую «красоту» бредом. Да-да, поговорим ещё о противоположном поле, но сразу скажу: я за естественные параметры, например, у Волконской... черт, угораздило меня сейчас засмотреться на неё. «Что? Блин, она видела, куда я смотрел. Или нет? А-а, стыдно как! Нет, я мужик, это нормально».

— Тэк-с, — стал выискивать в папке Леонид Пьерович информацию о поступлении, — из ста шестидесяти прошедших тест и получивших наше пригласительное письмо, пройти через ворота, а соответственно и начать учёбу в нашем заведении смогли только пятьдесят человек. Маловато. Обычно это хотя бы пятьдесят процентов. Но в таком случае возрастает вероятность, что способности на выходе получают все, даже не придётся кого-то отбирать. Интересно, с чего так мало поступивших..? Ах вот оно что! Неужели у нас на потоке аж три счастливчика, открывших ворота!? Да это же войдёт в историю нашей школы, в которой пока таких событий и не было. Видимо, большинство испугалось...

В этот момент, уже немного заскучав от слов высокого безволосого ведущего в чёрном костюме, многие зашептались, а по моему телу пробежала волна гордости, правда потом я снова вспомнил, как я неудачлив, поэтому звание «счастливчика» ничего хорошего лично мне не сулило.

— Я поторопился, — взгляд представителя направления профориентации вдруг потемнел, это было заметно даже с середины зала. Кинула отблеск лысина, и на мгновение показалось, что сейчас он будет говорить именно для меня, — они не счастливчики, они невероятные трудяги, которые привыкли выжимать из себя все двести процентов, работать и брать своё. Моё уважение вам, — он просто стал хлопать своими жилистыми руками. И все преподаватели, новопривывшие ученики, а также учащиеся со вторых и третьих курсов поддерживали его, а кто-то с третьего ряда, видно, что выпускники, и вовсе стали просить, чтобы открывшиеся врата встали со своих мест. Помещение настолько было огромно, что, казалось, в нём находилось не пятьдесят поступивших учеников и других учеников со старших потоков — человек триста-четыреста, а целый мировой стадион в Трансильвании. (Да, Европа уже не та, Парижа с Лондоном на суше вы не увидите). В общем, как только Лысый костюм проговорил эти слова, зал потребовал встать троих. Тут же с одной стороны Ника, трясая коротко стриженными светлыми кудряшками, а с другой Некит, сверкая глазами из-под очков, одновременно толкнули меня в бока, отчего я подпрыгнул и оказался у всех на виду. Верзила и Зализыш уже стояли, они лишь гневно осматривали друг друга, и вскоре перевели взгляды на меня.

«И долго у меня коленки будут трястись от такой конкуренции?» — бесился я, разглядывая свои новенькие крос-

совки.

– Похвально. Один так вообще наверно родился уже богатырем, не так ли? Кха-кха, шуточка.

«Похоже, он имел в виду Верзилу с его длинными волосами, затянутыми в хвост», — мелькнула мысль.

Вряд ли в зале оценили его шутку, хотя почему-то Носолом сидел и хихикал себе в кулак. Или он что, икал?

Позже выяснилось, что он засмеялся слишком резко, отчего начал икать. Я посмотрел на него странным взглядом, а он подумал, что я поддерживаю его: якобы Лысый на сцене действительно с юмором. Но юморок ведущего был явно не по мне.

– Эй, Джо, черкани директору сообщение об этих ребятах, — снова дяденька обратил свой взор к преподавательскому ряду, который выделялся особо ярко: перед каждым столом располагался столик со стаканом воды и канцелярскими принадлежностями. Более мелкие детали со своего места мне было не рассмотреть.

– Ты в своём уме, Лёнь? Или продолжай читать, что там написано, или мы папку сейчас передадим Эмилии Игнатьевне, — был виден жест в сторону женщины, как бы не обидеть, довольно крупного телосложения. (Надеюсь, эту книгу она не прочтёт, так как она, по её словам, написана инфантилом).

– Я сам, — говорящий стал более серьёзным и уже продолжал монотонно читать данные статистики по поступив-

шим; звук его голоса как будто разносился по всей десяти-этажной школе, отражаясь от двухметровых окон и растворяясь по концам коридоров.

Хоть и было скучно это всё слушать, но какое-то приятное чувство лилось через край — я здесь! В школе №1! И я буду учиться тут целых три года. Кому сказать — не поверят же. Тут самые просторные классы, самые комфортабельные комнаты для учащихся (ведь это школа с постоянным проживанием, контроль над учащимися идёт 24 часа в сутки, недаром мы, ученики, — в будущем носители способностей). Я почувствовал снова, что недостижимое стало вполне ощутимым. Ведь моя цель — получить самую крутую способность из имевшихся. По сводным статьям и отчётам в источниках СМИ я понял, что в этом году лучший ученик сможет побороться за способность перемещаться в пространстве. Когда я осознал это, не поверил: мечта всей моей жизни стала реальной как никогда прежде. Именно на нашем потоке лучший ученик сможет по прошествии всего обучения попытаться получить силу перемещения!

Меня понесло по ностальгическим волнам в детские мечты. Порой от одиночества в летние каникулы и изнуряющую жару мне ничего не оставалось делать, как мечтать. Мечтал я, сидя на крыльце дома под знойным солнцем, оказаться по одному щелчку на море, а в следующую секунду почувствовать потоки холодного ветра, переместившись в кучевые облака и падая вниз к земле. Я мечтал покорить Эверест быст-

рее, чем кто-либо, просто оказавшись на вершине. Перемещаться можно было бы куда угодно, от кого угодно. Эти фантазии могли захватить меня на несколько часов, пока мама не звала обедать.

Честно говоря, я был так благодарен своим новым друзьям, да вообще всем людям в мире, что готов был прокричать о своём намерении получить лучшую способность. Но, конечно, трезвый рассудок меня останавливал. Мне нельзя говорить даже товарищам о своей цели. В школе №1, благодаря такой секретности (каждый подписывает акт о неразглашении своей цели по получению определённой способности), создаётся негласное соперничество даже среди лучших друзей. Это жестоко, но так мы показываем свою решимость: несмотря ни на что, получить то, чего желаем. Уже в конце года мы должны будем написать, на какую способность нацелены, а нам на собеседовании с классным руководителем скажут, на какую мы претендуем по окончании первого года обучения. Потом можно будет делать выводы о проделанной работе за целый год.

Итак, первый час в этой школе сделал меня невероятно счастливым, и только я вернул своё внимание к скучающему Лысому костюму, который уже согнулся под тяжестью статистических данных, как вдруг он весь выпрямился и заорал:

– А теперь самое долгожданное мероприятие для поступивших — экскурсия по школе с особой викториной.

Не нужно слов, чтобы описать восторг каждого новичка,

ведь сейчас всех выведут из церемониального зала и покажут, что где тут находилось.

– Вот так школа №1! — восхищался Кариут. – Что ещё за викторину они припасли? Вы знаете?

– Первый раз слышу, — потирал указательным (неестественно выгибающимся) пальцем переносицу Ломоносов.

– Как думаете, будет что-то кровожадное? — странными голубыми глазами посмотрела единственная девушка в нашей компании.

– Ника, я не ослышался? — переспросил я.

– Ну, викторина в школе №1 будет состоять явно не из банальных вопросов, поэтому я подумала, что это могут быть какие-нибудь бои...

– А почему такой мечтающий голос? Ты кровожадна? — засомневался Некит.

– Я просто люблю веселье. Чем веселее, тем больше мне хочется жить, — улыбнулась Ника и повела нас к толпе, уже собравшейся в просторном светлом холле с множеством экранов во всю высоту белых стен. С такими экранами школьные объявления не пропустишь никогда...

– Она же не хочет сказать, что бить кого-то — это весело? — шепнул мне Юлий, немножко приподнимаясь на носках, чтобы достать до моего уха.

Я только пожал плечами. Что вообще можно обо всех сказать, когда я только-только познакомился с ними?

Самое интересное было для меня в интерьере школы, так

это то, что огромные экраны чередовались с не менее большими окнами, отчего в коридорах школы было очень светло и уютно. Полумрак царил только в холле с воротами. На окнах попеременно высвечивалось то время, то температура за окном и в самой школе, а также мелькали кадры, демонстрирующие состояние на улице через час и через три часа. Довольно удобно, если планируешь занятия на улице, например.

Нам показали, где находились чистейшие туалеты, а они были на всех этажах, с каждой стороны главных коридоров. Честное слово, в моём доме так не следили за чистотой в уборных, как здесь! Душевые кабинки предполагались в жилом корпусе, поэтому перед нами почему-то неловко извинился за неудобства наш гид. А им оказалась заместитель директора по хозяйственной части (завхоз). Это была небольшого роста кругленькая женщина, очень милая, напоминавшая мне мамочку, которая обо всём знала и обо всех заботилась. Оказывается, её уже давно величали среди учеников мамочкой-Терезой. Было забавно смотреть из толпы, как её бережливый голос то тут, то там вырывался, чтобы долететь до каждого. Практически все ученики были выше неё. Бедная завхоз, она явно терялась в таком гигантском пространстве. Это я так думал. А потом понял, что она тут ориентировалась, как таракан на кухне (возможно, не самое приятное сравнение), и будто любые стены готовы разойтись, лишь бы уступить ей дорогу. Было видно, как эта женщина любит школу, и как ей немного малы пиджак с юбкой. Она посто-

янно одёргивала их, и бормотала, что запретит муссовые пирожки с манго и малиной в столовой.

Кстати, о буфете. Нас туда даже не пустили, со словами: «Вы захотите остаться там жить, наплевав даже на викторину». Это ещё больше заинтриговало каждого из нас: во-первых, я уже хотел эти муссовые неладные пирожки, про которые, ругаясь, упоминала завхоз, во-вторых, мы снова вспомнили про викторину, забыв про неё, шагая по коридорам школы.

Нас провели по одной из стеклянных лестниц, матовые полы, оказалось, были настолько крепкие, что их не поцарапать и не пробить, а каждая ступенька подсвечивалась тем или иным цветом. Это было занятно, потому что создавалось впечатление, что ты вообще не в школе идёшь, а в каком-то развлекательном центре. По словам завхоза, эту подсветку сделали не так давно. А именно после одной научной конференции, где выступал сам профессор Наумайкин и вещал про влияние цветковых полов на развитие ещё подрастающего организма. Было тут же решено переделать все лестницы в школе.

– Ну, дают! Вот это класс! Я останусь жить прямо на этих ступеньках! — вокруг себя я без конца слышал уже знакомые и незнакомые голоса, которые восхищались всем, что видели и слышали. Я тоже готов был к ним присоединиться, но я настолько был счастлив, что если бы открыл рот, то закричал на всю школу, какой же тут прекрасный своеобраз-

ный мир.

Когда нас стали подводить к холлу, похожему на купол с множеством тёмно-синих сот, я почувствовал, как стала меняться атмосфера среди учеников. Будто наступало что-то серьёзное, и был уверен, что все поняли: сейчас начнётся та самая викторина, про которую никто никогда не слышал, благодаря секретности школы.

У входа в этот купол стоял ещё один работник заведения со специальным оборудованием рядом с ним. Он подозвал нас поближе и стал выдавать какие-то лёгкие шлемы с очками виртуального видения. Кариуту пришлось не только свой ирокез помять, но и очки крутые снять. Шлем и мои волосы примял, а для Носолома настроили виртуальные очки под его зрение. И чего ему линзы не нравились? Почти все давно на них перешли, а он всё четвероглазым ходил.

— Каждый из вас теперь подключён к нашему оборудованию, так что мы можем отслеживать ваши мысли и предполагаемые действия. Когда вы зайдёте в этот купол, — мужчина указал на сферу с сотами позади себя, — для вас спроецируется определённое пространство и непредвиденная ситуация. Ваша задача только одна — продержаться пять минут. Насилие, естественно, запрещено. Снимать оборудование также нельзя.

Нога последнего из нас пересекла незримую границу, и начался хаос. На нас хлынул такой ливень, что я не мог разобрать даже силуэты рядом стоящих людей.

«Я весь мокрый насквозь. Если так будет продолжаться, то за пять минут вполне реально, что тут будет целое озеро. Вопрос только: какой глубины...» — поначалу я решил не паниковать и оценить ситуацию, потому что впереди уже слышал голоса тех, кто не смог не среагировать натакую внезапность.

Чья-то рука опустилась мне на плечо, я, протирая спецочки от капель, пытался понять, кто это и что ему было нужно. «Ух, это высоченный Некит». Он стал что-то жестами показывать влево, потом наматывал пальцами невидимые спирали вокруг головы, и через несколько секунд я понял, что он хочет найти Нику. Юлия мы потеряли сразу же, потому что маленького и худого парня толпа отнесла далеко вперёд. Я пока не понимал, что такого в этом бурном ливне, кроме угрозы затопления, и медленно пробирался влево через его толщу. Минуту мы искали девочку, хоть какую-нибудь, но вообще никого не смогли найти. Вокруг раздавались жуткие визги, а люди как будто куда-то пропали. Что-то не весело вообще. Где все? Предположим, что площадь купола большая, но не настолько, чтобы все отошли друг от друга так далеко, что найтись было нереально.

Атмосфера начала давить: ничего не видно, слышны только страшные вопли, вокруг ни души, рядом хотя бы есть Некит. Некит? «Эй, а он-то где? Черт!» Я отчаялся. К одиночеству я привык, не имея настоящих друзей в прошлом, но в этой ситуации быть одному не хотелось совершенно. Тут ме-

ня снова кто-то взял за плечо. «Слава метеориту, он рядом!» Я попытался крикнуть, чтобы он меня услышал, но дождь усилился. Воды было теперь так много, что мы с трудом переставляли намокшие ноги, а ведь прошли минута и секунд двадцать. Мы всё ещё брели в неизвестном направлении, пока не наткнулись на стену. Обернувшись, мы осознали, что зашли в тупик, никаких навесов, участков суши или чего-то ещё обнаружено не было, пока мы шли. Что делать? Рядом показался человек, а потом на его месте остались одни пузыри. Его что, засосало под воду? Я увидел, как ещё в кое-каких местах рядом забурила вода.

– Некит, эти пузыри опасны!

Кажется, он уже это понял, потому что его длинное тело стало подбираться ко мне, спасаясь от бурлящего места. «Думай, думай, думай!» — я так злился на самого себя. Чувство страха, опасности, даже смерти, поглотили меня так сильно, что я не мог здраво мыслить.

По голове стукнул Некит. Я хотел было заорать, что мог бы и по плечу, но понял: вода уже была мне по шею. Затем я забыл, что находилось сзади меня, и, попытавшись развернуться, врезался в стену.

Некит показал мне кулак и изобразил, что бьёт стену. Он хочет в отчаянии бить по стене? Он предлагает это мне, как более сильному, прошедшему врата?

Новый друг сам стал бить в одну точку, и до меня дошло. Какой же я болван! Я присоединился к нему и вложил всю

силу в свой удар. В глазах потемнело, а в ушах заиграла сирена.

Очнувшись, я понял, что лежу на полу прямо у стены этого купола совершенно сухой, везде также сухо и довольно светло, а напротив красовалась разбитая сота из тёмно-синего стекла.

— Дэн, ты как? — рыжий ирокез (и когда он успел привести его в порядок?) дарил мне широченную улыбку и говорил, что я снова отличился, но я не понял, как.

Оказывается, что я сломал одну из проецирующих сот, после чего викторина (будь она не ладна!) тут же закончилась.

Завхоз объясняла смысл испытания остальным, пока я поднимался с помощью друга:

— ... те, кто додумался, что это игра вашего воображения, — она уже пожимала руки Зализышу, двум близняшкам, держащимся за руки, ещё одному парню и Юлию! — поздравляю, ваш мозг очень хорошо подготовлен, поэтому такого рода воздействия вам не страшны. Ребята, которых засосала бурлящая вода, — вы очень неосторожны. В экстренных ситуациях вы должны быть бдительными, раз уж не поняли, что вам надо успокоиться и развеять позитивными мыслями навязанный ливень. В итоге, вы провалили вообще задание. Это же и относится к тем, кто утонул. Сейчас мы окажем пострадавшим первую психологическую помощь.

Круглолицая дама сочувственно вздохнула. Я не увидел

в толпе светлые короткие кудряшки, поэтому подумал, что среди утопающих, которых отвели куда-то, была и Ника. Но Некит тихонько показал мне на край толпы, и я увидел, как Ника нам махала: мол, идите сюда. Её бледное лицо только-только стало набирать естественный оттенок, а зелёные глаза были печальны.

– Я провалила. Может и догадалась бы, так как время ещё было, но ты быстренько прикрыл эту лавочку, — засмеялась она. А я видел, как она была недовольна собой.

– Прости, я пока не совсем понимаю, что сделал.

– Мы с тобой проекцию сломали, дружище! — веселился Некит. – У тебя отличный удар.

– И, конечно, нестандартный выход — сломать нам оборудование. Мальчик с чёрным ёжиком и высокий с рыжим ирокезом, простите, имён пока не знаю, выйдите сюда, к прошедшим. Вас же тоже можно считать победителями. Просто у вас несколько ... хм.. странные методы.

– Что? — я не верил своим ушам, я ж вообще ничего не понял.

– Как вы до такого додумались? — недоумевала, но вроде бы не сердилась мадам завхоз, вытаскивая нас вперёд.

– Я понял, что это виртуальная проекция, сопоставил с тем, что купол состоял из экранов и решил использовать силу Дэна, чтобы сломать один из них.

– Невероятно! А способ «успокоиться и мыслить позитивно» не пришёл в голову?

— Пришёл, — виновато почесал затылок Кариут, — просто мы уже были достаточно напуганы, чтобы успокаиваться. Вода по шею была. Потом ещё эти пузыри...

— Ясно. Ну что ж, у нас семь победителей викторины. Ваши результаты будем транслировать завтра по экранам для школьных новостей. Поздравляю! Это было интересно. А те, кто потерпел неудачу в этот раз, не отчаивайтесь! У вас всё впереди!

С этими словами она дала знак, что её работа тут завершена, попросила последовать на первый этаж к регистрационным листам. Многие ещё ждали тех, кому оказывали психологическую помощь, остальные решили снова попытаться проникнуть в столовую или просто погулять по ещё не изученным коридорам. Наша компания наконец собралась: Ника снова поздравила нас и Юлия, мы ещё пообсуждали это «весёлое» мероприятие, поняли, что учителя превзошли все наши ожидания, даже Ники, и случайно увидели его...

Под два метра ростом, подтянутый, улыбающийся, в лёгком джемпере серого цвета с коричневыми вставками, небольшая бородка и бакенбарды — это был он! Директор! Его знали все ещё с самого детства. Он был публичной личностью, ведь его задача была привлекать каждый год лучших из лучших в своё учебное заведение. Мы так и замерли, хотели поздороваться, а он, как-то воровато оглядываясь, зашел в дверь по лестнице. Мы проводили его восхищёнными взглядами. И заговорили только тогда, когда смешались

с толпой учеников.

— Ну, директор даёт — проспять первую церемонию в этом году, да это беспредел вообще! — восхищённо сказал Некит, потирая свои руки о карманы униформы.

Забыл упомянуть выше, что цвет формы менялся из года в год в зависимости от того, на каком курсе учился. Сейчас на нас тёмно-зелёные пиджаки и брюки, светло-зелёные рубашки с коротким рукавом и чёрный небольшой галстук. Обувь на выбор. Поэтому сантиметры каблуков у девочек варьировались от мала до велика, а цветовая гамма мальчишеских кроссовок не уступала радуге. На Нике сидела юбка чуть выше колена, дайте-ка прикину (сделал жест, прищурился — измерил) на мою среднестатистическую ладонь вверх. Длина что надо. Жилет и блузка с длинным рукавом.

— Т-с-с, давай потише, а? — предложил Носолом. Для меня была загадка, как вообще очкарик жил! Его русые волосы были в таком беспорядке, что часть, если не половина, свисала на лоб, закрывая обзор вдвое.

— Да ты чего, не дрей, четырёхглазый! — локтем мой новый товарищ ткнул Юлия под ребро, при этом ему пришлось серьёзно согнуться, учитывая разницу в росте.

— Ауч, да о таких вещах вообще не говорят! Культурные люди... — тут он поправил свои очки, — не обращают внимания на недостатки.

На слове «недостатки» он сделал особый акцент, намекающий на другое слово «очкарик», но, похоже, тому, кто во-

обще-то тоже носил очки, только солнцезащитные, объяснять такими тонкими намёками не стоило — толку-то!

Обстановку, как уже завелось, разрядила Ника весёлым голосом:

– Ребят, вы в класс собираетесь записываться? Или так и будем стоять бездельничать?

Мы вышли из одного просторного коридора с лестницей в главный холл, где обнаружили небольшой отсек со стойкой регистрации. Когда мы подошли к спискам классов, оказалось, что их всего будет три. Ну да, обычно ж больше людей поступает... а дальше оказалось, что классы 1 и 2 особо укомплектовываться не хотят. Все потому, что в первый записался Зализыш, и уже приобрёл там четырнадцать остальных учеников. Во второй класс записался Верзила, а после него туда уже никто записываться не стал (набралось всего десять человек), получалось, что в третий класс записались уже семнадцать человек!

– Кажется, я начинаю догадываться, почему... — смутные предположения начали приобретать чёткие очертания.

– Похоже, тебя за соперника не считают, Дэнчик, — Некит хлопнул меня по плечу, а невидимая, но, блин, болючая стрела пронзила моё сердце. Я пригладил непослушные тёмные волосы и заиграл желваками на лице.

– Полегче, Кариут, — нахмурилась единственная девушка в нашей компании. Затем добавила: — Раз так, ты должен бросить вызов им всем! Её взгляд — такой серьёзный и уве-

ренный — принадлежал только мне, и я точно почувствовал в этот момент огонь, что чёрным жидким пламенем растёкся по моему телу. Я пробудился. Если был кто-то, кто верил в меня, то я это сделаю.

Я взял пишущую ручку так, как взял бы её мой любимый герой из популярного фильма, — высоко поднял над головой и пикирующим движением написал свою фамилию в список третьего класса. Я был восемнадцатым. Люблю числа 2, 4, 8. Значит, и восемнадцать сойдёт. Что ж, а положение усугубляется — война есть война.

«Да чё-о-орт, я сюда не воевать вообще пришёл!» — в который раз внутренний паникёр забегал по полочкам мозга, вырывая извилины, как волосы на голове.

Наш новоиспечённый квартет оказался чуть ли не последними в списке класса 1/3. Ну, это и к лучшему. За меня снова решили другие. Я так привык.

Но хорошо ли это для меня самого? Чего хотел я? Этот ли путь я выбирал с самого начала?? И даже на викторине: я не смог бы победить без Некита, я вслепую последовал за ним...

В каком-то подавленном состоянии я занял место (начинаю верить в своё невезение), которое находилось под носом учителя, то есть средний ряд, первая парта. Прекрасно, не правда ли? Своих друзей рядом я не наблюдал, хотя через три парты по диагонали невозможно было не заметить шевелюру Некита, он точно был самым высоким в классе.

Вот последние ребята подтянулись, хотя я толком ни на

кого и не смотрел, так что позже постепенно поведаю про тех или иных одноклассников. И вообще рассказ о них явно мерк на фоне того, каким оказался наш классный руководитель.

В классе... нет-нет, если вы думаете, что никто и не заметил, как в классе появился наш классрук, то вы мыслите слишком стандартно. Здесь никогда не будет таких ситуаций, когда кто-то кричит что-то непристойное или смешное, а потом понимает, что прозевал приход учителя. О, Христос — великий из метеоритов, не заметить гром шагов, поражающий всё вокруг, нереально.

Сначала вы слышите ЭТО: ту-дум, ту-дум, пфффф, пфффф (шаги, потом выдох-передышки), затем вы начинаете видеть тучный силуэт за матовым стеклом школьной двери в аудиторию, и только потом вы лицезрите её — Эмилию Игнатьевну — заместителя директора по учебной работе со способностями и по совместительству руководителя класса 1/3!

Глава 3

Все ожидали услышать первые слова от этой грозной женщины. Хрупкой или утончённой её не назвать, как ни изгаляйся. Шутить над ней никому не захочется. Но надо было видеть наши лица, когда мы слышали её голос; глаза наши стали с метеорит — и это ещё мягко сказано.

– Класс 1/3, — только не говорите, что представили громоподобный голос Зевса (кажется, это какой-то древний бог, которому поклонялись некие греки). Её голос был настолько писклявым, что один из парней со второй парты у окна не выдержал и заржал в голос. Честно, он самоубийца.

Эмилия Игнатьевна медленно-медленно повернула голову в его сторону. Вы представляете? Она вынуждена была сделать такие усилия! Парень, почувствовав неладное, мигом сжал голову в плечи. Но замдиректора была так оскорблена, что пропищала на одном дыхании:

– Я начну с экстренного сообщения. Класс 1/3, вы продолжите обучение в количестве двадцати четырёх человек. Рик Тупинидзе, вынуждена попросить вас собрать свои вещи и покинуть школу через главные ворота.

Это бесчестно: выйти за пределы школы через главные ворота в первый же день в школе! Его семью ждал позор, а самого его вряд ли кто-то захочет брать в подобное заведе-

ние. Парень сдурил. Но такова реальность: если попал в лучшую школу нашего Земного пространства, не жди, что здесь будут какие-то поблажки. Знаете, именно с этого случая я словно понял до конца: мне нельзя давать себе и малейшего спуска. Если я где-то выложусь не на сто процентов, я проиграл.

Теперь весь класс вытянулся по струнке, и, если бы был червяк или гусеница, было б слышно, как насекомое ползло. Хотя сомневаюсь, что даже червяк осмелился что-либо делать в присутствии этой женщины. Я могу сказать с уверенностью, что каждый в классе, нет, во всей школе, при одном взгляде на Эмилию Игнатьевну понимал сразу: она была опасна. Её взгляд пробирал до жути, а когда она делала какое-то вынужденное движение из-за вас, хотелось вырыть себе могилку и прыгнуть в неё здесь и сейчас. Поэтому лучше было не видеть парня: на нём не было ни лица, ни признаков жизни вообще. Ни о каком прощении речи и не шло. Я думаю, как бы ни раскаивался теперь Рик, он уже не сможет изменить что-либо. Вот такая жестокая реальность: один смешок — и ты был обречён.

Рик поспешно покинул аудиторию, а лампочки над дверью, их было двадцать пять, тут же поменялись: горело только двадцать четыре. Классный руководитель попросила пересесть Юлия на место Рика, и после реактивной пересадки очкарика она продолжила с того, с чего хотела начать.

— Класс 1/3, как вы уже поняли, во-первых, я ваш класс-

ный руководитель и замдиректора по учебной работе со способностями. Во-вторых, я не терплю тупых. В-третьих, наши занятия начинаются прямо сейчас. Я не могу сказать, что вы счастливики, раз самый важный предмет буду вести я — специалист по способностям, потому что я буду преподавать и в других классах.

У каждого из нас потеплело на душе: значит, мучиться будем не мы одни.

— ...но это также значит, что ваш класс я буду спрашивать усерднее, ведь наша задача, — она подняла свою тяжёлую руку и пухлой ладонью ударила по доске, — стать лучшим классом среди первоодок.

— Мне нравится такой настрой, — тихо проговорила Ника Волконская. Я начинаю думать, что моя новая подруга страшная.

А Эмилия Игнатьевна нашла взглядом эту девушку и кивнула. Создалось впечатление, что Ника не вызвала у завуча отрицательных эмоций, значит, даже у неё могут быть любимчики?

«Христос, сделай так, чтобы Ника была в их числе!»

Словно прочитав мои мысли, классрук сверкнула в мою сторону таким презренным взглядом, что вся мужская половина в классе ощутила: она мужененавистница!

— Я продолжаю. Всё, что я говорю, желательно высекать на сердце и скоблить на полках ума, потому что я спрашиваю досконально. Мой предмет невозможно не сдать. Знаете, по-

чему? Правильно, потому что пока вы все мне не ответите, вы будете ходить и пересдавать. И не надейтесь, что я из-за неудачных попыток отчислю вас. Это невозможно. Мой предмет, как и моё преподавание, выбран не случайно. Я не знаю пощады, и я тот человек, который никогда не преклонится перед слабостью другого.

Как же было сложно воспринимать её серьёзность с таким-то голосом! Что поделаешь, мы все долго шли к цели — получить способность, остался один огромный шаг, но один — закончить школу №1.

— Не отвлекаться! — она не повысила голос, просто её рука снова тяжело плюхнула по доске. Я не понимаю, как это сенсорное стекло выдерживает её натиск, может, оно бронированное? — Прямо сейчас я буду вводить вас в курс дела, затем небольшой перерыв, а дальше моя первая лекция, после которой вы тут же начнёте практиковаться. Только мы перейдём в специальный зал для практики.

— Ух ты, мы не всегда будем сидеть за партами? — восхитился кто-то сзади.

Как ни странно, этот вопрос классрук восприняла адекватно:

— Нет, это же не обычная школа, вы сюда попали, чтобы обрести способности не самые простые и стандартные. Так что будьте готовы к различным методам преподавания на уроках. Иногда будет казаться, что тот или иной предмет вообще никоим образом не связан с вашим будущим, но вы

ошибаетесь. Здесь не будет синусов и косинусов, которые потом мало кому нужны. И кстати, ещё раз кто-то спросит без поднятия руки, будет наказан.

Ника подняла руку, Эмилия Игнатьевна вздохнула, что её прерывают, но всё-таки разрешила спросить:

– Скажите, пожалуйста, а будет какое-то ознакомление с правилами проживания?

Эмилия подняла брови вверх. Жуть.

– А что, вы ещё не выучили весь устав школьника?

– Лично я выучила, но мне не совсем понятен пункт 3.14, и я хотела бы уточнить, поэтому и спросила: будет ли какой-то инструктаж.

– Инструктажа не будет, предполагается, что вы уже это всё знаете. Это выучили даже те, кто сюда сегодня не попал. Что конкретно непонятно в пункте 3.14 «О неразглашении учебных действий»? Разве там не ясно написано?

– Видите ли, меня смущает уверенность, с которой написан этот пункт. Неужели никто за всё время существования школы не проговорился о тайных тренировках в школе №1? Это невозможно.

– Ты права, те, кто пытался проговориться, больше не существуют в этом мире.

Девочка сглотнула:

– То есть как? За разглашение — с-смерть?

– Не совсем, — до чего же спокойный и холодный голос был сейчас у зама. — Давайте рассуждать логически: те, кто

учатся у нас в школе, приложили огромные усилия, чтобы здесь оказаться и поддерживать себя на уровне, так? Скажите, какой им резон будет рассказывать о тайных тренировках, если весь мир им соперник? Неужели они пойдут рассказывать друзьям во дворе, как тут «круто» и что именно делают здесь учащиеся? Нет. Потому что каждый осознаёт всю серьёзность; никто не хочет вылететь, если вскроется правда — а она вскроется быстро, все будут продавать эту информацию. Кстати, именно по этой причине вы живёте три года в стенах этой школы без права выезда домой. Только родители имеют право приехать к вам. Вы же не вольны передвигаться за пределами территории школы. Это, надеюсь, все и так знают.

Честно говоря, многим было нелегко смириться с таким уставом, но не мне. Друзей у меня как таковых не было, в семье я не один, но связи особой не было с сестрой. А родители не верили в меня. Терять мне явно было нечего.

— Это ещё не всё. Итак, с учениками разобрались. Вы не выходите за стены, дабы избежать нападения охотников за информацией. Теперь я полагаю, что вы, Волконская, спросите, как быть с выпускниками? Вот уж на их счёт школа не беспокоится вообще. Это вы поймёте, если дойдёте до конца обучения.

— Вы же сказали, что мы дойдём, ведь ваш предмет невозможно не сдать? — не понял Юлий, не забыв поднять руку при вопросе. Он ещё и встал зачем-то.

— Сядь, я не просила поднимать всего себя, только руку. Я сказала это про свой предмет, учитывая, если со всеми другими у вас будет полный порядок. Если же вы не сдаёте что-то другое — прощайте.

— Простите, Эмилия Игнатьевна, а разве те, кого выгнали из школы, не захотят назло всем выдать тайную информацию?

— Вы правы. Это типичный случай. Поэтому тех, кто поклялся не разглашать при любых обстоятельствах, и всё-таки пробалтывается, устраниают. Такова плата.

— Устраниают... Можно уточнить? Убивают?

— И это тоже. Степень урона берётся в расчёт. Если вам эта тема так интересна, задайте оставшиеся вопросы другому преподавателю, который будет вещать вам про законы, связанные со школой и со способностями. Это будет, правда, во втором полугодии. Потерпите?

— Да, спасибо, что уделили время моему вопросу.

— Мне нравится ваша серьёзность, Волконская. И я люблю неглупые вопросы. Продолжим.

Парень, что сидел на первой парте справа от меня, поднял руку и после молчаливого разрешения задал вопрос:

— Руан Люмьер, — представился и продолжил, — а когда нам покажут полный список способностей, ради которых мы поступали?

Довольно наглая форма вопроса, на мой взгляд, произвела феерию в классе. На лицах многих читалось: «Да, он прав,

где список?», кто-то качал головой, как Юлий, выказывая своё неодобрение такому тону, а у кого-то вроде меня бешено заколотилось сердце. Тема-то животрепещущая. Дело в том, что некоторая информация из списков выкладывалась в интернет, но большая часть способностей оставалась за кадром, всё ради той самой секретности.

Эмилия была сдержана, что не особо удивило. Эта женщина умела контролировать не только пространство и людей вокруг, но и саму себя. Холодным тоном она дала понять, что подобные вопросы пока придержать стоит при себе:

– Вы ещё слишком зелёные, чтобы обсуждать такие темы со мной. Но после адаптационного периода, за который, возможно, кто-то покинет нас, не выдержав нагрузки, мы обязательно вернёмся к этому вопросу, как и предписано учебному плану. Сейчас вы не готовы ни физически, ни морально к знакомству со списком.

Новая волна интриги пробежала по классу, но железо в голосе учителя остановило все наши гипотетические попытки продолжить расспрос. Поэтому классрук продолжила основную ветвь беседы с классом. Не успела Эмилия Игнатьевна поведать нам о стипендии, как дверь класса открылась, и на пороге появился низенький мужчина, одетый в бежевую форму школьного персонала. Замдиректора не стала обращать на него внимания, так как это, похоже, было привычной ситуацией, но все остальные, оторвавшись от речи Эмилии, стали наблюдать за работником школы.

Он аккуратно переступил порог класса, повернулся ко всем спиной и принялся разглядывать лампочки над входом. Без единого звука совершил щелчок пальцами, и двадцать пятая лампочка снова зажглась. По классу прокатился восхищённый вздох. Хотя мир давно привык к проявлению способностей, для любого ученика видеть силу в действии было сродни чуду. Классрук, увидев, что её никто не слушал, метнула в электрика строгий взгляд. Тот, замешкавшись, быстро пересчитал учеников и понял, что одного не хватало. Затем, как бы сообразив, что перед ним сама Эмилия Игнатьевна, сделал вывод, что последний ученик так к нам и не присоединится. После чего снова повернулся к лампочкам и потёр большой и указательный палец правой руки друг об друга. Двадцать пятая лампочка исчезла, мужчина скользнул в дверь, а Эмилия прокомментировала:

– На территории школы пользоваться способностями может только персонал школы, так как их сила напрямую связана с должностью. А вот учителям позволено использовать способности только по приказу директора. Поэтому за всё время учёбы мне, к сожалению, не получится повеселиться.

Последние её слова заставили несколько по-другому посмотреть на эту холодную даму. Ей присущ юмор? Вдруг да? То какой он, если не чёрный?

Дальше нам рассказали, что нужно носить с собою каждый день — это ученический голографический планшет, ку-

да записывалось всё: наша работа, домашние задания, лекции, оценки и так далее. Все в одном. Также за каждым теперь был закреплённый номер. Мой — 8. Вот так удача! Номера потребуются для краткости и конфиденциальности в зачётах. Другие классы не будут знать наши номера, а мы их. Политика школы — негласность, поэтому мы крайне редко будем встречаться с другими учениками, жить и учиться будем в своём крыле школы. Аудиторий у нас будет много, поймём по мере наполнения предметов в список изучаемых.

— Перерыв. У вас 15 минут, чтобы переварить информацию и поесть, — грузная туча вышла из класса.

— Думаю, обсуждать её не стоит даже, когда она ушла на пятнадцать минут, — заключил я.

— А я и не сторонник, — согласился Носолом.

— Мне она жутко понравилась, — почему Ника сверкала восторженными глазами? Это же была шутка?

— Ребят, мы идём в столовую за теми самыми хваленными пирожками? Черт возьми, они не дают мне покоя уже больше часа! — навалился на нас рыжий ирокез.

— И правда... было бы неплохо заценить их, — мечтательно произнёс я, оценивая, куда решили двинуться остальные одноклассники. Но, выйдя в коридор, уже непонятно было, кто куда движется в этой зелёной массе школьных форм.

— Только о еде и думаете! Не успеем, — сделал вывод Юлий, — предлагаю альтернативу: опробовать автомат в центральной рекреации, что находится по пути к этому клас-

су.

— М-м-м, что-то такое видел, — припомнил Некит.

— Тогда решено: берём там всё, что можем скупить, быстро лопаем и бежим сюда, — откуда у Ники было столько энергии, ей-богу, Христос, ответь!?

Хоть нам и сказали, что видеться с другими классами мы будем редко, но обеденное время для всех. Так что в общей рекреации, откуда вели уже свои коридоры для отдельных классов, собралась приличная толпа. Кажется, отсутствовало от силы человек десять, никто не рискнул идти в первую перемену в столовую. Мы сразу же направились к целому ряду автоматов с едой и напитками на любой вкус, и даже ещё не торопились с выбором. Здесь было такое разнообразие еды, что вы могли взять мини-набор роллов (японская кухня), пельмешки от Олежки (русская кухня), лягушки под соусом л'ямур (что за соус эти французы придумали? Их страны нет, а они всё лягушек жарят), пиццу, пасту, хинкали, бургеры, сэндвичи и прочих вкусностей.

— Я заметил, что тут нет прилизанного блондина, а также вообще кого-либо из класса 1/1, — тихо заметил Кариут.

— Некит, ты что, выучил всех, кто поступил? — восхитилась Волконская.

— Да не, всех не выучил. Осталась парочка человек. А так сорок шесть усвоено уже. У меня хорошая фотографическая память, — выпрямился парень.

— Ого! Я вообще никого, кроме вас, Верзилы и Зализыша,

не запомнил, — восхитился я.

— Как-как? Верзила? Зализыш? — Ника уже схватилась за живот, а её кудряшки стали тихонько сотрясаться.

— Теперь мне понятно, как вы прошли испытание, хотя вроде оба умом не блещете, — пробормотал Носолом.

Некит напыжился и готов был уже и кулаками почесать.

— Да ладно тебе! Правду ж говорит, — улыбнулся я. К чему сейчас конфликты?

— Я правильно расслышал? Это я-то верзила? — над моим ухом прогремел гром.

Я осторожно повернулся и чуть было не врезался в массивную грудь, по которой ещё и рассыпаны были длинные волосы. Бугай, он и в небосандии бугай.

— Не называть же тебя Пушок?

— Пушок? — недоуменно прорычал огромный парень (я бы даже сказал, молодой мужик).

— Ну, у тебя такие волосы длинные, а ещё щетина отросла, — моя голова медленно вжималась в плечи.

— Какхка-какха! Ты меня насмешил, — заржал, будто табун единорогов, недавно выведенных по ДНК ископаемых. А потом резко смех оборвался, и его брови напомнили две огромные волосатые тучи: — За это прихлопну тебя чуть позже. Думаешь, раз догадался долбануть по стене, сразу крутым стал? Как бы не так. Я тебя ненавижу теперь ещё больше, так как мне не хватило времени на свою задумку, чтобы пройти викторину вовремя.

– Да это не я додумался...

Меня оборвали:

– Мне плевать, своим куриным мозгом или чьим другим ты до этого додумался, но ты мне всю малину попортил. Не прощу!

Парочка одноклассников Верзилы уже давно хотели вмешаться, а когда он сделал шаг ко мне, они выступили вперёд и извинились за такое поведение. Бугай мотанул вправо свой длинный хвост и заиграл мускулами на всём теле. Видно, что он еле сдерживался.

– Ника, салют, — какая-то девчонка, ещё ниже меня, подбежала к нам и, наверно, случайно задела меня своим бюстом. Я, как рак, покраснел. Что за день, блин? — Вы уже выбрали старосту? Простите нашего.

– О, Лола, привет. Я тебя искала, но ты как-то затерялась, наверно. Поздравляю с поступлением. Старосту не выбрали.

– Хм? А чего так? Класс плохой попался? И с чего ты сомневалась во мне. Я поступила бы сюда любой ценой. Я не могу уступить тебе.

– Они соперницы что ли? — не понял Некит. — Стой! Верзила их староста?

Он уже успел прикупить что-то в автомате, поэтому сейчас чуть ли не подавился первым куском аппетитной булочки.

– Соперницы, — услышала девчонка и развернула свой немалый бюст к Кариуту. — А с таким старостой нам всё

ни по чем, надо только будет держать его в руках время от времени. Сила решает всё, не правда ли, Ника?

— Ты не права. Но это не значит, что я буду недооценивать вас. Вызов принят, — посерьёзнела Ника на последних словах. А поначалу-то улыбалась.

«Что? Вот так просто? Да я даже толком и сказать ничего не могу в обществе своего соперника Верзилы, а она так легко...» — я не переставал удивляться этой на вид хрупкой девушке.

— Самым сложным для меня будет за эти три года — познать женщин, — уныло констатировал Юлий.

— Это точно. Я даже почувствовал, как невидимые молнии метались тут и там, — подтвердил я. Эйнштейнович закивал в ответ. Я рад, что у меня появлялись единомышленники, пусть и в таких щекотливых вопросах.

— Ребят, уж... икуп...л шохтел, — жуя, пытался говорить Некит.

— Да, ты прав, время-то идёт, — мы направились к автоматам.

Признаться, вкусно поесть я любил, много поесть, но вот в кухнях совершенно не разбирался. Дома, что готовили, то и ел. Особого разнообразия не было в домашнем меню.

— Я даже не знаю, что взять. Живот подаёт мне неразумные идеи, типа: скупи всё, и узнаешь, что тебе больше понравится, — недоумевал я.

— Дэн, я хорошо разбираюсь в этих вопросах, но не хочу

тебе навязывать своё мнение, вдруг у нас разные гастрономические вкусы. Можно я дам тебе просто совет? — на помощь пришла Ника.

— Спасибо, я уже многим тебе обязан. — С благодарностью посмотрел на неё, ожидая совет.

— Я хочу поддержать тебя, поэтому предлагаю следующее: давай начнём исследовать различные кухни вместе, я буду твоим гидом. Первый на очереди у нас автомат с африканской кухней, ну как идея?

— Класс! Я с вами! — за меня ответил Носолом.

— Я к вам в следующий раз присоединюсь. Ника, ты умеешь сплотить народ, — подытожил ирокез.

— Храйме, берём? — я уже начал изучать блюда.

— Если ты любитель рыбного, то вполне. Я, можно сказать, всеядная, так что с удовольствием съем храйме.

— Я, пожалуй, возьму самоса — мясные пироги по африканскому рецепту, — решил Юлий.

— Вы так много знаете... я, конечно, не спец, но мешать мясо и рыбу не буду, поэтому возьму храйме. Что на десерт? И какой напиток подойдёт? — стал дальше расспрашивать нашу гурманку.

— Я буду и храйме, и самоса, — мы все переглянулись, она ещё и обжора? — Из десерта возьмём молочный тарт, а попить — традиционный каркадэ «Каир» с нотками апельсина. Как вам?

— Звучит вкусно, берём! — я немного воодушевился вы-

бором еды, поэтому мои грустные размышления, недавно меня посещавшие, потихоньку стали развеиваться. Но всё же огромная неуверенность в себе кипела где-то в районе моего желудка. Если бы не ребята, я бы уже, возможно, был раздавлен Верзилой.

На кожаном диванчике у одной из стен без информационного блока мы и расположились. Нести горячую еду было не сложно, потому что при заказе из автомата дополнительно вылетает поднос, а на нём уже еда. Журнальный столик был тут же при диване, поэтому мы, довольные скоростью исполнения заказа, распаковывали новые блюда.

— Зачем тогда вообще нужна столовая, если есть такое чудо? — спрашивал Некит, глядя на нас. Он купил себе пять булочек, и уже ни одной в руках не было. У него, похоже, самые сильные мышцы — во рту, — и самые работоспособные.

— Пф-ф-ф.

Храйме разлетелся целым водопадом из моего рта.

— Дэн, ты в порядке? Что случилось? — трое друзей обратили свои взоры на меня.

— Кажется, я знаю, для чего нужна столовка...

— Да ладно? Всё так плохо? — не верила Ника, поднося первую ложку с храйме к своим пухлым губам. — Пф-ф-ф.

— Ника? — теперь Юлий ничего не понимал. Он осторожно принялся к храйме и с омерзением отодвинул от себя мою одноразовую тарелку, которую я пододвинул к нему для пробы.

— Это в каком году приготовлено? Блин! — я был крайне потрясён.

— Такой ужасный вкус. Не думаю, что этот продукт испорчен. Возможно, такова цена за еду из автомата? — попыталась оправдаться Ника.

— Да какая разница? Они столько денег содрали!

— Ты прав, Носолом. Но почему же тогда Некит съел все булочки? — Ника повернулась к самому высокому из нашей четвёрки.

— Они реально вкусные были. И свежие!

— Странно...

— Я попробую чай и тарт, — решил я. — Если упаду назад, значит, мгновенное отравление. Помните меня! Фух, с Христосом-метеоритом! Пробую. — Все замерли в ожидании, никто даже не успел среагировать на мои слова. Я зажмурился, надкусил тарт и быстро всё запил...

— Черт! Да это божественно!

Мои глаза засияли, а следом отправился ещё один кусок.

— Ничего не понимаю, но ты же сейчас всё слопаешь без нас! Подожди! — закричала Ника.

Стало так весело! Забылось на мгновение, какой я беспомощный идиот.

— Я думаю, что автоматам можно доверять только в плане выпечки и напитков, — сделал вывод Юлий.

— Почему ты так решил?

— Дэн, неужели непонятно? Всем на переменах надо быст-

ро перекусить, храйме — не то блюдо, которое можно быстро проглотить, как и суп, и мясо. Соответственно, все берут только сладкое для энергии и напитки, чтобы всё это запить. Получается, что нет смысла в таких блюдах, как храйме. Посмотрите, никто и не заказывает подобное.

— А ты раньше додуматься не мог, Носолом? — возмутился Некит. Хотя он и не пострадал, но поволновался за наши животы.

— А ты чего загрузился? Только что ж весёлый был? — тряхнула в мою сторону кудряшками девушка.

— Да не, так, задумался вроде, — соврал немного я.

Как будто она читала мои мысли! Потому что в следующий миг она стала говорить странные вещи для той ситуации:

— А-а, я так счастлива! Счастлива, что мы познакомились. А то ещё пришлось бы с Лолой учиться, — Волконская улыбалась. — Хотя всё это во многом благодаря Дэну.

Я замер. Мне? А она продолжала, смотря на меня с боку:

— Я не думала, что внешность может быть так обманчива. У врат я увидела парня, который был настолько растерян, что решила непременно ему помочь, объединившись с ним, чтобы открыть дверь. Но его взгляд был полон такой уверенности, что я осталась простым наблюдателем. Я тоже боялась открывать врата, но он придал мне сил, и тогда я нашла вас, ребята, — её голос был такой тёплый, уверен, он откликался на нас всех. Я сглотнул. Никто никогда не говорил мне, что

я придаю сил.

— Потом на викторине... — продолжала она. — Он доверился новому товарищу, хотя ситуация должна была вывести из спокойствия любого. А он просто слепо последовал за тобой, Некит. — Теперь улыбались они двое.

— А перед этим, Юлий, помнишь? Он не хотел перед кем-то красоваться и не встал со своего места в зале, пока я и Некит по твоему знаку не толкнули его в бока. — Юлий тоже заулыбался.

— Ты удивительный, Дэн. Ты так наивно можешь доверять тем, кто просто назвал себя твоим другом... ты посмел сказать Верзиле про его пушок, ты решил довериться моим вкусовым предпочтениям. Кстати, самоса ничего тут. — Ника уже доедала мясной пирожок, какая же она быстрая! Некиту не уступает.

— Я думаю, что ты ещё не раз удивишь нас, Дэн. И это здорово! Непременно буду ждать твоих новых маленьких побед! — Все подняли стаканчики с каркадэ, а я даже не мог поднять на них свой взгляд. Мои глаза увлажнились, я заморгал, чтобы скинуть наваждение. Черт! Да я не такой! Я жалкий, ничтожный, ничего не умею и многого боюсь, я пришёл сюда, чтобы стать сильнее и получить способность моей мечты. Я не знаю, чем думал, когда всё это совершал, но продержался не без их помощи. Так почему же она такого мнения обо мне? Почему они улыбаются? Черт! Я стиснул зубы.

Некит положил на меня свою руку, не в первый раз, кстати:

– Ты единственный, кто действует одним сердцем. Даже если мозг боится, твоё сердце побуждает к действию. Это круто! Я стану таким, как ты, не сомневайся.

– И я! Хочу быть такой же!

– Соглашусь, — поправил очки Юлий.

Я поднял глаза на них и ослеп: так ярко они сияли.

– Ребята! Спасибо. За вас, — я присоединил свой стакан к их.

– За тебя! За нас!..

Глава 4

Когда до конца перерыва оставалось несколько минут, все уже сидели в классе 1/3 на своих местах.

«Вот это дисциплина у нас будет!.. Идёт!» — подумал я, и на пороге класса, что уже не было неожиданностью, оказалась Эмилия Игнатьевна с её короткой стрижкой — боб. Вообще было сложно угадать, сколько завучу лет: с одной стороны, на её пухлых щеках и руках не было ни морщинки, с другой стороны, молодая женщина не могла же себя так запустить? Одевалась она лет на тридцать пять — сорок. Я почему-то решил представить её с длинными вьющимися волосами и чуть было не оцепенел от страха, ведь глаза нашего классрука уже буравили меня и как будто читали мои мыслишки.

— Сразу же переходим в зал для практики, у меня немного поменялись планы. Прошу прощения, обычно я ни при каких обстоятельствах не ущемляю учебный процесс, но сегодня особенный случай, поэтому перейдём к практике, где я по ходу объясню теорию.

Я понял, чем меня насторожил её теперешний вид, может, поэтому и показалось, что она буравит меня? Эмилия Игнатьевна была чуть взвинчена, глаза её то и дело бегали взглядом от одного окна к другому. Каждый думал, что она

смотрит на него, отчего сразу же становилось не по себе. Я переглянулся с Некитом, а потом с Никой: что же такое случилось? Они пожали плечами. В детстве от недостатка ребят моего возраста я часто играл в следопыта. Возможно, поэтому мнительность и подозрительность слыли моими вредными привычками?

Размышления на эту тему пришлось оставить на «потом», так как мы уже, резво собравшись, торопились в зал для практики. Наша спешка отзывалась в каждом уголке коридора, напоминая по звучанию какофонию из камней, летящих при оползне.

Мы прошли через холл с автоматами, с томной грустью бросив взгляд на них, и выбрали коридор слева. Сразу же остановились у первой двери. На ней не было никаких надписей, но висело изображение какого-то созвездия.

– Пояс Ориона, к которому несколько десятилетий назад присоединились доспехи Ориона, — замороженно сообщила девушка из нашего класса, кажется, это она сидела за Юлием. Вот почему мне говорил Некит, что у Юлия очень удачное соседство: одни девчонки вокруг. Её милые два хвостика лежали на плечах, спускаясь до живота. А нос был смешно вздёрнут кверху, но это не портило нисколько внешность голубоглазой одноклассницы.

– Всё верно, Дашия, — удовлетворённо кивнула классрук. Повезло ж родиться девчонкой! Никогда не думал, что буду сожалеть, будучи парнем. – Сейчас мы войдём, справа вы

увидите коврики. Берём каждый по одному, разуваемся до голых стоп, то есть носки в том числе, и рассаживаемся по кругу.

Конечно же, мы все были заинтригованы: что же будет дальше. Как-никак — это наше первое занятие в новой школе, не успели нос почесать: уже учиться надо.

— Мы будем медитировать? — сморщился Некит перед входом в зал.

— Ой, а ведь и правда. Зачем нам тогда всё это? — согласился Юлий.

Никто им не ответил, потому что каждый, кто зашёл внутрь, не смог ничего произнести. Здесь блокировались голосовые связки за счёт инфракрасных лучей, как потом уже пояснила нам Эмилия. А вообще говорить тут и не захочешь, потому что везде: на потолке, на стенах, на полу — было изображение звёзд. Впечатление такое, словно мы парили в космосе. Завораживало, знаете ли.

Шли мы по стеклянному мосту от одной звезды к другой. Коврики, сделанные из приятного материала, были совершенно прозрачные. Я без труда через него мог видеть эффектный космический 3D-пол подо мной. Когда в полной тишине мы расселись, голос учителя пронзил зал, но саму женщину мы не видели. Я не знаю, что это был за эффект, но мы вообще никого не видели. Я не смог увидеть даже свою руку, как будто её полили краской невидимости. Всё, что я видел, это космос в звенящей тишине.

– Учитывая, что теперь во всех средних школах введена такая дисциплина, как «Основы медитации», я буду считать, что медитировать здесь умеет каждый. Но в школе №1 вы больше не будете медитировать ради познания своих желаний, ради визуализации или развития интуиции. Это всё уже должно быть вами более-менее освоено.

Я слышал голос, но мне было жутко, что я никого не видел. В прошлой школе мы все сидели в классе на полу и прекрасно видели учителя. Правда, порой это мешало медитировать, потому что мы всегда следили друг за другом и за прыгающим пучком старого учителя Таивануса.

– Ваша задача теперь: увидеть своё энергетическое тело, затем в будущем научиться этим телом управлять. В любом из нас течёт непрерывно прана (энергия). Каждое утро вы будете выполнять практики по очищению и обновлению энергии в своём теле; мастер пранаямы и трансформации будет приходить по утрам в ваш жилой корпус.

«Боже, именно мастера по утрам и не хватает нам! Что ни говори, а расписание в школе №1 зверское», — вырвалась мысль.

– Советую слушать меня внимательно, — ну почему мне всегда казалось, что она знала всё, о чём я думал?! А голос Эмилии Игнатьевны продолжал, как ни в чём не бывало: — Вы находитесь в специальном зале, где блокируются все привычные человеку чувства, кроме слуха. Не удивляйтесь. Вы не можете видеть своим зрением физические тела, но ауру

вы увидите сможете. Здесь сделано всё для того, чтобы максимально сосредоточить вас на задаче «подружиться с энергией». У вас есть час. Кто не увидит свою энергию, хотя бы малейший кусочек, останутся здесь ещё на некоторое время! Иными словами, отсюда никто не выйдет, не познакомившись с истинным собой...

Голос смолк, погрузив всё в пучину беззвучия. Я остался один на один даже не то чтобы с собой, а именно со своим сознанием. Как-то не мог я себя отделить от тела, хотя нам каждый раз твердили на уроках по медитации, что тело — это всего лишь оболочка. Если тело — оболочка, то я без неё никак всё равно. Моё сознание вообще-то не сможет прожить без бургеров из булочной напротив дома, а без тела я не смогу съесть даже кусочек. Короче, отделить себя от тела — это сто раз не ко мне. Не будь у меня натренированных мышц, я бы одним своим сознанием врата не открыл.

Как всегда, вместо того чтобы концентрироваться на погружении в себя, мои мысли окунулись в бурлящую реку и неслись стремительно к водопаду. Я настроился. Сейчас дыхание: глубокий вдох носом, выдох ртом. Кхе-кхе. Умудрился подавиться слюной. Тьфу, блин! Так... Осознал пространство, почувствовал температуру. Всё идеально. Вес своего тела я ощутил (можно, кстати, было бы и набрать ещё парочку кило), теперь надо было прочувствовать каждую часть тела в отдельности, дыша уже только носом: макушка головы легко зашекотала, затем энергия будто надавила на лоб, бро-

ви. Потом пощекотало кончик носа, щёки, верхнюю и нижнюю губы. Как назло, правая ноздря сегодня была немного заложена. Вот снова я не мог нормально сосредоточиться! Дальше подбородок я ощутил не так явно, как и левое ухо. Затем пошли шея, плечо, локоть, руки в целом, грудь, живот, спина, ноги. Когда я чётко ощутил все части тела и скрепил эти впечатления воедино, мой разум был уже на пределе: то успокоиться не мог, то теперь спать хотел. Всё-таки я находился в сознании, но в то же время мог что-то больше, чем просто медитировать: сидеть, дышать, осознавать.

«Так, моя задача увидеть ауру», — засела чёткая мысль.

Как это сделать, если нас никогда не учили входить в медитацию с открытыми глазами? Хотя... тут я вдруг вспомнил, что когда-то давно учитель Таиванус говорил про «видение» сквозь. Для этого, по его словам, нужно было настроить «третий глаз» или чакру... чакру... э-э, ну вот опять! Забыв название этой чертовой чакры, я сбился, и концентрация внимания пропала. Придётся успокаиваться сначала.

И вот, наконец, я почувствовал, как в области межбровья кожа натянулась, появилось какое-то напряжение. Это оно! Вот как можно узнать, что у тебя есть третий глаз. «Это всё, конечно, хорошо, но как он вообще действует?» — недоумевало моё сознание.

Как я ни пытался, а увидеть что-то третьим глазом не получалось. Бред, да и только. Разве можно было без подготовки дать нам такое абсурдное задание? Мы же не сверхлюди,

где ж нам — видеть ауру!

Все эти мысли возникали от досады на самого себя, на свою беспомощность. Что я только не делал за этот час: орал мысленно на третий глаз, открывал глаза, сбивался с медитации и снова настраивался, поджигал ягодицы (а вдруг?) и дышал пупком — всё без толку. Я уже бешено вдыхал и выдыхал, чувствуя поток воздуха волосинками в носу, а аура всё не появлялась.

К концу часа я решил, что просто сяду, успокоюсь и буду представлять, как вокруг меня растёт оболочка, похожая на негустой белый туман. Сел по-турецки, подышал и стал воображать, что моё тело покрывает слой энергии в сантиметров десять. Вдруг моё тело откликнулось на это. Тепло лёгкой волной отдалось во всём теле, а вокруг пальцев рук я увидел, от неожиданности открыв глаза, еле заметное белесое свечение.

«Христос! Святые метеориты! Неужели?» — только я обрадовался... как всё ощущения пропали, и я снова погрузился во тьму и тишину.

— Час истёк. Все, кроме Кариута, Лопатной и Дюхиар, могут выйти из зала. Для справившихся эффект медитационного зала будет отключён, чтобы вы ненароком не наступили друг на друга, — признаться, пиццание Эмилии в этот раз было чем-то вроде спасательного круга.

Все, кроме троих, тут же стали видеть и воспринимать окружающее в привычном виде. Зал оказался просто боль-

шим белым помещением, но коврики всё также были прозрачны. Я направился к выходу, где уже увидел мелькнувшие светлые кудряшки и светло-зелёную рубашку из-под жилетки. А вот Носолома найти пока не мог.

Занятие было настолько неожиданным, а результат, которого я в итоге добился, был такой незначительный, что я бы уже хотел себя ругать и корить.

— Я знала, что у Некита с этим проблемы, — вздохнула Ника. Хорошо, что Некит не слышал: подбодрила, называется.

— Как же ты это определила? — удивился Юлий.

— Да он поморщился при одной только мысли о медитации, — весело подсказала она.

— Ясно, бедняга. Я так понял, что теперь это будет неотъемлемой частью нашего обучения, — заключил очкарик.

— Вообще я не совсем понимаю, зачем это, нигде не упоминалось, что, чтобы завладеть способностью, нужно «подружиться со своей энергией», — передразнил я учителя, но тут же обернулся: «Не дай, Христос, попасться!»

— Правда? Ты не знал, что чем лучше ты владеешь собой, своим телом и энергией, тем большая способность может быть тебе присвоена? — удивился Юлий.

— Нет, — я тут же прикусил язык. Учítывая, на какого уровня способность я хочу замахнуться, и, видя результат сегодняшней работы (то есть читай: никакой), как мне стать лучше? Как, чёрт возьми, взять в друзья себе энергию?

– В любом случае, раз уж мы не остались там, значит, у каждого получилось увидеть ауру, так? — взбодрила нас де-вушка.

– Это так, но... — тут я вдруг решил, что не знал про их результаты. — Ребят, а как много у вас получилось увидеть?

– Я смог окутать видимой аурой только ноги, — он что, ещё и расстраивался?

У меня слова так и застряли в горле.

– Молодец, я пока не могу увидеть покрытие ауры сзади, спереди проблем нет, — подмигнула Ника.

Мне в сердце вонзилась стрела. А! Я даже дышать больше не мог, почему я был так ничтожен? И тут же принял решение, что сегодня вечером я буду медитировать. Меня пере-дёрнуло: я даже поверить не мог, скажи мне о таком дня два назад, я бы рассмеялся тому в лицо, а потом бы ещё предло-жил наклеить пучок, как у Таивануса.

– Только не говори, что ты молча презираешь нас, как неудачников, — неправильно истолковала моё молчание Ни-ка.

Я стал лихорадочно махать ладонями туда-сюда:

– Не-не-не! Результаты потрясающие. Я смог покрыть только пальцы рук...

Голова поникла, плечи опустились — я представлял жал-кое зрелище. А ребята расхохотались. Я понял:

– Профессия местного клоуна занята.

Я повторил это несколько раз, поворачиваясь в разные

стороны и делая из ладоней подобие рупора.

— На самом деле, я был очень удивлён, что меня не оставили в зале, — признался я. — То, что я увидел, как мне кажется, не стоит считать за ауру.

— Ника, тебе не кажется, что он себя очень принижает?

Ребята продолжали веселиться.

— Ты думаешь, как вообще учитель узнала, что тебе удалось увидеть хоть что-то? — повернулась Ника ко мне.

Какой уже раз за день я встал в ступор, счёт этому был потерян.

— Твоё молчание говорит о том, что ты вообще мало что знаешь. Кошмар! — покачал головой Юлий. — Ты вообще с какого места-то?

— С России, то есть с бывшей территории России, — хлопнул я глазами.

Ника с Эйнштейновичем переглянулись.

— Ну, тогда ещё можно понять. Но как ты сюда поступил, я начинаю не понимать. Коврики хоть и прозрачные, на которых мы сидели, фиксируют выброс энергии тогда, когда она становится видимой.

— Правда? — спросил я у Волконской, вдруг Юлий решил пошутить...

— Думаю, что да. У нас в Луналэнде были такие, — кудряшки, словно подтверждали и одобряли, голубые глаза смотрели в упор.

— Вау! Ты со второго ареала! Невероятно. Но фамилия у

тебя с наших мест.

— Да, мои предки с России. Но уже несколько поколений мы живём в Луналенде. Там красиво. Можно сказать, я прямо поклоняюсь Луне. Она ведь к нам ближе, чем к какому-либо другому месту. И намного красивее скучного солнца.

— Не могу оценить твои слова объективно, но мне тоже Луна по душе. Я с территории бывшей Хорватии.

— А мне Солнце ближе. Оно такое красивое, яркое. Хочу светить также.

После своих слов я посмотрел наверх, будто прямо сейчас увижу солнце. И вдруг прямо из окна, что напротив, мне в глаза попал луч цвета белизны. Я закрыл рукой лицо от солнца, а потом вновь посмотрел на него. Грандиозное зрелище!

— А это знак, Дэн, — улыбнулась Ника, провожая мой взгляд.

Так как мы покончили со своими делами, то решили немного погулять по территории школы, подождать Некита, и только потом все вместе идти исследовать наш жилой корпус. Выйдя из учебного здания через другие двери, ведущие уже на самую пришкольную площадь, от которой лучеобразно отходили другие дорожки к различным корпусам, мы направились к фонтану. Это был не менее знаменитый, чем само заведение, фонтан школы №1, потому что каждый год сюда добавляли новую фигуру — лучшего из лучших среди выпускников. Естественно, неплохо и мне сюда попасть. Меч-

тать я люблю, ибо мечтать полезненько, приятненько и без-
опасненько.

— Ой, вы только посмотрите сюда! Это же мой любимчик Антал, правда напоминает сатира? — как пятилетняя девочка, Ника захлопала в ладоши, а через секунду уже умоляла нас сфотографироваться на фоне её любимого выпускника.

Дело в том, что стать лучшим и правда почётно. Я бы даже сказал, что тебя автоматически приписывали к героям Земли. Всё логично: ты получаешь одну из лучших способностей, учишься усерднее всех, сдаёшь экзамены на «отлично» и самое главное — демонстрируешь полное слияние со своей способностью. Это высший пилотаж. Такие люди, по большей части, становятся героями в тех или иных областях, способствующих улучшению качества жизни людей в нашем мире. Благодаря тем, кто решает идти работать в компанию «Всеобщая безопасность», преступность упала на 1,3%. Это не так уж и мало, учитывая недавнее освоение способностей и стремительный рост населения. Второе дыхание у планеты появилось, как говорится.

— Давайте я вас с Юлием сфотографирую, — предложил я, указывая на место под самим сатиром. — Я-то буду там через три года, разрешаю и со мной сделать фото в таком случае.

И подмигнул. Потом я мысленно открыл рот и не верил, что я так «пошутил».

Эйнштейнович мимо ушей пропустил, потому что рас-

сматривал одну маленькую девушку в очках. Возникло смутное подозрение, что у него фетиш на очки! А вот Волконская заливисто смеялась:

— Дэнчик, да я с тобой и сейчас фото сделаю. Посмотрим, как ты за три года вырастешь. А если правда будешь стоять здесь, и не побоишься меня превзойти, — тут она замедлилась и подмигнула в точности, как я, — то я весь курс заставлю с твоим памятником сфотографироваться!

— Ага, а я тебя по имени-отчеству отныне называть буду, — подключился Юлий. — Денис...

— Андреевич, — повеселел я.

Я сделал несколько, как мне показалось, удачных кадров Ники и Юлия. Но вышло по-другому. Видимо, когда я фотографировал, воспользовался моментом и через объектив смотрел на улыбку девушки, потом на талию, потом вообще позволил себе ножки рассмотреть. Не, ну мужик я или кто? Грех моментом не воспользоваться! Честно сказать, на их лица с четырехглазым я и не смотрел. Подумаешь, там половина кадров с полузакрытыми глазами.

— Дэн, это ж ужас! У меня тут пол-лица срезано, а у Юлия такой отблеск в очках, будто у него вообще глазниц нету! — раздосадовалась светловолосая девушка.

— Носолом, я передаю тебе эту священную миссию! Сфотографируй нас с Дэном. НОР-МАЛЬ-НО.

Голосом она выделила последнее слово, а меня это даже не задело: я стоял и блаженно улыбался своим воспоминани-

ям, надолго укрепившимся в моём сердце. «Окей, про сердце я лукавлю».

Но мои воспоминания затмили действия Ники. Она как-то странно повеселела, положила на меня руку, даже не глядя в мою сторону!, чуть пригнула меня к земле и включила самую очаровательную из улыбок. Мне было щекотно от её коротких кудряшек, но в таком нашем положении правым плечом я чувствовал кое-что мягкое. Щёки зарделись бархатным красным, и уши предательски повторили за ними.

– Ты такой смушашка! Я всего лишь сделала победоносное фото над открывателем врат!

– А-а-а, коварная женщина!

Мы немного боролись за сохранение/удаление фото, а Юлий, ну истинно извращенец, снова стал рассматривать девушек-выпускниц, заостряя внимание на очках, если они были.

– Ребята, — прервал наши занятия чей-то немного застенчивый голос, — может, вас троих сфотографировать? А то я уже минут пять наблюдаю из окна школы за вашими попытками.

Я вопросительно обернулся и увидел тот самый вздёрнутый носик, принадлежащий нашей однокласснице, и два длинных хвостика.

– Дашия?

– Для вас можно и Дашия, если дружить будем. А вообще для незнакомцев или официально Дашиisiko, — поясни-

ла девушка, кажется, всё ещё смущаясь.

— Ты такая забавная! Я Ника, будем друзьями! — подбегала наша подруга к ней.

Я поклонился и на одном дыхании выпалил:

— Денис Чертиков, сфотографируй нас, пожалуйста.

— Эй, Носолом, иди сюда знакомиться! Между прочим, Дашия сидит позади тебя! — закричала Волконская.

Очкарик смущённо вышел из-за памятников и пробормотал:

— Юлий Эйнштейнович Ломоносов, или как прозвали меня эти индивиды — Носолом.

Голубоглазка хихикнула и уже готова была нас фотографировать.

Конечно же, Ника встала посередине. Мне было так весело, что я улыбался во всю ширь, а Юлий как-то загадочно ухмылялся. Надеюсь, он не думал, что круто смотрелся в позе «а ля гангстер в подтяжках», формируя из пальцев левой руки пистолет...

— Давай, теперь я тебя с ними сфотографирую, потом родным покажешь? — предложил я.

— С-спасибо, — она стала ещё более смущённой после нашего знакомства, что за прикол?!

— Встанем так, чтобы Дашисико была в центре, — командовал Юлий, случайно задевая рукой тёмно-зелёные юбки одноклассниц.

— Я же сказала, что лучше...

А Носолом уже не слушал новую знакомую, он слишком активно расставлял всех по местам.

Я только сделал фотографии, как Ника уже недоверчиво разглядывала снимки.

— Дэн, ну можешь же! Да в тебе фотограф умирает. Ребят, смотрите, какой кадр красивый! Тут так умело выбран крупный план...

Я почесал голову, не признаваться же, что в первый раз я был, кх-м, несколько занят.

Пока мы веселились, Некиту пришлось несладко. Это мы уже узнали, как только он нашёл нас всё на том же месте, у памятного фонтана. Оказалось, что мы около полутора часов фотографировались. Пока шли к жилому корпусу, теперь уже впятером (Дашия была рада предложению пойти вместе), мечтали поскорее поесть, ведь время обеда незаметно подвалило. К тому же наши животы интуитивно намекали на обеденный перерыв.

— В общем, эта зверюга, — раздув ноздри, Некит оглянулся по сторонам, а затем продолжил: — читала нам ускоренную лекцию по основам медитации, а затем около часа пыталась нас...

— Э-это как? Пыталась? — глаза голубоглазой нашей подружки расширились от испуга. Казалось, она прямо сейчас готова была побежать исправлять произвол классрука.

Ирокез замахал руками:

— Не-не-не. Я имею в виду, что она заставила нас и дальше

сидеть и отрабатывать на практике теорию. Это хуже адовых пожаров!

Носолом положил руку ему на плечо. Как только дотянулся-то? И с притворной серьёзностью поддержал товарища:

– Ты прав. Это сущий беспредел! Ведь медитация удел сильнейших.

– Что ты сказал? Намекаешь, что я сопляк рыжий?

– Аха-ха, Некит, ты сам себя так обозвал, заметь! — не удержался Юлий. Похоже, ему нравилось, когда Кариут обзывал не его.

Ника пояснила Дашии, что это мальчишеские разборки. Но Дашия всё равно взволнованно косилась на них.

– Некит, ну а в итоге, тебе удалось увидеть ауру? — поинтересовался я.

– А ты думаешь, что я бы тут был, если б нет? — вопросом на вопрос.

– Думаю, что да, удалось. И сколько же покрытия ты увидел?

– Ну, всю правую руку и левую до локтя... Эй, Дэн, что случилось? Сердце защемило?

– Некит, спокойно! Просто он немного неудачлив, как оказалось, — Ника определённо умела «поддерживать».

– К-ха! Только не говори, что ты увидел меньше меня в итоге!?

– Да, — поникшим голосом прошептал я.

Все резко замолчали, потому что где-то справа от нас раз-

дался сильный потоковый грохот.

— Это что? Как думаете? — спросил Некит.

— Судя по звуку, это тот самый экспресс-поезд. Я на таком же с Земли приехал, тот ещё зверь, — рассудил я. Повезло мне, что вокзал от школы был не так уж и далеко, не пришлось через весь ареал до школы добираться.

На ум сразу пришёл величественный вид всего воздушного электропоезда: прозрачные составы, комфортабельные сидения, в которых не грех и поспать, что и сделал директор сегодня утром. А столики из лёгкого, но прочного стекла мне понравились больше всего. Наверно потому, что я слопал по дороге три фирменных пудинга и выпил несколько чашек глясе. Что-то именно сейчас осознал, какой я сладко-ежка. В таких случаях в России раньше говорили: «Гоголя переплюнешь!» Гоголь — это, как я понял, писатель, что воровал частенько сахар в гостях, но писал недурно и комично. Правда, сжёг парочку своих трудов. Станный он.

— Да, мы все, наверно, на таких приехали, — решила Ника.

— Я пешком пришла, я тут живу — в Небосандии, — поправила Даписико.

— Ух ты! Дашия, ты нам расскажешь, каково тут жить? — набросился Некит.

— А ты быстро переключаешься! — удивился я. — Только что недоумевал, что за звук, а теперь уже тебе на это фиолетово.

– Да не, я просто вспомнил, что это и правда он. Юлий, ты смотри, куда идёшь!

Эйнштейнович чуть носом в столб не врезался. Очки что ли запотели?! Просто очкарик так нас заслушался, что перед собой ничего не увидел.

Наша громко говорящая компания подошла к жилому корпусу класса 1/3. Такая громадина перед нами встала! Посередине вместо стены был огромный светло-голубой витраж, не пропускающий изображение внутреннего интерьера, но показывающий всё снаружи людям, находящимся в здании. Сам корпус напоминал половину бабочки от мужского строгого костюма. Два крыла здания были заужены кверху, то есть два треугольника по краям, а в середине тот самый витражный переход. Одно крыло было для девушек, другое для парней.

Некит присвистнул. Ника возбуждённо выдохнула, а я... дар речи потерял. Учитывая, какие «хоромы» у меня дома были, это целый дворец. Моя семья не такая уж и богатая, хотя и бедняками не назовёшь. Отец всё-таки смог мне оплатить трижды полёт на Небосандию: на день открытых дверей в школу №1, на вступительные экзамены и сейчас. Помнится, сказал, что больше ничего не оплатит, но не из-за того, что нет денег, а просто считал, что я обязан поступить после всех этих затрат. Станный он. Сегодня, кстати, многие из-за меня и Верзилы вообще ушли домой, даже не попытав своё счастье. Христос, вроде только половина дня прошла, а

событий столько! Моя жизнь уже поменялась на девяносто градусов точно. Думаю, вектор изменений только начал расти.

— Поменьше нашего поместья будет, но всё же впечатляет. Дизайн особенно, — проинформировал Ломоносов.

— Вот только не надо тут нам иерархию выстраивать, я, честно говоря, не из величественных богачей, — отрезал ирокез.

Я согласно кивнул. Сейчас и правда хотелось верить, что все мы равны. Настолько умиротворённое место это было. Точнее казалось умиротворённым с первого взгляда, со второго вздоха.

— Вы тоже слышите это? — спросила Дашия, шевельнув кончиком носа.

Мы друженько прислушались. Дикие басы, будто от барабана и бас-гитары одновременно, раздавались сзади здания. Я пошёл первым, чтобы провести обстановку. Но, естественно, все потянулись за мной. Любопытно же, что за адовы звуки раздавались.

Часть окна на первом этаже справа была открыта, мы осторожно заглянули туда, так как оно располагалось невысоко.

Заглядывать пришлось, закрыв уши ладонями: так громко орала музыка.

Несколько учеников из нашего класса, уже переодетые из униформы в повседневную одежду, сидели за миндалевид-

ным столом молочного цвета и явно веселились. Главным был тот мальчишка, что стоял к нам лицом, щёки которого отдавали ярым румянцем, а своеобразный свитшот указывал на принадлежность к фанатам фикшн-музыки. Лоб блестел от пота, а в руке красовалась поварешка. На сенсорной электроплите бежевого цвета была водружена огромная кастрюля, а в ней что-то бурлило. Пока ещё непонятно: аппетитно или нет.

Главарь этого действа как раз в момент нашего подглядывания взял с гордо поднятой головой какую-то зелень, нарезанную другим парнем за столом. Прошествовал к кастрюле, поднял и без того прыгающую крышку, бросил со всего размаху внутрь бурлящей жижи зелень и, перекрикивая музыку, заорал:

– Хо-хо-хо! Трепещите!

Все чуть не померли со смеху, даже мы сначала ошарашено смотрели на всё это, а потом в голос засмеялись. Нас тут же рассекретили.

Парень, что руководил процессом, виновато повернулся к нам и произнёс:

– Ой, ребят, мы тут немного... развлекаемся. Я показываю, как моя мама суп варит.

– Да ладно? Ха-ха, вот это зрелище! — смеялся Некит и уже подтягивался, чтобы перелезть через окно.

Секунда — и он внутри. Я тут же последовал его примеру и пошёл знакомиться. Забавные у нас одноклассники.

— Маркус Тулий Ацетонн, — представился коротковолосый парень с поварёшкой, убавляя музыку. — Готовить, как оказалось, придётся нам всем. Я сейчас на весь класс суп варю, другие помогают. Это Робб Фанистер, Иван Соколов и Хайнес Оссейне.

Ребята, сидевшие за «миндальным» столом, энергично помахали, а полненький паренёк Робб, чтобы мы не запутались, указывал поочерёдно на одного и другого, пока Маркус всех представлял.

— Правда? — пожал я руку и представился. — А разве столовая не вариант?

— Вариант, если ещё уроки идут. Вы представьте, сколько народу учится, всё равно столовая всех не обслужит за перемену. Поэтому и рассчитано, что мы тут полноценно живём, то бишь готовим, стираем, спим, убираемся.

— Спим — это ты сейчас неправильно употребил. Спим в разряде удовольствий, а готовка и уборка — это каторга, — вмешался Некит.

— А Юлий не полез? — поинтересовался я у Ники, которой протянул руку. Девчонки всё же решились сюда забраться тем же путём.

— Да, он пошёл через главный вход, ругаясь на ходу, что мы все варвары, не уважающие собственный дом.

— Ясно, ну можно было немножко и попоказничать.

— Дашия, давай тоже руку.

До вечера мы все познакомились, общались и ели вкусней-

ший овощной суп, чей аромат распространился по всему корпусу и его округе. Нам не удалось пока узнать имена всех одноклассников, потому что одни ещё распаковывали вещи в комнате, другие не захотели спускаться вниз. Зато впереди у нас ещё много знакомств!

Вечером мы уединились с друзьями, чтобы подумать, отчего же Эмилия Игнатьевна была сама не своя после перерыва.

Глава 5

Мои вещи давно были перенесены в комнату кем-то из персонала, как я понял. Так что выбор комнаты не входил в наши привилегии, куда распределили, там и предстояло жить три года. Моя оказалась на пятом (последнем) этаже, и она была единственной комнатой, что помещалась в верхушке треугольника, ведь крыло мальчиков, как и девочек, было похоже на острый треугольник. Так вот в таких хоромах — то есть мне отвели весь этаж — мне посчастливилось жить. Я начинал думать, что жизнь удалась. Позже выяснилось, что такая роскошь выпала мне именно благодаря тому, что я открыл врата один. Интересно, Верзила и блондинистый Зализыш в таких же комнатах жили?

Моё панорамное окно во всю стену придавало комнате величественный, но в то же время уютный вид. Я и мир как будто не были отделены друг от друга, облака стали ближе ко мне, а я к ним. Бесподобно. Я всё ещё не верил своему счастью, пока раскладывал вещи по аккуратным небольшим ящикам. Люблю, когда вся одежда компактно умещалась на нескольких полках. А шкаф — что надо! Автоматическая дверца и программа загрузки вещей. Теперь контроль-зеркало могло показать мне, как я выглядел со стороны в тех или иных костюмах, хоть по большей части я буду ходить в

школьной форме.

Удобно, но в моём доме подобных технологий не было. Отец жуткий консерватор. Хотя мне просто кажется, что он упрямец, который не хотел признавать, что это новшество нам не по карману. Можно и без него обойтись, я как-то не гнался за стопроцентным идеальным внешним видом, чего не скажешь о Зализыше. Уж он-то без такого шкафа и контроль-зеркала наверняка не сможет на людях показаться. Я ещё мысленно похихикал на эту тему, а затем перешёл к раскладыванию книг. Вот эта стильная полка, извивавшаяся, как ствол плакучей ивы, заняла у меня намного больше времени, чем любая другая мебель в комнате. Не сказать, что я книгочей типа Юлия, но всё же книги — одна из моих страстей. Я же рос одиноким, а они изрядно меня спасали: то в приключение пускался, то в романтику. Наверно, я могу сказать, что меня воспитали писатели и их труды. Я бережно расставил классическую литературу по векам, а затем быстренько разложил учебные пособия. Радовало, что основную часть всё-таки нам загрузили в ученические планшеты.

– Тук-тук-тук! Я вхожу, — раздался голос Некита.

– Да, я почти закончил. Осталась одна коробка, поможешь? — я поднялся с колен, чтобы встретить гостя.

– Да уж, Дэн, повезло так повезло! — манеры у ирокеза ни к черту, так что он, открыв рот, пошёл всё рассматривать и трогать. Особенно задержался у моего контроль-зеркала, примеряя на своё изображение мою одежду.

– Пхахах! Дэн, я сейчас умру от смеха. Смотри, как мне малы твои спортивные штаны! Смотри, как всё облегает, ей-богу, похож на парней в трико. Ну, прикол!

Я сначала смутился, а потом вместе с ним стал «ржать». Тут «смеяться» слово не подходило. Вы бы видели Некита. Косил под крутого, а сам выглядел сейчас, как последний балбес.

– Ой, прости. Тебе ж одна коробка осталась, — спохватился друг.

– Ага, знаешь, что в этой коробке? — зашептал я, сделав интригующий голос.

У Некита загорелись глаза, и на лице возникла похотливая улыбка:

– Девочки?

Я покраснел именно в тот момент, когда в комнату зашла Ника с Юлием. И даже не нашёлся, что ответить, просто хотел сгореть со стыда.

– О каких девочках речь? — поинтересовалась Волконская.

«Вот ж блин! Услышала!»

– Ни о каких. Я Некиту хотел показать свою коллекцию минеральных камней эпохи неолита, — пробубнил я, отбирая у Некита коробку. Признаться, парочка журнальчиков там всё же завалялась. И не надо меня осуждать, все парни это поймут!

– А-а, так бы и сказал!

– Да я вообще не успел её даже открыть, как ты тут...

– Ладно, давайте лучше твою комнату смотреть, — прервала нас шустрая кудряшка.

Я махнул рукой и сел на кожаный светлый диван, полукругом разделивший мою комнату на две зоны: спальную и рабочую.

В общем, минут десять они все восхищались и вздыхали, потом что-то шутили про «секретные» штучки, журнальчики и так далее. А я устало сидел на диване, подогнув к себе ноги. Немного поскрипев от трения кожи с ногами, диван принял меня в свои объятия, и я уже подумал, что проваливаюсь в сон. Но Юлий осторожно меня похлопал по щекам: все уже сидели рядом и ждали меня.

– Так что вы думаете про Эмилию и её поведение сегодня? — в лоб спросила Ника.

– Даже не смею предположить, она странно себя вела. Но мы же её плохо знаем, может, это нормальная ситуация? — высказался Некит.

– Ты либо дурак, либо совсем дурак, — вдохнул Носолом. — Она же чётко сказала, что только в экстренных случаях позволяет графику занятий нарушиться.

– Точно, забыл.

– Я посмотрел сейчас в новостях, может, там что-то необычное было. В итоге, целый час скролил планшет и мониторил ноутбук, одного бреда понахватался, — продолжий Эйнштейнович. — Учёные наконец-то нашли способ быст-

рого похудения, правда, с побочным действием: опробовав на себе, ты начинаешь буквально проталкивать эти методы похудения своим людям, что окружают тебя. Некит, и даже не делай такое лицо, словно вот она разгадка. Вряд ли наш классный руководитель побежала на распродажу этого препарата. Так, дальше я узнал, что экспедиционный корабль к потопленному Парижу был возвращён на базу, так как государства союза Заокеании отказались финансировать эту разведку. «На кой пес нам исчезнувшие города, когда всё и так ясно», — высказался не в особо дружелюбных фразах один из бывших спонсоров экспедиции...

— У тебя даже передразнивать получается. Жуть, а не новости. Как всегда, засорение мозгов, — взгрустнул я.

— Значит, то, что произошло, связано с нашей школой и только.

— С чего ты это взяла? И вообще, Ника, зачем мы подняли эту тему?

— Некит, ты реально дурак! Ну, интересно же, что так могло взволновать невозмутимую Эмилию Игнатьевну! Кстати, я так и не поняла: если она спешила, зачем тебя и других оставила медитировать ещё на час?

— Я сам не понял, а одна девчонка, что осталась со мной, сказала после медитации, что Эмилии с нами и не было. Она записала свой голос, а приборы следили за нашим прогрессом.

— Реально? Откуда она это взяла? — я несказанно удивил-

ся.

— Говорит, что будь тут реально Эмилия, она бы уже вышла и надавала нам тумачков, а только потом прочитала бы лекцию.

Мы дружно представили эту сцену и согласились.

— К тому же, когда у меня или двух других ребят возникали вопросы, на них никто не реагировал.

— Вот это уже более весомый аргумент, — согласился Юлий.

— Итак, как нам выяснить, что тут творится? Всё-таки не думаете, что наши жизни могут быть в опасности?

— В этом есть смысл. Иначе не была бы она такой поспешной, — подтвердил я. — А что ещё важнее: спросить её нам явно не удастся.

— Дэн! Так это ж мысль! Господи, и чего я сама-то не догадалась! — вскочила кудряшка.

— Н-но, послушай. Тебе жить надоело? Ты. Хочешь. Спросить. Эмилию. Про. Её. Странный. Вид.

— Ну, ты и трусишка, да, мальчишки? — она обернулась к остальным, а когда увидела вжатые головы и недоуменные взгляды, добавила: — Я вас поняла. Вы думаете, что я спятила. Но она конкретная дама. Задам вопрос — получу ответ. А если не получу, значит, тут совсем дело плохо. И тогда в ход можно пускать разведку.

— Какую разведку? Ты чего несёшь? Не скажут, значит, это вообще триста раз не наше дело! — запротестовал Юлий.

– Так, я лучше завершу на сегодня всё словами: «Утро вечера мудренее», — встал я и поднял палец к небу.

– Классно сказано, брат! — хлопнул меня Некит.

– Да это не мои слова. Это ж русская народная мудрость.

– О-о, — протянул ирокез, — тогда ещё круче.

– Ладно, мы, правда, все устали и трезво не соображаем. Пора по комнатам и спать, — скомандовала Ника. У неё реально получается брать лидерство над нами. Как так-то, Христос? Мы вроде не подкаблучники.

Все распрощались, я почувствовал сразу и слабость в ногах, и тяжесть в веках, и небольшой сигнал в мозг: ме-ди-та-ци-я!

Я снова попытался повторить все действия, что и в том зале, но результата не было вообще.

«Черт! Я либо слишком устал, либо тогда это было чудом!» — унывало моё эго.

Помучив себя ещё час и увидев безрезультативность своих действий, я плюхнулся на кровать, сонно снимая с себя обувь и другую верхнюю одежду. Небольшой холодок прошёлся по моему телу, когда я нырнул под одеяло, но вскоре тело полностью согрелось, и я засопел.

– Построиться в несколько шеренг, — скомандовал мужской голос.

Но перед нами стоял либо наш ровесник, либо паренёк

помладше. Его русый ёжик из волос бодро стоял на голове.

— Это кто? — шепнул я Некиту, на ходу застёгивая толстовку. Я только встал, пробудившись от бодрого голоса (в усилитель, что ли, говорил?), вспомнил про мастера пранаямы и побежал тут же в гостинный холл, игнорируя вкуснейший запах свежих булочек из столовой комнаты.

— Это мастер Тейко. Он инструктор наш по правильному дыханию, — пояснил друг.

Как какой-то мальчишка может быть мастером? Да ему ещё в средней школе надо учиться! Присмотревшись к нему, я увидел за юным внешним обликом глубокий взгляд опытного мужчины.

— Наверняка многие из вас недоумевают, спрашивая, кто я такой: мне пятьдесят восемь лет, я мастер Тейко по пранаяме, и каждое утро вы будете вместе со мной выполнять ряд упражнений: они помогут вам не только в привлечении и установлении способности, но и по жизни в принципе.

Все ошеломлённо вглядывались в парня напротив, пытаюсь уличить его во лжи. Но как только он приступил без лишних разговоров к упражнениям, всем тут же поверилось, что ему к шестидесяти. Ворчливый и придирчивый старикан — вот как хотелось его обозвать. В меня ещё не летели тарелки? Согласен, шестьдесят лет — это не старость, но мастер Тейко по поведению только на старика и тянул. А мужиком язык не поднимался его назвать из-за молодцеватого вида.

— Сначала динамический комплекс на раскрытие всех

чувств человека. После капалабхати вы будете видеть больше цветовых оттенков, слышать острее, чувствовать температуру чётче. Требуется резко выдыхать через нос, воздух для вдоха будет втягиваться незаметно, — мастер пранаямы стал наглядно показывать первое упражнение после небольшой разминки. Когда он делал выдох носом, создавалась такая струя воздуха, что у ребят в первом ряду волосы колыхались, как при ветре.

— Вот это сила в лёгких, — восторгался Некит.

А когда мы стали выполнять это упражнение сами, началась суровая армия.

Шагая между нами, ворчливый мастер-паренёк то и дело выговаривал всем и про всё. А если совсем ты ему не нравился, он тебя ещё и указательной палкой по спине хлестал. Так, раскрасневшийся Маркус получил от него уже пять ударов, а парень, соседствующий с ним по комнатам, три. Похоже, это было неприятно, потому что морщились парни сильно. Много, конечно, мне не удалось увидеть, так как упражнение предполагало дышать с закрытыми глазами. Заметив, что мастер Тейко завершил обход третьего ряда, я стал интенсивнее работать над своим дыханием. Иначе меня ждала участь Маркуса.

— Неплохо, но ты не сосредоточен на ощущениях внутри тебя. Могу поспорить, что на медитации ты увидел лишь крохотную часть от всего покрытия ауры, — прошумел голос учителя надо мной.

Я завершил упражнения и поднял глаза:

— Так и есть, сэр.

Тейко рассмеялся:

— Какой я тебе сэр? Мастер Тейко, — улыбающиеся глаза потемнели. — Только такое обращение я признаю. Работай! Слушай себя!

Он подкрепил свои слова хлёстким ударом по спине. Ауч! Вроде мимолётно, но царапнуло, как остреньким ножом.

К девчонкам он придирился дольше: то дышали неинтенсивно, то живот плохо работал, то грудь не должна была скакать. Впечатление создавалось такое, что он нарочно их мучал. Хотя на домогательство это не походило. Скорее, на строгого-строгого отца или даже деда. Ну, старикан он! Ворчун мелкий!

Занятие длилось всего двадцать минут, а потов с меня сошло потоков сорок. Это было очень интенсивно. После динамического комплекса дыхательных практик он помучил нас йогической растяжкой на раскрытие чакр. Кошмар! Я ж и так негнущееся бревно, а тут ещё и дыхание нужно было контролировать.

В столовую комнату на первом этаже, соседствующую с гостиной, где проходила зарядка, мы все ввалились голодные и взбудораженные. Никто не плёлся от усталости, наоборот, все были странно воодушевлены. Неужели какие-то двадцать минут могли так настроить всех на душевный подъём и прилив сил?

— Чудеса! Я чувствую себя обновлённой и голодной, — улыбалась Ника, хватая круассан с клубникой. Поставка свежей выпечки на завтрак входила в обязанности персонала школы, а вот йогурты, бутерброды и хлопья — уже наша забота. Надо было только сделать предварительно заказ через планшет, и нужные продукты с утра уже были загружены в холодильник.

— Ребят, я всем взял зелёный чай, как и посоветовал мастер Тейко, — поднос с чашками я поставил в середину.

— Как спалось, Дашия? — поинтересовался Некит.

— Н-нормально. Скоро привыкну, — смутилась девушка, а вздёрнутый носик, поднявшись, опустился.

Вокруг раздавался весёлый хруст и удовлетворённое почмокивание: завтракать хотелось всем, так что с разных сторон слышался возбуждённый гомон.

— Было нелегко, но зато очень интересное сейчас у меня самочувствие, — проинформировал нас Юлий.

— Кстати, ничего в новостях больше не всплыло? — спросил я.

— Если только то, что тот способ похудания уже хотят запретить.

— Христос-метеорит, и надо было вообще про него говорить?!

— Думаю, это был рекламный ход, но они не просчитали, что подобный эффект принесёт массу неудобств. Что, собственно, и погубило уже распространение этого продукта.

– Ты прав, глупые репортёры какие-то, — подытожила Ника.

Я посмотрел на своих новых друзей и не почувствовал неловкости. Как-то всё и все были на своём месте, и я в том числе. Мне стало так приятно на душе. Наконец-то был я там, где я нужен, где должен быть. Вот милая и скромная Дашия тянулась за третьей порцией джема, а Ника весело подмигивала ей и откусывала от пятого круассана верхушку. Куда столько в девчонок влезало? И почему они с таким аппетитом ещё не похожи на борцов сумо? Некит на показ выставлял своё умение круто откусывать сэндвич, а Носолом, пытаясь повторить, смотрелся крайне смешно, врезаясь очками в хрустящую булку. Для такого большущего сэндвича он недостаточно широко открывал рот!

Плотно позавтракав, мы разошлись по своим комнатам переодеться: и мне пришлось топать к себе наверх, естественно, дольше, чем остальным. Вот тебе и хоромы! Минут через пять все уже снова были в сборе, пестря тёмно-зелёной униформой. Часть наших сокурсников ушла на занятия, часть только ушла одеваться, а кто-то, как и мы, отправились к школе прямо сейчас.

Не успели мы подойти к десятиэтажному зданию школы, как в рупор сообщили, чтобы все первокурсники собрались в спортивном зале на третьем этаже левого крыла. Голос, разносившийся по школе и окрестной территории, принадлежал кому-то из преподавателей, потому что он показался

знакомым. Может, Лысый костюм?

— Что случилось? Вроде слова «тревога» не прозвучало?
— допытываясь, спросила Ника.

— Я не знаю, — я посмотрел на других, но в их глазах читалось ровно такое же недоумение, как у меня.

— Не удивлюсь, если это очередные соревнования между классами, — раздумывал вслух Некит.

— А я не удивлюсь, если это как-то связано со вчерашними событиями, когда Эмилия Игнатьевна нас поспешно покинула, — посерьёзnel Юлий.

Все остановились так резко, что без жертв не обошлось. Мне в спину врезались Дашия с Никой, причём последняя ещё и за рукав схватила. Носолом в Некита попал.

— Нельзя так резко новостями стрелять! — пожаловалась Волконская, беря под руку Дашию и оттаскивая её прочь.

— Если это правда, то мы, возможно, узнаем, в чём дело, — произнёс я.

По школе продолжал распространяться голос, предупреждающий о сборе первокурсников и других учеников в определённых помещениях. Мне было непонятно, почему всех вместе не собрать в том же зале, что и вчера на церемонии. Но, видимо, была своя на то причина.

Залетев на третий этаж, мы сразу же вышли к нужному залу; его двери, будучи открытыми, зазывали нас внутрь. Этот этаж не отличался ничем от виденного мною на других этажах, но вот спортивный зал был самым обычным. Та же раз-

метка, что и во всех других школах. Может, только специальное покрытие пола было качественнее да дороже. Стены оранжевого цвета, не слишком яркие, создавали нужный настрой. Баскетбольные кольца, штанги для футбольных ворот и волейбольной сетки, а также множество спортивного инвентаря находились тут же в специальном отсеке. Спортивные игры мне нравились, а, очутившись в зале, где всё им пахло и всё напоминало о духе соперничества, я тут же захотел зарядить себя адреналинчиком, сыграв с кем-нибудь в баскетбол.

Здесь даже были трибуны, куда как раз без труда влез весь наш поток. Ещё минут пятнадцать после нашего прихода все рассаживались по местам и классам. Я видел возвышающуюся фигуру Верзилы в классе 1/2, видел блестящую блондинистую голову Зализыша среди учеников класса 1/1, а вот они на меня даже не посмотрели. По крайней мере, я не заметил какого-то внимания к своей персоне.

Посередине зала за небольшой кафедрой стояла и спокойно всех ждала большая Эмилия Игнатьевна. Вчера что-то застало её врасплох, но сегодня она выглядела собранной.

– Все сели? — пронёсся её голос. Каждый в зале смолк: кто-то от неожиданного звучания, а точнее пиццания, кто-то типа нас от знания, что смеяться не стоит, тем более в такой ситуации. Факт в том, что все замолчали. Теперь заместитель директора могла беспрепятственно говорить:

– Здравствуйте, ученики первого курса. Я бы поздравила

вас с поступлением, но даже не знаю, радоваться вам теперь или нет.

По залу пролетел шёпоток.

– Вчера мы не стали поднимать тревогу среди учеников, потому что думали уладить всё самим. Но, грустно признавать, преподавательский состав не смог в одиночку справиться с нависшей опасностью. Теперь мы просим вашей помощи, вашего внимания и вашего понимания.

Я нервно сглотнул. Я готов был делать что угодно, лишь бы не отправляться домой. Уехать обратно, так и не проучившись тут и года, будет равносильно смерти для меня. И думаю, для каждого в зале. К счастью, распускать нас не собирались:

– Мы сначала объявим вам условия помощи и продолжения обучения в школе, затем сообщим вашим родителям. Дело в том, что на территорию школы вчера пытались проникнуть посторонние, но мы вовремя среагировали. Однако сегодня ранним утром от охраны поступило сообщение, что всё-таки непрошенные гости вторглись в здание школы...

– Как?

– Что же это такое? Это невозможно!

– Что им надо?

– Я понимаю вашу реакцию, но прошу тишины, иначе мы потратим гораздо больше времени на объяснения, чем стоило бы. – Все потихоньку успокоились. Любопытство перебило. – Кто проник — неизвестно; зачем — пока тоже,

но есть версии, что им что-то нужно от кого-то из вас, так как новенькие у нас вы, а таких случаев прежде не бывало. Как проникли — сломаны датчики охраны, сами охранники утверждают, что всё было чисто и на камерах, и вообще во-круг. Напрашивается вывод, что действовали люди со способностями к маскировке или к невидимости. Почему мы считаем, что нарушителей несколько? Были замечены следы разных форм и размеров, не соотносящихся с подошвами вашей обуви. Вы знаете, что каждая вещь фиксируется специальными приборами и заносится в общий компьютер, чтобы в таких случаях можно было выяснить хоть какие-то обстоятельства или улики. Что мы требуем от вас? Во-первых, спокойствия. Излишняя паника только навредит. Во-вторых, внимания. Не ходить по одному, желательно группами по четыре человека или более. В-третьих, посещение родителями вас до момента устранения проблемы запрещено. В-четвёртых, если ваши родители хотят забрать вас домой, это возможно, но тогда вы больше не будете числиться учениками нашей школы. Я думаю, это предложение понятно без разъяснений.

Я вспомнил, как мы обсуждали пункт 3.14 школьного сво-да правил. Кто-то стал нервничать, ведь от родителей теперь зависело многое. Я был уверен, что мои меня забирать не захотят.

— А чем же мы можем помочь вам? — поднял руку блон-дин, этот выскочка. Не укради он моё почётное звание Пер-

вого, я бы, может, так не злился. Хотя такие типы всё равно меня выводили из себя.

— Хороший вопрос. Для начала не наживите себе неприятностей, а вообще надеемся на ваше сотрудничество. Это значит, что программа первого курса будет полностью пересмотрена за несколько дней, и вы будете готовиться наравне с выпускниками к реальной жизни. Скорее всего, ваше обучение переведут на обучение экстерном. Это значит, что за год вам придётся освоить намного больше информации, чем должны. Почему это необходимо и иного пути нет? На данный момент положение господствующей системы правления шаткое, как выяснилось недавно. Хотя и в СМИ подобной информации вы не встретите. Способности, которые вы получите в конце года, можно применить в науке, спасательных операциях и так далее. Но не исключено, что на деле вас будут эксплуатировать ежечасно в компании, куда вы попадёте на стажировку. Если попадёте вообще. Велика вероятность, что вам придётся принимать участие в схватках.

— Вы сказали «схватках»? — уточнил Зализыш.

— Именно. Несколько дней назад по планете только среди элитных организаций было объявлено предвоенное положение. Естественно, про это не знают мирные жители, да и вы тоже не должны были узнать. Теперь же вы как можно быстрее должны научиться пользоваться способностями, чтобы защитить наш метеорит и его энергетический пласт. А уж в научном центре или в каком другом месте это произойдёт —

неизвестно никому.

Такая серьёзная информация вызывала гул обсуждений.

– Давайте всё же вернёмся к главному. Я ещё не закончила, а война ещё не началась. Насчёт прорыва на территорию неизвестных лиц: любой звук, любая тень или что-либо ещё подозрительное — сразу же нажимайте кнопку вызова на планшете.

– Простите, учитель. А разве это не рискованно? Сейчас все, выйдя за пределы зала, только и будут, что нажимать на кнопки, потому что всем вокруг будет мерещиться необычное, — предположила одна из вчерашних близняшек класса 1/1.

– Верно. Но мы сразу же по нашим датчикам будем проверять обстановку, а персонал или преподаватель, находящийся ближе всего к точке вызова, придут и проведут осмотр.

– А меня другое беспокоит, Эмилия Игнатьевна, — поднялась Ника, — где гарантия, что злоумышленники не вернулись к себе? Где гарантия, что они всё ещё среди нас, на территории школы?

– Гарантия девяносто девять процентов, что они тут. Я не могу выдать вам все секреты нашей оборонительной техники, но, поверьте, если кто-то бы покинул территорию, все бы уже про это знали.

Сложно было не поверить интонации замдиректора, очень убедительно было сказано. Что ж: у них свои секреты, у нас свои. Я твёрдо решил во что бы то ни стало разузнать всё, что

смогу, про это проникновение, а также про военное положение. Странные события и ещё более странные совпадения.

Некит ерзал на стуле рядом, я прямо чувствовал, что он готов сорваться с места и бежать на поиски нарушителей. Впрочем, как и я. Буквально через минуту меня охватила волна возбуждения, и она исходила... ото всех!

Эмилия тоже это почувствовала:

– Самое главное: успокойтесь. Выдохните. Продолжайте учиться, будто ничего и не было. Будто вам просто поменяли программу.

– Извините, но я не хочу ни с кем драться, — встала вторая близняшка из класса 1/1.

– А кто сказал, что вы должны все поголовно это делать? И вообще кто говорит о драках? — суровым голосом спросила тучная женщина.

– Но... но вы же сами сказали про схватку! — покраснела девушка.

– А разве схватка и драка — одно и то же? — теперь Эмилия Игнатьевна обращалась ко всем. – Прошу, включите головы. Никто не бросит вас в бой прямо сейчас. Сражение — это в принципе столкновение: умов, способностей, да чего угодно. Не можете биться, сможете помочь в чём-то другом. Я не хочу нагнетать, да положение явно невесёлое, но и хоронить себя раньше времени не стоит.

Про «хоронить» было лишнее. Тут же половина вскочили со своих мест и стали кричать, что не собираются участво-

вать во всём этом.

— И это первый курс нынешнего года? — встал Верзила со своего места, хотя его и так было видно и слышно. — Да на кой пёс вы вообще сюда поступили? Жалкие червяки. Бойтесь — сидите дома у маминого фартука.

Его рёв, что называется «накипело», зазвучал в сердцах и головах всех, кто его смог услышать.

В классе 1/2 стихли сразу же все «бунтовщики», а затем дошло и до остальных.

— На самом деле, вы всё ещё можете забрать документы, — подытожила замдиректора. — У меня пока всё. Итак, спокойствие, — стала загибать пухлые пальцы, насколько вообще это было позволительно, — внимательность, собранность. Это всё, что сейчас вы можете сделать. Это максимум и минимум одновременно. Буду благодарна вам за понимание.

Нам был дан знак расходиться по аудиториям, и как раз был подан специальный звонок.

— Вот это да, — только и произнесла Дашия.

— Да-а, — подхватили остальные, не найдя больше слов.

Нашему классу пришлось идти в другое крыло и на другой этаж. Сегодня первым уроком у нас по плану... я заглянул в планшет:

— Могу поклясться, что вчера тут первым уроком было написано «Историческая география Небосандии»!

— А теперь разве не она? — удивилась Волконская.

– Нет. Сейчас у нас «Оборона и нападение», — нахмурил брови я.

– Да ладно? Вот веселье! — захлопала в ладоши Ника. Эта её сторона не перестаёт пугать меня и всех остальных. Не девушка — загадка!

– Нас же сегодня не заставят драться? — испугался Носолом.

– Да ты чего, Юлий?

– Я же не настроился!

– А зачем? Ну, объявят, что мы колошматим друг друга, и что с того?

– Да при чём тут это! — и смолк.

«Наверно, драки — это совсем не его!» — решил я.

Глава 6

Быстро добравшись до нужного зала, мы оказались среди чёрных матов под прозрачным куполом. Видимо, это именно та часть здания школы, что находилась внутри двора. С центрального входа человек видел только семь этажей, но над нами сейчас не было никаких других кабинетов или залов. Значит, пятый этаж и всё. Я подошёл к самому краю, к стеклянным стенам и убедился в своих догадках.

Раздалось три хлопка, и мы увидели того человека, что был на церемонии открытия вчера, с ним общался через микрофон Лысый костюм. Кажется, к нему обращались как к Джо.

– Джоушенк Питс, — представился мужчина в чёрном кимоно с чёрным поясом. Он твёрдо стоял на одном из матов прямо босиком. Мы же выстроились вдоль стеклянной стены. Вид за окном был невероятно красивый: фонтан с памятниками выпускникам и разноцветные листья, ещё державшиеся на ветках кленов.

– Думаю, вы осведомлены о нашем положении. Я попрошу вас снять ботинки, пройти в раздевалку и взять себе форму. Там уже все подготовили по вашим параметрам. В производстве кимоно я принимал участие лично. Они несколько более эластичны, чем традиционные костюмы каратистов, а

также более лёгкие и проветриваемые. У вас две минуты.

— Не армия, но очень похоже, — сказал я ребятам рядом. Около меня не стояли ни Некит, ни Юлий. Почему-то все построились по росту, я был где-то в середине, Некит самый первый, а Юлий самый последний. Интересная у нас компания. Шпала, коротыш и я.

— Я слышал, что он возглавляет ассоциацию смешанных единоборств в пространстве Земли.

Слова моего одноклассника Гауди означали, что учитель занимает главный пост не только на самой планете Земля, но и на всех её ареалах и Луне в том числе. Короче, не учитель, а шишка. Только вот зачем ему становиться простым учителем?

Этот вопрос я и задал Гауди.

— Я как-то видел с ним интервью. Он сказал, что в школе №1 своя выгода преподавать: так он может сразу же завербовать себе лучших бойцов.

— О-у, откровенно.

— Не то слово, — загорелись глаза одноклассника. — После того интервью я стал его фанатом. Сразу же стал готовиться к поступлению сюда.

— Вот как! А долго он уже работает здесь?

— Первый год.

— Как? Но ты же сказал...

— Он тогда объявил, что выходит с нового учебного года сюда на работу. Полгода назад это было.

– То есть ты подготовился сюда за полгода?

– Ну да.

– Монстр! — что же за люди здесь собрались? Я несколько лет тренировался, чтобы сюда попасть, и то результат был не самый лучший. Сейчас вообще чувствую себя в рядах отстающих от недостатка навыков и информации.

Вывод-то я сделал насчёт учителя: никто не знал, чего от него ожидать в преподавании. Даже директор не знал.

Мы действительно переоделись за две минуты: страшно-вато было медлить. Все вышли, на ходу завязывая пояс или подтягивая штаны. Не успел я даже повернуться в сторону раздевалки девушек, как учитель Питс скомандовал:

– Пятнадцать кругов, не срезая. У вас на эту разминку десять минут. Бегом!

Зал по периметру был метров триста точно. Справимся ли мы? Но каждый из нас рванул, что было силы. Правда, очень скоро многие «сдулись». Я же продолжал свой бег. Такая дистанция не должна стать для меня проблемой. Так и оказалось: среди своих одноклассников я был самый быстрый.

– Восемь минут тридцать одна секунда, ежикоголовый! — прокричал мне учитель.

– Есть, — ответил на автомате.

– Плохо! Ещё б чуть-чуть — и порог перескочил.

Джоушенк уже отвернулся от меня, чтобы дать рекомендации следующим ученикам. Последним оказался Юлий и девушка с фамилией Дюхиар. Это же та самая, что остава-

лась с Некитом. Неужели ей везде не везло? Тут до меня дошло: похоже, есть кто-то ещё менее удачливый, чем я.

Затем мы делали разминку, в основу которой входили основные боевые приёмы каратэ и ушу, попутно слушая лекцию о различных приемах и поведении при них. Потом учитель разбил нас на пары. Мы думали, что наконец отдохнём, слушая какую-то лёгкую теорию. Каждый говорил себе: «Живи!» Но оказалось, что сейчас между нами будет спарринг, иными словами, бой.

Мне в пару по жеребьёвке выпал парень чуть выше меня ростом, замкнутый в себе. Я бы подумал, что у него не все дома, если он хочет драться с длинной чёлкой на глазах, но он убрал все в пучок. И всё же он был уязвим. В реальной драке как схвачу его за волосы, мало не покажется.

Драться я и боялся, и нет. Если это будет похоже на битву с сестрой за компьютер или игрушку, то я переживу. Если же нет — то можете открывать двери, я сбегаю! Ненавидел насилие. Драка совсем не моё, хоть я и мужик. Бои с сестрой не считались. Всё решилось через минуты три, когда Питс дал сигнал. Пока что я мог настраиваться на бой, от которого вообще не знал, чего ждать, в том числе и от себя. Помогут мне только что изученные основы или нет, сложно сказать. Я решил отработать парочку ударов, и в моём поле зрения появилась Ника. Она прямо-таки сияла: вот уж у кого странные вкусы на жизнь. Она не из семьи профессионального боксёра? А то уж больно любила подобные штуки. В пару ей по-

ставили Юлия! Девчонок не хватило, вот решили сделать таких противников. Это ж кошмар! Юлий, берегись, я с тобой.

Нет-нет, я не женоненавистник, просто зная их обоих, я видел исход битвы ещё за пять минут до начала боя. А Волконская была такой милой с голубым ободком. Благодаря ему кудряшки так не падали ей на лоб и меньше мешались.

— Три минуты на то, чтобы уложить противника на спину. Время пошло! — никаких лишних слов, никакой поддержки от преподавателя. Вот это сама серьёзность. То, как он вёл урок-тренировку, показывало, насколько сильный человек Джоушенк, а ещё было видно, как он любил своё дело. Мне нравились почти все преподаватели школы №1. Даже отдаю должное Эмилиии. Все они любили своё дело и выполняли работу качественно. Сложно будет не научиться у них с такими подходами.

Мне стало спокойно. Я снова вошёл в тот поток, когда осознавал, что я находился в нужном месте. Мы с моим соперником Руаном стояли на самом крайнем татами, около окна-стены. Первым удар стал наносить Руан, но я увернулся. Только что учитель показывал нам такие удары в два раза быстрее, глупо бить с такой маленькой скоростью. Уклонившись, я решил снизу нанести удар по подбородку. Но рука в боксёрской перчатке черкнула вправо, задев шлем у правой щеки.

Минуты две мы пытались наносить удары или уклоняться. Учитель остановился около нас, оценил обстановку и фырк-

нул. Правда, промолчал. Но как по мне: лучше уж сказать что-то. Кажется, наши силы были равны. Но меня это стало так злить, расстраивать: неужели я такой же хилjak, как он?! Решил вложить все силы в следующий толчок в грудь. Нужно было расправить ладонь и потоком воздуха помочь силе выйти из тебя. В перчатке это сделать можно, но крайне сложно. И всё-таки у меня вышло. Руан не ожидал атаки на расстоянии и вылетел за пределы татами.

По идее он должен был врезаться спиной в стекло и удариться об него. А этого не произошло. До стекла оставалось сантиметров тридцать, и к тому же я услышал какой-то странный всхлип-вздых.

Я подбежал:

– Ты в порядке? Прости!

Хотел помочь ему подняться, но Руан сам встал и начал отряхиваться. Потом пристально посмотрел назад и стал... щупать воздух.

– Эй, ты что делаешь? Головой ударился?

– Нет, я будто приземлился на человека. Тут барьер, что ли, такой?

«Человека? Но там же никого...»

– Учитель! В зале посторонний! — заорал я во все горло.

Поднялся такой переполох, но, слава Христу, хвала метеориту, Питс среагировал молниеносно, оставив позади себя всю толпу учеников.

– Заблокировать дверь, встать стеной в три шеренги у вхо-

да. А ты, — он повернулся ко мне и уже тихим голосом командовал: — бежишь на счёт «три» в обратную сторону и пытаешься смести всё на своём пути. Есть вероятность, что ты заденешь нарушителя.

— Есть.

Я услышал команду «три» и рванул что есть сил с раскрытыми руками, хватая воздух, будто сейчас кто-то сам мне попадётся в руки. За мной с недоумением следили одноклассники, а учитель, развернувшись снова к окну-стене, встал в боевую позицию. Что он собирался делать, черт побери? Концентрируясь всего несколько секунд, Джоушенк Питс поставил свои мускулистые ноги твёрдо на татами, руки свёл и тут же развёл, и выдохнул огромную струю воздуха. Вместе с этим он издал какой-то звук, больше похожий на нечеловеческий вопль, возможно, чем-то походил на крик орла. Звук, отразившись от окна-стены, срезонировал и, оттолкнувшись, дёрнулся обратно, обволакивая всё пространство зала. Мы инстинктивно закрыли уши и замерли.

— Отлично сработано, класс 1/3, — похвалил учитель, — небольшую лекцию про освоение приёмов вы учили. Я рад, что по моей стойке вы поняли, как нужно действовать. Да, кстати, нарушитель сейчас вон там, валяется без сознания.

Невероятно! Он указал направление позади меня. Нарушитель старался убежать от меня, а я его почти нагнал. Какой же Питс матёрый. Он всё продумал. Конечно, после такого показательного приёма каждый из нашего класса стал

уважать учителя ещё больше, а также во всех пробудилось желание знать больше по этому предмету и большему учить-ся у него.

Резко в зал распахнулась дверь, и сквозь стоящих одноклассников я увидел мужчину, вероятно, ещё одного преподавателя, потому что Питс не испугался и не подал какого-то сигнала для атаки. Растянутым голосом вошедший поинтересовался, что тут происходит, потому что услышал какой-то громкий крик, а учитель подошёл и тихо ему всё объяснил. Мужчина нахмурился, но громко сказал, что пошёл за директором.

Вернувшись к нам, Джоушенк снова дал знак, чтобы мы окружили пустую область на татами в конце зала напротив двери. Одноклассники так и сделали. Я стоял ближе всех. К слову сказать, мне вообще не пришлось двигаться с места.

Учитель поднёс к пустому месту круглый камень, кусок метеорита, как я догадался. Есть куски от Христа, которые могут аннулировать способность при физическом контакте с человеком. Тут же перед нами возникла девушка в белой форме. Лицо, кроме области глаз, закрывала маска.

Никому не было страшно, но волнение, словно электрический ток, бегало от ученика к ученику. С нами был профессионал, поэтому сильно переживать не стоило. Кажется, худшее миновало. Питс попросил Дашию сбегать за рюкзаком в раздевалку и с помощью планшета вызвать сюда нашего классного руководителя. Девушка сделала это быстро.

– Вы помогли мне, — промолвил учитель, — я благодарен вам, ребята. Я не привык так много хвалить, но вы действительно здорово постарались. Обычно новички не запоминают и половины информации с моего первого занятия, а сохранить концентрацию и рассудок в такой ситуации... молодцы. Ежикоголовый, за урок ты отличился, получаешь дополнительные баллы.

Я засиял: вот это честь!

– Гордыня съест, — кольнул локтем в бок Некит.

– А ты не завидуй, — улыбался я, хотя осознание произошедшего наконец-то стало приходить. Лёгкая дрожь проработала моё тело.

– Думаю, сконцентрироваться нам помогло вчерашнее викторина-испытание с ливнем, — вмешалась Ника, — после него все стали внимательнее к себе. Мы просто поняли, что эта школа шуткой или забавой не будет.

– Ха, верно.

Через пять минут разглядываний лазутчика прибежал директор, притащив с собой Лысого костюма (который был снова в костюме) и Эмилию Игнатьевну, получившую странное сообщение от ученицы её класса.

И начались долгие и волнительные разборки, после которых многие пожалели о том, что случилось всё это именно с нашим классом. Сначала-то всех захлестнула радость от успеха, мечты о славе, а дальше стало понятно: самая жёсть только началась.

— И как вы поняли, что в зале посторонний? — скептически прищурилась Эмилия Игнатьевна.

— Я же сказал, что даже не успел подумать, как меня осенило, и я крикнул про постороннего: раз я слышал всхлип какой-то, а ещё и Руан сказал про своё приземление, будто на человека. Несложно ж догадаться в связи с ситуацией.

— Эмилия Игнатьевна, сбавьте обороты. Мальчик говорит правду, нам повезло, что у него такая реакция и что к вашему предупреждению до начала занятий он отнёсся крайне серьёзно, — разрядил обстановку директор.

Его глубокий голос и правда обладал успокаивающим эффектом: я перестал дрожать под взглядом классрука, так как Эмилия отвела взгляд и села ровно.

Я находился в очередном интереснейшем помещении. Вокруг были колонны в три метра, стол овалом, окна на потолке, а потолок был какой-то странной формы: то встречались ниши с окнами, то выпуклости. Голоса отражались от пустых стен и застревали где-нибудь в одной из тех выпуклостей в потолке. Настроение создавалось тут торжественное, но не пышное. Будто важные дела решались именно здесь.

— Директор Александр Македонович, я просто удивляюсь, как мне в очередной раз не повезло с выбором класса, все как на подбор, — такую ядовитую улыбку не пожелал я даже врагу увидеть.

— Хо-хо, Эмилия Игнатьевна, у вас отличное чувство юмора, — повёл статной фигурой директор в сторону зама.

– Это была отнюдь не шутка, — проговорила зам, но Александр Македонович её явно не услышал, он продолжал сыпать комплиментами по поводу её тонкого юмора.

– Простите, я могу идти?

– Да, сынок, иди, — ласково разрешил директор.

На слове «сынок» я как-то замешкался. Меня и родной отец так не называл, а тут.

– Не смущайся, вы все мои дети, раз учитесь под моей крышей. Я ведь сам строил это здание в надежде, что оно станет для многих родным домом, — пустился в воспоминания Македонович.

Удивительный человек! Ему удавалось чуть ли не читать мысли окружающих, такой он был проницательный. Теперь понятно, как он достиг успеха: тонкий психолог.

Закрывая за собой дверь аудитории, я услышал последние обрывки разговора Эмилии с другими членами:

– Только вы объясните мне, где второй? На территорию проникли двое.

– Эмилия Игнатьевна, наверно, второй не находился в зале. Мы же все были там, он не мог сбежать, — ответил Питс таким тоном, будто объяснял маленькой девочке, что Дед Мороз не существует.

А вот во мне закралось нехорошее предчувствие: и где же второй нарушитель?

В общем, допросив всех, малый совет школы, состоящий из разгневанной Эмилии, спокойного Питса, умиряющего

директора и куда-то сбежавшего Костюма, отпустил нас на перерыв в столовую, а затем велел возвращаться к урокам. Кстати, новость для нас не шикарная: из-за потраченного времени на выяснение обстоятельств нам было велено отрабатывать уроки во второй половине дня. А это означало, что домашнюю работу делать придётся после ужина и до глубокой ночи. Один Питс нам задал зубрёжки на пару часов, а у нас по расписанию ещё два занятия по полтора часа.

Хотя всё и свалилось на нас, и мы уже сто раз пожалели насчёт этого, всё-таки был здесь и свой огромный жирный плюс: попасть в столовую раньше всех! Вот это возможность! И её мы упускать не собирались!

Сердце то затихало, то бурно танцевало в моей груди. Предвкушение было выше всего, что я испытывал раньше. У Некита вообще уже слюни текли. А Юлий то и дело поглаживал дужки от очков. Это всё, правда, были мелочи в сравнении с реакцией Ники. Она вместо того, чтобы сделать вид спокойной и приличной девушки, прыгала без конца и повизгивала от предвкушения. Так сильно ей хотелось попробовать те хваленые муссовые пирожки!

Теперь, если бы мы снимались в кино, то кадр был бы таким: четвёрка обезумевших ребят, оставивших позади полк-ласса, стояла перед дверьми в лучшую жизнь. Двери были так ослепительны, будто сделаны из белого золота. Они так манили своей палитрой ароматов, что слюни текли отныне не только у Некита. Наши силуэты готовились рвануть с ме-

ста и покорить ту комнату, что находилась за желанными дверьми.

Они открывались автоматически, гостеприимно приглашая отведать весь ассортимент на прилавках. Наши глаза горели, светились, в них плясали фейерверки из булочек, пирожков, салатов, соков и многих других продуктов. Такое обилие вкусов! Невозможно вспомнить о манерах.

Как дикие, словно не евшие несколько дней, жившие в далёких племенах, мы кинулись к витринам и громко стали обсуждать, что взять, а что попробовать позже.

О, как мучительно оставлять это сочное черничное пирожное, предпочитая сегодня ему муссовый пирожок с манго и малиной. Витрины подсвечены светодиодными полосами, выставляя в лучшем свете продукцию.

Если тебе нужен был поднос, если твоя покупка — маленький пирожок и чай, то можно воспользоваться автоматическим роботом, который представлял собой передвижной столик-поднос. Достаточно компактное изобретение. Я такое встречал в музее «Человечество два века назад» в Нью-Йорке, бывшем мегаполисе одной страны. Там в буфете даже продавцов не было: всё автоматизировано.

Конечно же, мы решили воспользоваться услугой передвижного столика, дабы погрузить все наши покупки на этого робота-подноса.

За прилавком стоял один из поваров. Шеф-повар не выходил к ученикам.

Белоснежная форма сияла в свете диодов на витринах. Сотрудник подошёл к нам и, приветливо улыбаясь, произнёс из-за прилавка:

– Добро пожаловать, ребята! Я вас раньше не видел, должно быть, вы новенькие.

– Здравствуйте, да, мы первокурсники, — сказал за всех Некит.

– Чего желаете? — коварно улыбнулся повар.

– Ещё спрашиваете? — мучительно проговорила Ника.

– Тогда может, вам посоветовать отведать наши муссовые пирожки?

– О, да. За ними мы пришли в первую очередь, — кивнул я.

– Так вы знаете? О, чудесно! Они нежатся во рту всего немного, а потом безжалостно растворяются, — кажется, стал расхваливать пирожки.

– Ы-ы, хватит! — изнемогала Ника.

– Тогда сколько в заказ написать? — коварная улыбка стала шире.

– Каждому по два точно, — решил я.

– Не мало? — поднял брови повар.

– Что? Думаете по три взять? — усомнился я.

Он кивнул:

– Если не по четыре.

– Нет, так мы другое не попробуем! — возразил Носолом, привычным жестом заломив указательный палец на лбу.

– Всё-таки по три, — сказал я.

– Что-то ещё?

– Да, нам вот этот молочный коктейль, какие вкусы будете? — повернулась к нам Ника. И как она смогла оторвать взгляд от витрины?

– Я попробую имбирный с корицей и ванилью. Там ещё миндаль перетёртый, да? — выбрал я.

– Да, а молодому человеку рядом с вами я посоветовал бы вкус «Папайя/личи», — предложил сотрудник столовой Некиту.

– Пойдёт, и Юлию такой же. Мужики должны просвещаться! — отрезал ирокез, когда увидел, что очкарик захотел возразить.

– У нас свобода мнения, тебе не кажется, что ты ущемляешь Носолома? — вмешалась Волконская.

– Ага, перестану ущемлять, когда ты его Носоломом перестанешь называть, — парировал самый высокий из нас.

– Мне, пожалуйста, мятную вишню, — проигнорировала девушка.

– Хорошо, что ещё?

Мы заказали также жареных крабов в мандариновом соусе с хрустящей булочкой, азиатскую нарезку фруктов и зелени, сырные шарики с куриным филе под клюквенным соусом, а на десерт всё-таки добавили по муссовому пирожку. Пока всё это набирали, наши уже подтянулись и образовали очередь. Все бурно обсуждали меню, а звонка пока не дава-

ли. Наконец мы смогли выбрать столик у окна, на котором показывали погоду на улице через три часа. Когда нам предстояло отрабатывать пропущенные занятия, на дворе обещали солнце и приятную осеннюю погоду. Мы не сумели погрузиться на этот счёт, потому что еда так подняла настроение, что я мог бы учиться хоть до самой ночи, лишь бы меня так кормили всегда. После такой вкуснятины самому стыдно будет готовить в корпусе. Поднос быстренько опустел, и тут настала очередь муссовых пирожков. Мы одновременно сделали глубокий вдох, затем длинный выдох: чтобы все впечатления до этого погасли, и мы смогли бы по достоинству оценить вкус хвалёного продукта.

— Ребят, на счёт «три», — предупредил Юлий, обводя нас всех взглядом.

— Угу.

— Раз.

— Два.

— Три!

Мои зубы прокусили слой зеркальной глазури, лопнувшая оболочка чуть хрустнула, но это был мимолётный звук. Раз — и я уже чувствовал, как что-то холодное растекалось у меня во рту. Смакуя, ощущал, что это малиновое мороженое, такой подтаявший пломбир, чуть с кислинкой. Дальше вкусы быстро сменялись, за вафельной прослойкой отдало чем-то кокосовым. Потом суфле со вкусом манго и рисовые воздушные шарики, которые при соприкосновении с зубами лопа-

лись, создавая весёлое настроение. Заканчивалось всё сочным бисквитом, пропитанным малиновым сиропом. И это ничуть не приторно, и совсем не кисло. Как-то по-особенному ощущались все эти вкусы. Вроде бы и отдельно, но какую же целую пьесу они сыграли. Воистину, муссовые пирожки — ни с чем не сравнимое удовольствие. Феерия вкусов!

– М-м-м, — довольное мычание раздавалось от каждого.

Мы тут же принялись за второй пирожок, а потом и третий. Бесподобно. Гениально!

У робота-подноса была кнопка с небольшим опросом: «Понравилось ли вам качество еды? Понравилась ли ценовая политика?» Не стоит и говорить, что все мы единогласно нажали «Да». А ещё можно было передать сообщение шеф-повару, что мы и сделали:

– Здравствуйте, м-м, это первокурсники из класса 1/3, — я немного волновался и всё ещё находился под впечатлением от пирожков: — мы благодарим шеф-повара и всю его команду за прекрасный подход к блюдам, особенно хотим отметить муссовые пирожки. Сэр, готовьте их всегда! Мы будем покупать их каждый раз.

– Хорошо сказал, а главное — правду, — похвалил Некит, — теперь вместо уроков буду продумывать план, как попасть в столовую раньше остальных.

– Некит, тут всё ещё запись идёт, — прошептала Ника и нажала кнопку «Отправить».

– Ты что сделала? — схватился за голову ирокез.

Юлий злорадно посмеялся.

Мы окинули столовую взглядом: народу больше, чем завтрак вчера у дверей. И ведь почти каждый берёт себе муссовый пирожок.

— Кошмар! Всё! Мы завербованы. Вот тебе и мотивация — прожить тут и отучиться. Мы ж ради этих пирожков все уроки выучим, — понял всю ужасающую правду Эйнштейнович.

— На то и рассчитано, — пропищал голос над нами. Хоть Эмилия и не была выше нас намного, всё равно казалось, что рядом гигантская женщина. Ох, так она пугала.

— Вижу, вы уже поели, идёте. Вы должны помочь мне с раздаточным материалом.

— Хорошо. А разве у нас ваш сейчас предмет? — поинтересовалась Ника.

— Нет, это для класса 1/1. Но их сейчас не поймашь, все в столовой ещё в очереди. Так что я вербую вас...

— Но!

— Никаких НО, — а дальше выделила особым голосом: — иначе не видать вам столовой до конца учебного года.

Нам оставалось только покориться. Этот примитивный шантаж сработал как никогда! Вот так я снова налип на неприятности.

Глава 7

Помещение, в котором мы подготовили раздаточный материал, было тем же залом, где у нас проходило первое занятие с Эмилией. Просто у нас занятие прошло в ускоренном режиме, а у класса 1/1 будет полноценное, как и должно. Сначала они прослушают лекцию, по наглядному материалу разберут состояние человека при медитации, его циркуляцию энергии и способы высвобождения.

– Да это триста раз нечестно! — возмущался Некит.

– И не говори, — я-то был в числе тех, кому еле-еле удалось свою ауру увидеть, соответственно, я мысленно сетовал на несправедливость. Почему мы должны были всё это сами проходить?! Ох уж эта классрук!..

Скоро звонок должен был прозвенеть, поэтому мы закончили свои приготовления и вышли из зала. У массивных дверей собралась часть класса 1/1. И все эти ребята сбились в кучу около одного человека – Блондина.

– Мелл, а расскажи, как ты в пещерах Луналэнда от радиоактивных летучих мышей спасался, — попросила какая-то писклявая девчонка.

Было видно, как это льстило Зализышу, и он занял позу бравого бойца, приготовившись вещать.

Мы как раз проходили мимо, направившись к лестнице.

Пол простирался под ногами такой белый и слишком гладкий: торопиться не получалось.

Рядом со мной раздался смешок:

– Пф-ф, чуете? Что-то этот парень сегодня переборщил с одеколоном, — приснула Ника.

Она не меньше моего помнила о нашем первом столкновении с этим типом, поэтому решила отыгаться. Зализыш точно слышал её слова, но сделал вид, что вокруг него никого из другого класса нет. Однако парни, стоявшие около их лидера, скрестившего руки на груди, обратили внимание на красивую девчонку, которая высмеяла Мелла. Они перекинулись взглядами и как будто приняхались. Потом снова переглянулись, на их лицах мелькнуло злорадство. Тут и от Зализыша не скрылась их реакция, он одарил парней коронным убийственным взглядом и всё же посмотрел в нашу сторону:

– А-а, это вы, жалкое отродье?

– Тебе кто дал право язык распускать? — не выдержал я. Ладно, меня обозвал тогда, я проигнорировал, но, когда покушаются на честь моих друзей, молчать не стану.

– Забыл у тебя спросить, чертов ёж!

Сквозь его белоснежные зубы приснула слюна. Надо сказать, неприятное зрелище, особенно когда выставляешь себя идеалом всея вселенной.

– Да, чертов. Как раз под стать моей фамилии. Ты, оказывается, уже всё про меня знаешь, а я вот до сих пор тебя

Зализышем зову.

Глаза его одноклассников расширились, они испуганно посмотрели на лидера. Одна из близняшек даже сделала шаг назад, чтобы демонстративно опереться на стенку, якобы ей стало худо.

— Ты за всё ответишь чуть позже, — зубы скрипнули. — Мне ты не конкурент. Тебя размазать — и одного пальца об асфальт хватит.

Холодная угроза подействовала на меня как горячее:

— Отлично, пока ты меня ни во что не ставишь, я нанесу тебе такой удар, от которого ты уже не отойдёшь.

— Что ты сказал, гад? — Сияющая кожа бросился на меня. А я рванул на него. Уже занёс кулак, как около нас выросла Эмилия, и над нами прозвенел звонок.

Мы разошлись молча, но я весь кипел. Казалось, молчание вытечет из меня с ушной серой. Я дерзко дышал и хватал воздух руками.

— Дэн, успокойся, — положила руку мне на плечо Ника. — Это я виновата. Не надо было начинать.

— Нет.

— Угомонись. Ещё будет время.

В голосе было такое убеждение, что я физически ощутил на себе действие воздушного потока, вырвавшегося с её словами.

До чего же странная девчонка! Сейчас её прямая спина и взгляд вперёд внушали спокойствие и уверенность.

Мы пронеслись по лестнице и коридору так, будто попали в огромный ледовый дворец. И кто такое покрытие полов придумал? Ведь похоже на залитый каток! Так и поскользнуться недолго. Мы попросили прощения за лёгкое опоздание и сели за парты. Когда наши планшеты уже стояли на специальной подставке, учитель начала урок.

Честно говоря, занятие по статистическим данным современного общества с Феонеллой Ким (отец был из корейцев, а мать из европейцев, поэтому внешность получилась экзотическая) я пропустил мимо ушей. Меня одолели мысли о том, что из-за всех этих заварушек я толком ничего и не узнал про своих друзей. Ну да, откуда родом – знаю, а чем увлекаются, какие отношения в семье, какой вообще характер у них – неизвестно ничего. И мне стало так грустно. Я даже покусывал пальцы левой руки: так сильно ждал перемены, чтобы обо всём спросить ребят. Хотел сначала предложить им собраться у меня вечером, а потом понял, что с нашим инцидентом сегодня и продлением занятий, вечером будет не до посиделок.

Наконец, долгожданный звонок прокричал, что пора бы и отдохнуть.

– После следующего урока звонков уже давать не будут, так как останетесь только вы в школе для занятий, поэтому будем ориентироваться по времени. Раз эта перемена последняя и длится десять минут, будем и другие перемены рассчитывать также, — пояснила Феонелла и вышла, чтобы

освободить класс другому учителю. А с ней нам ещё придётся через урок встретиться. Не скажу, что она скучно преподаёт, скорее, для такого скучного предмета она очень даже интересно говорила, но я всё пропустил.

— У неё такой интересный взгляд на общество, — восхитился Юлий, почесывая себя тем самым указательным пальцем, который выгибался под неестественным углом. — А ещё я пока не понял: это у неё узкие глаза и просто через очки увеличены визуально или же они сами по себе не азиатские..?

— Носолом, снова твой фетиш проскальзывает, — попрекнула Ника.

Тот покраснел и покрылся испариной, был бы он сейчас за своей партой у окна, сполз под неё. Я кашлянул, прерывая их:

— Ребят, я тут всё занятие думал, что мы толком и не знаем друг друга. Может, познакомимся поближе?

— Хорошая идея! Ты б ещё через год предложил, — повеселел Некит, и даже вскочил на ноги. Стул, который он пододвинул ко мне, отлетел на добрые полметра.

— Я серьезно.

— Да я тоже. Задавай вопрос! — подставил отскочивший стул Некит снова на то же место.

— Эм-м...

— Ты думал всё занятие и даже не придумал вопросы? — под взглядом Волконской почувствовал себя убожеством.

– Ну-у... какой ваш любимый цвет? — у меня сейчас, наверно, очень жалкий вид.

– Ах-ха, ужас! Лучше не придумать было? — засмеялась девушка. – Мой серый.

– Серый? — недоверчиво переспросил я.

– А что, думаешь, розовый?

– Да нет, просто... неожиданный выбор для тебя.

– О, ты просто меня не знаешь, — грустно улыбнулась Ника.

Почему-то сейчас я понял, что это не было шуткой. И её грусть, а может даже тревога, передалась мне.

– Моё мнение важно? — вторгся в разговор Эйнштейнович.

– Конечно! У меня вот зелёный, — быстро среагировал я.

– А у меня синий, — сказал очкарик. – Ну, Рыжикез, у тебя что?

– Рыжикез?

– Некит, по-видимому, это соединение слов «рыжий» и «ирокез», — пояснила Ника.

– А-а, жуть. У меня красный, — высокий парень поискал ответ на потолке и нашёл.

– Ладно, это ж не то, что жизненно необходимо знать о нас как о друзьях, правда? — спросила Ника, а потом добавила, поправляя кудряшки: – У вас есть братья или сестры? С кем живёте вообще? Бабушки, дедушки?

– Уже существеннее вопрос, — оценил Некит.

– Да? — не понял я.

– Ну, будешь знать ситуацию в семье, легче поймёшь потом человека. Да и вообще, нужно знать, в каких условиях рос твой друг.

– Вот это позиция эгоиста, — посмеялся я.

– Это позиция реалиста, — обиделся высокий друг.

– Некит, давай с тебя и начнём, — предложила Ника, облокотившись на мою парту и задев дыханием мой планшет.

– У меня два младших брата, мы очень дружны. Я уже скучаю по раздаче тумаков им, — на последней фразе Некит засмеялся. – Мы живём с родителями в двухэтажной квартире. Считаемся семьёй с хорошим достатком. Хотя там, где мы живём – на бывшей территории Аляски – практически у всех семей похожий бюджет.

– Слишком подробно, — заметил я.

– Зато честно, — парировал друг.

– Что насчёт тебя? — кудряшка повернулась к Юлию.

– Я один ребенок в семье, мои дедушка, папа и мама занимаются наукой. В общем-то, я тоже буду, поэтому и пошёл в эту школу. У нас в союзе уцелевших европейских государств ценится ум, — тут Носолом многозначительно посмотрел на Некита. – Мы очень богаты, так как постоянно получаем научные гранты.

Последние слова, надо отдать ему должное, парень произнёс тихо, но уверенно. Я даже улыбнулся: здорово, когда в семье есть своя династия учёных, а ты имеешь честь про-

должать дело всех близких тебе людей.

— Видимо, я следующий, — мои плечи опустились, а в груди будто потяжелело: — У меня есть старшая сестра, мы погодки. Отец и мать живут вместе, но можно считать, что они давно в разводе. Отношений никаких, кроме формальных. Денег хватает, но не могу сказать, что мы относимся к среднему классу, скорее, ниже среднего наш достаток. Некит, теперь ты не будешь говорить, что не знаешь меня?

— Я не знаю тебя, — возмутился друг, — но я понял, что в долг у тебя брать нечего. Шучу-шучу, жаль, что семьи, как таковой, у тебя нет. Прости, что затронули эту тему.

Я замахал руками:

— Всё в порядке, слёзы давно выплаканы. Это же не один год продолжается.

— Юлий, не прячь слезинку за очками, я всё вижу, — переключил тему Некит.

— Да ты...

— Пока эти разбираются, что ты скажешь про себя, Ника? — начал я.

— Ой, у меня не так захватывающе, как у вас, — готов поспорить, улыбка была фальшивая.

— Говори! — подошёл к нам ирокез, зажимая Носолома под мышкой.

— С дедушкой живу, род наш богатый, но остались только мы вдвоём, — со странной бодростью произнесла девушка.

— Кажется, вы очень близки, — смягчил натиск я.

Ника опустила глаза, потом подняла их и, глядя прямо на меня, приподнялась на локтях и сказала:

– Да. Он всё, что у меня есть. А я – всё, что есть у него. Так и живём.

Она сейчас смотрела только мне в глаза, будто эта информация была крайне важной. Словно она хотела что-то донести до меня. Хотя я, скорее всего, это придумывал. Она выпрямилась и оглядела всех.

– А что случилось с вашим родом? — поинтересовался Юлий. – Я долго думал, что фамилия знакомая, но помню только про старинный род из России, говорят, Волконские были потомками убийц, чьи корни тянутся ещё с древности.

Я смотрел, не отрываясь, на подругу, может поэтому, только я заметил мимолётный страх на белом лице? И всё-таки я снова говорю себе: «Какая странная девушка...»

– Стыдно признавать, но речь идёт о моих родственниках. Правда, место про потомственных убийц — нелепица. Разве я похожа на киллера?

Мы дружно замотали головами.

– А если бы вы увидели моего дедушку, то сказали, что это самый милый дед во всём Земном пространстве. В Луналэнде точно.

– Посмотрим, когда он тебя навестить приедет, — решил Некит.

А Носолом продолжал молчать.

– Если разрешат. Помните, что к нам на территорию про-

никли неизвестные люди.

Последние мои слова заставили всех задуматься ещё раз о положении, в котором мы находились.

– Да, кстати, когда я уходил с совета, Эмилия спорила с Питсом о том, что остался ещё один нарушитель. Его-то так и не поймали! А ещё мне не даёт покоя цель их проникновения. Что или кто им понадобился здесь? И почему стоит искать цель именно среди нас, первокурсников? — принялся рассуждать я.

Сначала все многозначительно молчали, а потом Юлий взял слово:

– А не мог тот преподаватель, что зашёл к нам в класс, выпустить второго нарушителя?

Мы с ужасом посмотрели на него, а вдруг?

– Я не заметила, что в проходе между ним и дверью была какая-то щель. Вряд ли кому-то удалось незаметно пролезть, — размышляла Ника.

– Во всяком случае, пока мы ничего не можем знать наверняка, — подытожил Рыжекез.

У нас следующим уроком были «Основы выживания». Название вселяло доверие, по крайней мере, все наши одноклассники отнеслись серьёзно к этому предмету. Учителем был совершенно обычный с виду мужчина преклонного возраста, который выдавала седина на висках и бороде. А вот поджарое тело говорило о постоянных тренировках. Как оказалось, тренировки были... на выживание. Эрик Блоун –

наш учитель – был невероятный человек. Он знал миллион историй о джунглях, космических пространствах, лесах, пустынях. И самое главное, что его истории не были выдумкой или рассказами о других героях, его истории – это сугубо личный опыт мистера Блоуна. Каждый слушал, затаив дыхание. Получалось, что он давал нам правила, теорию, и тут же какая-нибудь история вспоминалась. Такую форму работы я признаю. Как-то легче запоминалось, когда были примеры из жизни. Пару раз на интерактивной доске он показывал нам отрывки из своих путешествий, потому что он большой любитель снимать всё, что с ним происходило. Правда, никто не осмелился сказать, что съёмка была странновата, практически не воспринимается, так как он цеплял камеру к кепке, головой вертел туда-сюда, от этого всё изображение тряслось. Особенно «весело» было смотреть тряску, когда он убегал от медведя. Больше всего мне понравилась история про встречу с рысью в лесу, когда мистер Блоун был ещё мальчишкой. Какое-то чудо, что он остался жив. А точнее чудо, что он уже тогда инстинктивно применил одно из правил выживания среди хищных животных. Как признался учитель, этот случай повлиял на выбор его профессии. А ещё забавным было то, что никакого костюма или хотя бы белой рубашки Блоун не носил. Он всегда ходил в такой одежде, будто в любую минуту был готов сорваться в опасное приключение. Поговаривали, что в личном кабинете он всегда держал наготове туристический рюкзак.

В общем, слушая истории, мы даже не заметили, как пролетел этот урок. Думаю, у многих этот предмет стал любимым. Дальше пришлось самим ориентироваться по времени и ждать урока у Феонеллы, худенькой черноволосой азиатки.

– Ребят, продолжим знакомство? — подошёл к друзьям я.

– Ага, но предлагаю подключить Дашию и Ерину, а то я тут одна девчонка, неловко, — уж и хитрющая Ника.

Про «неловко» точно соврала, она в нашей компании чувствовала себя уверенней всех — прям как жучок в траве.

Ещё с одной одноклассницей познакомились. Она сидела перед Юлием. Реально у него целый улов. Повезло с девчонками сидеть. Ерина Мировая сразу попросила называть её Эрой, сокращённо, потому что жутко не любила своё имя. Вообще достаточно волевая девушка оказалась. А так и не скажешь: строгие, правильные черты лица, прямой нос и не менее прямые волосы, длинные ноги и гибкий стан — образец прилежности. Это на первый взгляд. А на деле Эра за словом в карман не лезла, да и особо умом не блистала или, лучше сказать, именно хитростью. Она оказалась прямолинейной как столб.

– Моя очередь вопрос задавать, — вызвался Кариут. – Любимое увлечение? Очкарик может молчать, я знаю, что ответ будет «книги».

Слово в конце он выделил и добавил передразнивающую интонацию.

– А вот и нет, — вновь обиделся Носолом. – Я люблю

больше всего на свете исследовать минералы. Особенно после падения Христоса-метеорита. Вот когда началось настоящее веселье среди минеральных ресурсов Земли.

— Поумерь пыл, это твоё увлечение, а не наше, — остановил Некит.

— Эй, это грубо. Юлий, мне понравилось твоё направление, расскажешь как-нибудь подробней, — я виновато улыбнулся друзьям, словно извинялся за нашкодившего кота. — Просто я тоже увлекаюсь ими. У меня есть небольшая коллекция в комнате, но, думаю, ты осведомлён больше меня.

Эра стояла, скрестив руки на груди, она ещё умудрялась жевать конфеты, причём на уроке тоже. И как никто не замечал? Она внимательно наблюдала за перепалкой, а потом немного скучающим голосом выдала:

— Карты.

— Что, карты? — не понял Некит, которого прервали.

— Моё увлечение.

— О-у, Эра, ты играешь в карточные игры? — всплеснула руками Волконская.

— Нет, я имею в виду карты, маршруты, различные страны. Я постоянно путешествовала по разным местам нашей планеты. Только на ареалах не была и на Луне. Не добралась. Выпущусь, уже на Луналэнд полечу и дикий лес Небосандии исследую.

— Ого! Должно быть, трудным было решение поступать сюда, раз нам нельзя выходить за территорию три года, —

удивилась маленькая Дашия, которая на фоне высокой Эры казалась младшеклассницей.

— Ты права. Но всё это ради моей цели — открыть неизведанные места.

Глаза Мировой засверкали, она стала мять пальцы на правой руке, и тут встрял Ломоносов:

— Ты пока не в курсе, что уже всё открыли до тебя?

Девушка так зло посмотрела на парня, что плечи вжали все, кто находился рядом.

— Не думала, что ты такой узколобый.

Мы оцепенели.

— Сам же сказал, что с метеоритом всё поменялось. Думаешь, новые места не появились? Карты до сих пор дополняются.

Вот в этот момент я решил не считать Эру глупой или легкомысленной. У человека действительно была цель, цель всей жизни.

— Дальше давайте, Дашия? — перевела тему Эра. Похоже, ей не нравилось быть в центре внимания. Поэтому она говорила несколько отрывочно, короткими фразами.

— Знаешь, Эра, мне очень импонирует твоё увлечение. Оно так близко к моему, что я хочу предложить тебе сотрудничество, — голос Дашико был такой милый и скромный, что даже Эра не смогла бы здесь нагрубить.

— А что за увлечение-то? — заморгал Эйнштейнович.

— Я без ума от бабочек! — огонь вспыхнул в глазах девуш-

ки, если такое вообще возможно в этой тихой натуре. — Ещё звёзды и космос — мои излюбленные темы. Я пытаюсь совместить эти два увлечения и доказать теорию, что по звёздам можно прочесть селения и обитания того или иного вида насекомых. Пока что это я провожу с бабочками.

— О-о, — только и нашёлся Некит.

— Какой-то глобальный переворот в науке готовишь, — оценил я.

— Юлий, я уже вижу возражение на твоём лице, но может, ты всё-таки дашь шанс этой приятной девушке? — как всегда, слова Ники прозвучали двусмысленно. Плутовка! Хотя носила ангельские кудряшки.

— Я в деле, — отрезала Эра.

— Правда? О, я так стеснялась! Спасибо тебе! Я так счастлива! — все парни завидовали в этот момент высокой девчонке, потому что Дашия уже кинулась ей на шею и с благодарностью обняла.

— Дай-ка угадаю, что нравится Нике, — предложил я.

— Дэн, уходишь от темы! Это я сейчас угадаю, что ты не согласишься свой досуг без журнальчиков определённого вида...

— На что это ты намекаешь?

— Я всё ещё помню, что вы с Некитом разглядывали журналы 18+ про девушек, когда мы вчера вошли с Юлием к тебе в комнату.

Это удар ниже пояса. Я же объяснил им, что они не так

поняли.

Кариут, конечно же, во всю ржал.

— Последний раз говорю, это были журналы про минералы, — залился я краской, хотя говорил полнейшую правду! Просто перед Дашисико и Ериной было очень глупо оправдываться.

— Дэн, мы с тобой так похожи, — возрадовался Юлий.

— Вообще-то это не самое главное моё увлечение. Есть ещё моя слабость к книгам и машинам.

— Куда ж без этого! Обычный мальчишка, — фыркнула Эра.

— Не скажи, этот хотя бы читать любит, — заступилась Ника. И когда я уже хотел сказать слова благодарности, она добавила: — только так до конца и не ясно, какой именно направленности в книгах его интерес.

— Ника! — взревел я. — И потом, почему вы говорите обо мне в третьем лице, будто меня сейчас тут вообще нет?

— Так вышло, — убила Эра.

— И всё-таки Дэн хотел угадать, чем увлекается Ника. Мне так интересно! — невинно произнесла Дашия. Вот кто был ангелом и внутри и снаружи. Какой же у неё носик!

— К-хм... могу поспорить на желание, что эта дамочка, — мой указательный палец был направлен прямо на Волконскую, — предпочитает боевые искусства любым девчачьим штучкам.

Эра и Дашия рот открыли. А вот Кариут и Ломоносов по-

додвинулись ко мне и закивали в знак согласия.

– Дэн, ты попал в яблочко! — восхитился Некит.

Ника молчала.

– Не думала, что ты так хорошо меня знаешь, — она подмигнула. И возможно, это должно было выглядеть как флирт, но я снова будто нажал на больной участок в её настоящем.

В класс зашла худенькая Феонелла, что означало продолжение разговора о современном обществе. Я пообещал себе, что буду лучшим учеником, так как мне нужна лучшая способность, поэтому в этот раз практически стопроцентно слушал лекцию. А так как разговор сейчас шёл о различиях между жизнью на ареалах и жизнью на Земле, я исподтишка наблюдал за своими друзьями. Начал с первого ряда у окна. На первой парте высоченная Ерина закрывала Юлию весь обзор. Я чуть было не хохотнул, когда в очередной раз Ломоносов кинул сердитый взгляд на закрывшую обзор спину одноклассницы. Эре очень интересна была эта тема, это было не только видно по скорости её письма, но и теперь я это понимал, зная её интересы. (Тем не менее, конфеты она не забывала закидывать в рот). После школы Ерина отправится на ареалы, ей нужно быть более подготовленной, чтобы путешествовать быстрее и легче. А Юлий просто страдал синдромом отличника. Хотя я почему-то не считаю его конкурентом, может, потому что не чувствовал его силу. Или он ещё не раскрылся? Надо быть осторожнее с ним. Не упус-

кать из виду его успеваемость. Милая Дашия писала также скромно и тихо, как разговаривала. Её носик смешно следил за движением ручки. Я обернулся дальше, посмотреть на Некита и Нику. Некит чуть ли не спал, вот забавный вид у него: два глаза вот-вот сомкнутся. Похож на пьяного. А Ника... вот чёрт, она посмотрела на меня. Стало так не по себе. Мурашки по коже пробежали. Надеюсь, она только-только на меня посмотрела? Вроде слушала внимательно и писала, показалось что ли. Я встряхнул головой, чтобы вернуться к лекции Ким.

Наконец-то можно было идти в свою суперпросторную комнату. Сегодня столько всего было, что моя голова хотела одного: поскорее попасть в царство Морфея. Но впереди океан домашней работы, что шиш мне, а не сон. Вообще надо сказать, что я возмущаюсь уже какой год! Метеорит давно упал, общество уже триста раз усовершенствовало всё, что только можно. Тогда почему, святые энергии, в школах до сих пор задавали домашнюю работу? Абсурд, да и только. Учишься с утра, учишься днём, учишься вечером, когда я смогу заняться тем, что любил?

И вот с таким душевным грузом я и весь мой класс уныло брели по дороге к нашему корпусу. Мне нравилось, что вдоль аллеи, ведущей от школы к жилому зданию, были посажены небольшие клёны. То бархатно-золотые, то пурпурно-алые попадались нам на пути. Под ногами нежно хрустели упавшие листья, а солнце даже вечером так пекло, буд-

то август взял в кредит у сентября ещё пару деньков. Кто-то из наших, глядя на сборную солянку из листьев под ногами, вспомнил про еду. Суп вчерашний съеден, нового никто не приготовил, поэтому решено было всем скопом вывалиться на лужайку у «дома» и быстренько пожарить сосиски, хлеб и овощи. Такое незапланированное барбекю.

Запах разжигаемого мангала разогрел наши сердца, желудки и души. Стало тепло и на всё фиолетово. Никогда не думал, что этот цвет может быть таким приятным. Сегодня во главе «кухни» был Витязь. Его вообще родители называли ВиктОр, на французский манер, но он терпеть не мог эту их манию, поэтому всем, даже учителям, представлялся Витьком. Но чтоб оно презентабельнее и основательнее звучало, придумал прозвище Витязь. Сам он на Витязя мало походил, потому что был щуплый и добродушный. Зато говорил про себя, что с огнём ладит лучше всех. В общем-то, скоро мы и проверим, как он нам всё накопит и зажарит.

Пока ждали, решили размяться. Есть такая игра забавная – ножки. Ещё от далёких предков пришла она к нам, с Руси, говорил мне однажды отец. Смысл её в том, чтобы, образовав круг и расставив широко ноги, по очереди касаться ноги другого человека, запутывая и запутываясь. Выиграет тот, кто устоит на ногах. Касаться земли чем-либо ещё – запрещено.

Для большего веселья мы встали в очередность девушка-парень. Играть стали не все, кто-то вызвался помочь

Витьку, кто-то просто слёг на осеннюю траву, расстелив общий шерстяной плед из комода в гостиной, поэтому мы играли в количестве восемнадцати человек.

Я так смеялся вместе со всеми, что проиграл, упав на землю, скорее из-за смеха, а не из-за неудобного положения. Другие парни были в восторге от игры, потому что представился шанс похвататься за девчонок. Потом я много тайных благодарностей от них получил за то, что предложил сыграть в ножки. А женская половина визжала и веселилась. Они как-то ловчее оказались. Я пару раз давал для опоры руку Дашии, и почему-то в такие моменты Ника очень больно касалась моей ноги, ну как касалась? Будто нечаянно наступала с силой танка или бронепоезда.

Витязь и его помощники не могли от нас глаз отвести, говорили, что мы круче любого цирка. А я даже рад, что и до половины игры не дожил: колбаски под соусом барбекю уже манили своими ароматами, поэтому я побежал подворовывать жареный хлеб, чтобы хоть как-то дотянуть до общего ужина.

Глава 8

Мне никогда ещё не было так интересно в школе. Пролетел уже месяц, а я даже не заметил, как мы все сдружились, как поменялись наши наивные взгляды, как я вырос в управлении своим телом. В учёбе я выжимал из себя все сто двадцать процентов. Оказалось, что в моём классе собрались практически все сильные ученики, каждый тянулся друг за другом. И пусть я везде показывал отличные результаты, не было никого, кто бы меня ненавидел за это. В этом заведении все знали, что твой рейтинг – это твои усилия. Многие даже не понимали, куда я так рвусь, зачем так стараюсь. Но всё равно каждый в классе не стоял в своём развитии на месте. Конкуренция была неимоверно жёсткая. Хотя я не собирался кому-либо уступать. Таков реальный мир. Дружба — это дружба, а борьба за способности — это выживание в реальном мире. Между учителями уже стали ходить байки, что класс 1/3 под руководством монстра становится монстром младшим. Это и льстило нам, и в то же время заставляло держать планку. Эмилия вообще рвала и метала каждый раз, когда Зализыш или кто-то из класса 1/2 (там собрались не самые способные ученики, Верзила оказался просто скопищем мышц) наступали нам на пятки в рейтинговой таблице. Близился первый зачётный этап, поэтому расслабляться не бы-

ло времени. У меня сложились определённые отношения с некоторыми учителями. Несомненно, всех их я уважал, каждый из них был профессионалом своего дела, было видно, что место преподавателя в этой школе досталось им не просто так. Но больше всего меня и, правда, влекло к предметам, где я учился общению с собой, со своими мышцами, сухожилиями, энергией. Занятия Эмилии, мастера Тейко, Питса и Суровова (учителя физической подготовки и проверки на силу воли и выносливость — да, нам всем пришлось выучить это название, сокращённо и между собой мы называли его предмет ФПиП) стали основными для меня. Я старался выделиться именно на них. Мне удалось получить признание у всех, кроме женщины-громовержца: ненавидела она мужиков и парней, что тут сделаешь? Тем не менее, её отношение не мешало мне любить её предмет. Я не мазохист.

Основной традицией после уроков стал совместный обед и ужин среди наших одноклассников. Пусть мы были конкурентами друг для друга, дружить и готовить для всех нам ничто не мешало. Была, конечно, и среди наших парочка отшельников, но и то они не пренебрегали общими процедурами, просто сами по себе интроверты и в общении проявляли себя мало.

По вечерам часто все мои близкие друзья собирались у меня в хорах. Мы любили, особенно по выходным, подольше поиграть в настольные игры или просто пообщаться, встречая рассвет у панорамных окон в комнате. Состав

почти всегда был такой: Носолом, Рыжекез, Ника и я, Ёж. Почему у Ники не появилось прозвища до сих пор – я не знаю. Бывало, что к нам присоединялись Эра и Дашия, что очень оживляло Юлия. И тогда вместо посиделок на полу мы перебирались на диван и кресла. Несложно догадаться, что шла немалая борьба среди нас, парней, кто же будет сидеть рядом с Дашией на диване. Правда, помимо Дашиисико ты автоматически получал в комплект Эру. Девчонки сильно сдружились, поэтому теперь я свято верю в древнюю поговорку «Противоположности притягиваются».

Было 5:30 утра, я встал, чтобы перед приходом мастера Тейко в наш корпус разогреться и помочь ему с разминкой. Он лично назначил меня своим помощником, что укрепило веру в меня остальных ребят. Теперь всё реже слышу недоуменные возгласы типа: «И как этот паренек смог открыть вторым врата?» или «Меллиорону (Зализышу то есть) совсем труда не составит его обойти!». А вообще к вниманию я привык, точнее остро не реагировал, а скорее даже игнорировал. Пару раз подходили ко мне старшекурсницы и, хихикая между собой, предлагали погулять после уроков. Вот тут я пока ещё не поборол свой томатный цвет лица и голос заики, но я работал над этим. Честно говоря, не до девчонок мне было. Пару раз, ну может десять/пятнадцать, каюсь, засматривался на Дашию или Нику, но естественно никакого умысла в голове не возникало. Зачем мне сейчас отношения? Такой детский сад не для меня. Это Некит уже пять раз

на свидания сходил, я не такой. Я в лагере Носолома, у нас «общество ББ». Если ты расшифровал «Без баб», фу, лови картошку в лоб! Мы уважаем девушек, поэтому расшифровываемся «без барышень». Правда Юлий ещё и странный какой-то фетишист оказался, до чего ж он любил глаза и очки, но ничего, я терпел.

Пока я разогревался перед утренними практиками и думал о том, как пролетел первый месяц, солнце уже стало украдкой показывать свои лучики. Октябрь властвовал на дворе, рассвет на Земле в такое время не увидишь ни в жизнь. А на небосандии солнце рано вставало даже в осеннее время.

Я на секунду зажмурился, потому что луч ослепил, преломившись через моё окно во всю стену. Всегда чувствовал себя лилипутом, смотря в эти громадины на улицу, хотя ростом был выше среднего. Открыл глаза и почему-то вспомнил, как мы засиделись неделю назад тут с Никой. Все ушли по комнатам, ведь был четверг, а не выходные. Она осталась. Помню, в ту ночь она была очень грустная. Мы толком и не говорили, просто сидели, смотрели на звёзды, а потом на рассвет. Только вот один наш диалог у меня из головы не вылетал, может, поэтому и вспомнил его сейчас:

– Ёж, скажи, а у тебя когда-нибудь был очень сложный выбор?

Уже стукнуло за полночь, я как раз принёс нам своё одеяло, чтобы не замёрзнуть на полу. На улице ночью холодало, и

в здании тоже. И тут такой неожиданный вопрос прозвучал.

Я долго думал, прежде чем ответить. Слишком много всего наболевшего шло у меня из семьи.

— Погоди, не отвечай, — остановила рукой меня Ника, — я сейчас сбегая вниз за чаем.

— Мне зелёный тогда, — сообразил я, хотя был готов уже выдать свой ответ.

— Да я знаю, мне ведь тоже только его и хочется здесь пить.

— А дома что-то ещё пьёшь?

— Ага, кровь собаки, яд змеи, — как всегда всё перевела в шутку Волконская. Чёрт поймёт её! Всегда она шутит или нет. Я решил, что это очередная её защитная реакция. Почему-то все разговоры о родном доме она умело скрывает.

Через пятнадцать минут в наших руках грелись большие чаши с зелёным чаем. Это вообще были супницы, но нас такой вариант устроил, чтобы не бегать второй раз за новой порцией.

— Был сложный выбор. Это когда невозможно решить, на чьей ты стороне: на маминой или на папиной. Будто надо решить в одночасье, кого больше любишь. А ведь это так глупо! Взрослые выстраивают порой такие дурацкие рамки, что нам, их детям, совершенно некуда идти. Ты понимаешь, о чём я?

— Ещё бы. Мне вообще иногда кажется, что чем ты взрослее становишься, тем ты глупее. Когда мы ещё подростки, то можем видеть глупые решения взрослых, но потом нам

предстоит самым совершить точно такие же ошибки, и это грустно вдвойне.

– Да, возможно. Но я не собираюсь так просто сдаваться и глупеть. У нас всегда есть выбор, и мой — это помнить, каково мне было решать каждый раз, с кем я останусь жить, если родители разъедутся.

– Знаешь, спасибо. Мне стало легче. Думаю, решиться на что-то, не задев чувства близких, намного сложнее, чем решать дела вне семьи.

– Не знаю, ситуации разные. У тебя тоже был какой-то сложный выбор? С чего ты спросила?

– Дэн, я тебе благодарна за откровение, и ты можешь злиться много и долго, но я не могу пока сказать что-либо про себя на эту тему. И вообще такой цели не было. Я просто хотела облегчить себе душу.

Честно, меня задело, что я открылся ей, а она нет. Но всё же личное пространство на то и есть, чтобы пускать кого-то или нет. Я решил доверить ей своё личное, она пока нет. Изменится ли что-то дальше — одному метеориту известно!

Похоже, девушка поняла мои мысли, она хлопнула себя по щекам и взяла разгоревшимися ладонями мою левую руку:

– Прости меня. Ты единственный, кому я вообще могу задавать подобные вопросы и сидеть в 2:49 ночи, попивая остывший чай из суповницы, в комнате парня один на один.

– Ты хочешь задеть моё эго ещё больше? — рассмеялся я.

– В каком смысле? — не поняла Ника.

— По твоим словам меня и за парня можно не держать, — типа обиделся.

— Нет, ты что! Если уж кого и держать, то именно тебя.

И вот снова её издевательский смех и двусмысленность слов. Пойди, разбери, шутит она или нет. Вдруг влюбилась?

Я вернулся из воспоминаний и с глупой ухмылочкой посмотрел на своё отражение в зеркальных дверцах шкафа. Дурак же!

Скомандовал:

— Погода, прогноз, рекомендация, — и вместо зеркальной поверхности на шкафу получил подробное описание погоды на сегодняшний день.

— Отлично, дождь не намечается, — вслух сказал сам себе и пошёл вниз встречать мастера.

— Сегодня, мои кохаи, — мастер Тейко заигрался в Японию в очередной раз, — мы попробуем одну интенсивную часовую практику из цигуна. Кто знает, что такое цигун?

— Сенсей, — так просил называть его мастер Тейко, — это китайское учение об энергии, которая в нас течёт.

— Всё верно, Руан. Ты делаешь успехи, молодец. А кто когда-либо пробовал на себе действие ци?

— Если говорить об ощущении энергии в своём теле, то мы все уже это не раз пробовали, — проговорила скучающим голосом Хамина, невзрачная девчонка, с которой мало кто общался. Иногда за спиной звали её Хамло или Хамка. Я пару раз вступился за неё, потому что она такой не была. Про-

сто одиночка, просто с видом равнодушия ко всему, кроме муссовых пирожков с личи. Уж мы-то все были от них в восторге, а она самой настоящей безумной фанаткой.

– Да, ты права. Но если раньше мы пользовались больше индийскими техниками, то теперь перенесёмся восточнее. Возможно, кому-то придётся больше по душе цигун.

Мастер Тейко встал в позу «ноги вместе», а затем стал учить нас отводить правую ногу в сторону, смещая равномерно центр тяжести. Надо сказать, это упражнение далось всем только через минут пятнадцать.

– И то это ещё быстро, — довольный голос мастера пронёсся по гостиной.

– Вы сказали, что на сегодня будет что-то ещё... — подтолкнул я. Мне так хотелось новых знаний. Я, будто зверь, требующий мяса, хотел всё больше и больше знать об управлении телом и энергией.

– Сейчас будем ловить энергию из космоса. Так как архитектура вашего корпуса не позволяет переместиться на крышу и проводить занятия там, будем выходить пока что на лужайку, что сзади вашего «дома».

– А как же мы будем такими раздетыми заниматься на холоде или в непогоду?

– Жижа! — рявкнул мастер.

– Я не Жижа, я Жеже, сколько раз вам говорить? — взмолилась моя одноклассница. Самая болтливая девчонка из всех, что я знал, но готовила хорошо. Несмотря на её любовь

к сплетням, сама она злилась, если кто-то коверкал её имя.

– К-хм... Жеже! Ты должна понимать, что существует такое слово, как «закалка». Слышала?

– Угу, — втянула голову девушка. Она побаивалась Тейко, но насчёт имени всегда реагировала остро.

– Жужу, вот тебе и угу! Марш на улицу закаляться — ловить энергию из космоса.

– Она Жеже, — не выдержал весь класс и заорал во все горло.

– Тьфу, прошу прощения! Жеже и все остальные, на улицу!

Зверская тренировочка с утра так разогрела нам аппетит, что даже перекус в столовой ничем не помог. И мы – я, Некит и Дашия – уже обсуждали, что будем готовить на обед:

– Как же нам не повезло оказаться сегодня в дежурных! — чуть ли не плакал Кариут.

– И не говори, обычно надо накормить кучку голодных воронят, а сегодня это целое стадо слонов, — подхватила Эра.

– Ты-то чего нам сочувствуешь? Тебе хорошо, ты отдыхаешь сегодня, — заподозрил неладное Некит.

– Это я вам подливаю масло в огонь, — злорадно улыбнулась со своей высоты Ерина.

– Эра! Нельзя так, — спохватилась Дашия.

– Если хочешь, я тебя подменю, — предложила подруга.

– Нет, ты что! Ты же знаешь, я люблю готовить!

Я-то сразу разгадал план Эры. Как я убедился в первое

своё дежурство с Дашией, готовить она не умела. Она готовила в понятии «вкусно» для своего семейного круга, но мы не фанаты её кулинарных творений. Она специфически использовала пряности. Иногда могла кинуть такое не сочетаемое, что даже не хотелось пробовать. Когда я стал чистить картошку, она очень удивилась, что её чистят и уж тем более ей выковыривают «глазки», тёмные места. Ох, и покраснелись мы с Некитом в своё первое дежурство. Вот и сейчас Эра просто хотела спасти двадцать четыре голодных рта от верной смерти, отдав себя в жертву.

Некит умоляюще посмотрел на высокую подружку, чтобы та сделала ещё одну попытку. Но Эра повертела головой, давая понять, что натиск бесполезен.

— Как насчёт картошки в мундире с зелёным луком, крошки и котлет из индеек в панировке? — предложил я менее безобидный вариант.

— Я на мясе тогда, — вызвался Рыжекез.

— Ой, погоди! Давай я. В моей семье есть традиционный рецепт котлет из индейки! Туда если добавить ванили... — загорелись глаза Дашии, сейчас главное вовремя обрубить. Пришлось брать роль на себя:

— Нет, Некит не сможет больше нигде помочь, он только в мясе и хорош. А вот ты очень годишься на крошке. Сможешь нарезать ингредиенты? — я надеялся, что это самое лёгкое. Это же никак не испортить?

— М-м, можно. Тогда я квас сварю! — повеселела девуш-

ка.

— Дашия, квас не сварить за час, — вернул с небес на землю обеспокоенный Юлий.

— Как это? Вот моя мама научила меня из куркумы и шафрана делать отменный квас! — искренне удивилась девушка, фыркнув носиком.

— Зачем? У нас уже есть квас, — попытался погасить я пламя повара.

— Когда это он успел появиться? — подняла брови Ника.

— Готово, — вскинул руку Некит, заказав только что квас по планшету.

Думаю, нужно пояснить, что дежурные по кухне в нашем классе до 11:00 утра должны успеть отправить заказ необходимых продуктов на обед и ужин через планшет. Там есть специальное приложение для связи с отделом закупок нашей школы. Надо признать, удобная вещь. Если что-то не успели заказать к ужину, можно воспользоваться второй вылазкой закупщиков в город — до четырёх часов вечера.

Я хитро улыбнулся, хорошо, что Некит такой сообразительный. А вместе с моей улыбкой услышал тихие выдохи облегчения — квас сегодня будет нормальный.

— Значит, ты на картошке? — спросила Дашия.

— Ну да, — кивнул я.

— Тебе нужна помощь? Может отварить её? — тут я искренне удивился, что она знала о необходимости отвара продукта для приготовления обычной картошки в мундире.

– Да нет, всё в порядке, это ж легко.

– А как подавать будете? — спросила Ника, она же у нас эксперт в еде. Вот уж в её смены дежурства кайфовал весь класс.

– Думаю, почищу прямо перед подачей.

– Помощь нужна? — тут же среагировала Дашия.

– Ой, нет, дорогая. Пусть Ёж сам мучается, — остановила подругу Эра.

– Так нельзя, — покачала головой Дашия, но вроде отстала от меня и стала перечислять продукты на окрошку.

Надо ли говорить, что лапки курицы, перчик чили, розмарин, кольца кальмаров и мармелад мы исключили из списка нужного для окрошки? Дашия искренне возмущалась, как живут и едят люди: никакой фантазии!

Тем временем, нас ждала ещё адская тренировочка у Суурова Сам Соныча. На самом деле, его имя с отчеством звучали как Самсон Самсонович, но было крайне затруднительно желать здоровья каждый урок, произнося полностью имя. В итоге, мы по совету старшекурсников просто стали называть его Сам Соныч. Кстати, фамилия ему была под стать — крайне суровый человек. Грозный вид дополняли мясистая фигура учителя, слегка кривой нос и прищуренный левый глаз — плачевный результат одного из поединков по боксу в прошлом. Глаз вообще никогда не расширялся, как поведали однажды Некиту старшеклассницы, у Сам Соныча был задет глазной нерв. А ещё именно он был тем человеком, который

первым обнаружил наш класс после поимки нарушителя.

— Здравствуй, кла-а-асс! — чётко и громко пробасил учитель.

— Здравья желаем, учитель Сам Соныч, — проревели мы.

— Гро-о-ом-че! — не удовлетворился Суоровов.

— Здравья желаем, учитель Сам Соныч, — я точно охрип... и оглох.

— Не-е...плохо.

Мы расслабились.

— Сего-огдня мы-ы, нет, вы-ы будете бегать полтора часа-а, — растягивая на свой манер гласные, объявил учитель.

Ноги инстинктивно подкосились у половины класса. Я старался не думать о задании. За месяц я уяснил: чем меньше думаешь, как это преодолеть, тем быстрее и легче ты это преодолеваешь. Гораздо больше сил и времени ты тратишь на раздумья, а не на сами действия. Я знал, что как бы нереально не звучало задание от Сам Соныча, мы его сделаем. Иначе никак вообще.

— Кла-асс, ваша-а задача-а бежать. Никаких остановок. Хоти-ите передохнуть, сбавляйте темп. Ацетонн, Оссейне и Фанисте-эр, раздайте всем браслеты, чтобы записать данные о вашем беге и передать на планшет в ваши рейтинговые таблицы с номерами. В про-ошлый раз лидировал номер 8. (Это мой номер).

— Есть.

Как и на предыдущих занятиях с Суорововым каждая наша

тренировка на силу воли и выносливость фиксировалась по многим параметрам: состояние физического здоровья на начало и конец эксперимента (оценивались мы в специальных сканер-кабинах, излучение проходило сквозь тебя, пока ты стоял, и выдавало точную информацию о здоровье. Излучение безопасное); состояние психического здоровья (как правило, каждый испытывал душевный подъём в конце занятия, так как смог выдержать тренировку); пульс, давление, биополе, скорость потока мыслей (мозговая деятельность также была более активна к концу задания). Проходили тренировки всегда в одном и том же зале. Но об этом можно было узнать только потому, что кабинет всегда имел номер 27. А на деле эта комната к каждому занятию была определённо трансформирована. Например, сегодня здесь были скалы и лес, причём многовековой, где вместо мягкого мха под ногами простирались корни. На прошлой неделе здесь была река с быстрым течением. Уму непостижимо, как продвинулись технологии в наше время, но факт остаётся фактом: делай с этой комнатой, что захочешь. Однажды смельчак Ванька Соколов решил предложить Сам Сонычу новую идею для тренировки выносливости:

– Сам Соныч, есть идея! — задорным и весёлым Ванька был только в начале занятия.

– Кака-ая? — удивился учитель.

– Давайте создадим дикий пляж, лагуну и мягкий песок, а заданием будет жариться на солнце, купаясь в лагуне, пол-

тора часа... — Иван всех ошеломил своей наглостью.

У Суровова с шутками туго было:

— Мне нравится пе-ервая часть. Втору-ую бы я изменил!

— Правда? — воодушевился Ваня, и его молчаливо подержало несколько человек из класса. Заманчивая ж местность.

— Да. Полтора часа не подходить к лагуне и не нежиться на мягком песке. Хороша-а идея!

Это как ребёнку не дать конфету. Только перед отказом поманить ею, поводить перед носом, дать понюхать, облизнуть, а потом шиш показать.

Пока я всё это вспоминал, нам уже дали команду трогаться (предварительно каждый прошёл через сканер-кабину). Я проверил, что спортивная форма маскировочной расцветки как раз для леса сидела на мне удобно, и начал разминать ноги. Надо мной было столько веток, а за ними только высокие скалы, что неба даже не разглядеть. Конечно, в классе были и такие, типа Хамины и Феофана, которые сразу предпочли медленный темп. Тренировки на выносливость мало кому нравились. Но в числе маньяков-любителей были я, Ника и Некит. Мы постоянно соревновались друг с другом или объединялись в троицу и бежали против Маркуса, Робба и Хайнеса. Так как они сегодня раздавали браслеты, мы их подождали и стали разминать в беговых упражнениях мышцы. Сегодня мы должны их победить! Обычно счёт равный, но иногда и они перевешивали. Так что пора бы поквитаться.

У Ники с Некитом огонь не то чтобы горел, он полыхал, аж лился из глаз. Я на секунду представил свои ослабшие мышцы ног в конце, и идентичное состояние Кариута, что подумал, к черту котлеты и картошку. Но стоило мне вспомнить, что окорошку готовит Дашия, как силы снова прибыли ко мне. Решимость победить и приготовить обед вцепилась в мою душеньку когтями.

— Так, ребята, если проиграем, мне придётся идти на свидание с теми недавними двумя второгодками, — подлила масло в огонь Ника.

— Так ты ещё не сходила? — удивился наш местный рыжеволосый ловелас.

— Некит, как бы тебе сказать, они... м-м, не в моём вкусе.

— Хвалит болтать, — отчего-то разозлился я. — Надо победить!

Не видел я победоносную улыбку Ники, потому что рванул вперёд. Задача была одна: бежать быстро, бежать много. По прошествии полутора часов сложим свои результаты по километражу и по формуле, известной даже первогодкам (пятиклассникам) в средней школе, рассчитаем скорость. Посмотрим, кто быстрее!

Я бежал, стараясь избегать корней. Некит и Ника уже давно свернули на другие пути: так легче, когда не мешаешься. Если видишь своего, всегда хочется что-то ему сказать, а это трата энергии. Пару раз наткнулся на других одноклассников, но в целом продвигался по безлюдным тропам. Если во-

обще это можно назвать тропами.

Когда истекло время, зал трансформировался в ровный участок, где пол был такой же, как во всей школе. Помещение было без окон, не такое уж и бескрайнее, как казалось до этого.

Моя команда была разбросана по разные стороны, команда Маркуса тоже. Ближе всех ко мне был Хайнес. Я подбодрил его шутейкой, что он похож на червяка, и сам же червяком и пополз к учителю. Суровов обожал наблюдать за нами через мониторы. Он знал про нашу негласную борьбу и уже потирал руки, чтобы, собрав данные с браслетов, объявить победителя. Ещё он каждый раз после занятия повторял:

— Ну, Эмилия, ну собрала. Молодец! Горя-ачая женщина. Какой кла-асс, така-ая и женщина. Бесподобно! — Он ещё так смешно выдыхал порой на слове «женщина», что я каждый раз был не готов к этому.

Мы притворялись, что не слышим его восторженные речи, но на перемене нет-нет, да и передразнит кто-нибудь его. Хотя он был таким человеком, который восхищался всеми классами и всеми руководителями. Конечно, особое и даже пристальное отношение к нашему классруку мы всё равно чувствовали.

Браслеты собраны, данные тоже. Учитель готов объявить:

— На этот ра-аз победила-а дружба, ха-ха-ха, — и чего смешного? Я хотел выиграть!

— Ник, так что там со свиданиями? С одним, получается,

идёшь? — кажется, Некит ни черта не расстроился.

Волконская тряхнула волосами:

— Кто знает.

Я не захотел слушать дальше, просто пошёл в душ, а затем, захватив Некита и подождав Дашию, ушёл готовить. У нас был час. Остальные пока отдыхали, неспешно собирались и просто в ожидании обеда болтали в гостиной.

В принципе, обед получился неплохой. Главное, что сытный. И съедобной была даже окрошка, хотя кусочки в ней были, скажем так, размером с крупный ластик. Но классу мы преподнесли это как новаторскую идею, поэтому подвоха замечено не было. Ну, или сделали вид, что блюдо от Дашии вполне сносно. Мне оставалось радоваться тому, что девушка быстро находила позитив в негативе, потому что когда я отказал ей в идее кинуть туда всё-таки лапки, она весело буркнула, что мы отказываемся от самого лакомого в этом блюде.

В этот же день, а точнее уже ночью, я лежал и слушал, как живот недовольно пытается переварить здоровенные куски колбасы из окрошки...

Глава 9

Спустя почти неделю после нашего фееричного дежурства был рассмотрен вопрос об изменении графика. Оказалось, что не все способны приготовить адекватное блюдо, поэтому мы решили, что Дашия, Джеки'Ау (единственный чернокожий мальчик в нашем классе), Исилия (вообще не умеющая делать какие-либо дела по дому), Варя (ленивая особа), Гарри и Руан будут ответственными за уборку гостиной и лестниц. Все, кроме Дашии, осознавали свои способности в готовке, поэтому с радостью переквалифицировались на другую должность, а вот Дашию пришлось уговаривать. Уловка была такая: «Дашия, без твоего чуткого руководства они там и подмести не смогут нормально!» После этих слов её добрая натура поняла, что нельзя оставлять в беде новоиспечённых подметальщиков и пылевытиральщиков, поэтому она с гордостью взяла на себя роль командира. Кто бы мог подумать, что у такой кроткой на вид девушки когда-то будет аж пять подчинённых! Впрочем, желающих быть в подчинении у неё было гораздо больше пяти человек. И в первых рядах был Юлий. Но он готовил хорошо, поэтому так и остался в команде Дюхиар. А к нам вместо Дашии попал Сокол (Ванька Соколов). Теперь у нас была чисто мужская дежурная бригада. Юлий, кстати, в какой-то степени нам за-

видовал. С девчонками всё ж сложнее: им то не нравится, это не годится. Поэтому, можно сказать, что у меня появилось побочное «Общество ББ», в которое Юлий иногда активно просился. Получается, что бригадирами по кухне стали: Волконская, Дюхиар, Ацетонн, Кабанов (фамилия Витязя), Железняк (фамилия Жеже) и я, Чертиков. Всего шесть команд по три человека. Неплохо получилось.

— Почему нам с тобой, Дэн, не везёт на готовку? — заныл Кариут, поёрзав на кожаном диване.

— В смысле? Сейчас же всё замечательно, — не понял я.

— Да в тот раз нас Тейко и Сам Соныч измучили, через две недели нам предстоит дежурить в день соревнований. Я в восторге! — закатил глаза Некит к потолку, где транслировался дождик, создавая ощущение, что он капает на нас. Но мы были сухие, так что это просто голографический эффект.

— Это да, согласен, — вздохнул я и надкусил ватрушку, которую взял в автомате с едой. Наша затея с пробованием разных кухонь провалилась. Мы можем пробовать только выпечку и напитки из этих автоматов. Вчера были восточные сладости, я понял, что никогда не полюблю рахат-лукум, а вот Ника ещё та обжора и любительница лукума. Мы с парнями увлеклись медовой продукцией. — Вообще Сам Соныч жёсткие задания даёт.

— И не говори! Год тренировки по ФПиП — и я первоклассная машина-убийца, — закивал Некит.

— Даже Носолом сможет подтвердить своё прозвище, —

поддержала Ника, вытирая салфеткой из автомата крошки со столика, за которым мы ели.

— Я против насилия, — через нос сообщил Юлий, поправляя круглые очки и смахивая волосы со лба.

— Когда ты уже вылечишь свой насморк?

— Он хронический, говорил же тебе, тупица! — покачал головой очкарик. — Ты со своими свиданиями ещё и забудешь, как читать.

— Ребят, не начинайте. Скоро звонок, — все посмотрели в сторону окон, где на стёклах высвечивались часы – 11:47, — не успеете дойти до кондиции, спор прервётся. Я так не люблю. Надо чтоб полноценно и до драки, — у Ники специфические способы умирять друзей.

Мы собрали за собой мусор, выкинули его и пошли в класс. Коридор для класса 1/3 стал уже родным. По правой стороне висели стенды с новостными мини-видео про мировые события, а вот по левой стороне всегда можно было найти своё расписание, сверить домашнее задание с правильным ответом или с лучшим ответом среди параллели, загрузить общий рейтинг класса по школе. Пока что эта функция, правда, была не доступна, потому что общих дел или соревнований между классами ещё не было. И в конце коридора находилась дверь в наш класс. Я и любил это место, и боялся. Иногда интонация Эмилии заставляла чувствовать себя полным ничтожеством, зато на занятиях у Блоуна было жутко интересно. Двадцать четыре лампочки неизменно

горели с внутренней стороны класса над дверью, и больше пока дяденька-электрик не появлялся, чтобы погасить и забрать чью-то лампу. А когда кто-то отсутствовал по причине нездоровья, лампочка, закреплённая за этим учеником, светила тускло. Такая система позволяла учителям быстрее ориентироваться в классе и адаптироваться к ситуации.

Сейчас будет мой самый нелюбимый предмет. Точнее предмет всегда у меня был любимый даже в прошлой школе, а вот из-за учительницы он скакнул в графу «Когда уже там звонок?» Преподавала она здорово, но как человек Таисия Демьяновна, вечно скрючившаяся и завернутая в цветастые шали, была невыносима. Она постоянно рыдала над сентиментальными или драматическими моментами в книгах. И я не понимал: сколько она уже обсуждала те или иные произведения, а всё плакала над ними! Причём ладно незаметно, спокойно так себе всплакнуть (как это делал Юлий), она же устраивала сцены похлеще бульварного театра. Настоящие терзания и сопли. Жуткое зрелище! Хотя кто-то шутил, что не будет скучать по походам в театр. На что я отвечал: «Ну и дурной у вас вкус». На меня не обижались, потому что я не по-злomu это говорил, да и понятно было, что Демьяновна явно переигрывает. Но ещё была у неё страсть, помимо рыдальных спектаклей, вздыхать по молодому преподавателю Николя (это она его так мягко называла), что вёл у старшеклассников искусственный язык, придуманный специально для нашей школы. Ходили слухи, что она в него влюбилась,

ещё когда он учился здесь на первом году. Сам Николай Валентинович избегал встречи со старой девой с костлявыми руками как можно чаще. Думаю, он стал бы отличным шпионом с его выработанными навыками.

Хвала Христу-метеориту, что сегодня мы разбирали весёлые рассказы Зощенко (это такой писатель-юморист, жил пару веков назад), поэтому плакать там было не над чем. И вот в таком случае урок проходил замечательно, потому что учительница невероятно точно и профессионально анализировала текст, подключая и вовлекая каждого. Тут даже такой, как Некит, оценит юмор писателя и непременно прочтёт его рассказы. Говорят, было на Земле время, когда школьники совсем перестали читать, уроки казались им скучными, а учителя то и дело орали и нервничали, работая за мизерную плату. Это, насколько помню, был период перестройки образовательной системы: какие-то «фгосы» и «ЕГЭ» вводились, которые долго не просуществовали, а потом на смену пришли оборудованные всевозможной техникой кабинеты, учителя прошли переподготовку, и наступил снова период, когда все были заинтересованы в учебном процессе. Нелегко было до этого людям.

Урок пролетел так незаметно, что я даже расстроился. Сегодня про Николая и упоминаний не было. Возможно, обиделась на него в очередной раз.

Ника убежала готовить. Мы же в предвкушении обеда решили прогуляться по территории школы. В дождь было как

раз безлюдно. Зонты мы брали утром с собой, зная, что будет непогода.

— Парни, девушки, я не с вами, у меня с одной девчонкой встреча, — минус Кариут.

— Ой, Некит такой популярный, — прокомментировала Дашия, убирая длинные хвостики под капюшон. — Мы с Эрой тоже пойдём, сейчас будет трансляция прямого эфира одного известного путешественника. Мы не хотим пропустить. Вдруг что узнаем новое.

— Хорошо, тогда мы с Юлием погуляем, — пожал плечами я, мол, не беда.

— Эй, я тоже хочу посмотреть... хотя, нет, пожалуй, прогуляюсь, — как истинный член ББ, он не поддался чарам.

— Пошли тогда в ту сторону, там нет жилых корпусов, только хозяйственные. А за ними парк небольшой, — предложил я, когда все разошлись.

— Давай, я даже рад твоему выбору, — загадочно произнёс Эйнштейнович.

Дождик был приятный, тёплый. Капли по-дружески приветствовали нас, когда сталкивались с поверхностью зонта. Мы медленно шли, обходя мелкие лужицы, любуясь прозрачными каплями и слушая постукивания по листьям и асфальту.

— Дэн, я же могу тебе доверять? — внезапно остановился Юлий, приподнял зонт, чтоб его лучше было видно, и посмотрел мне в глаза.

– Да. Мы друзья, — коротко ответил я. Юлий увидел в глазах мою честность, поэтому продолжил:

– Ты, возможно, заметил, что я в последнее время более молчаливый...

– Издалека начал, — улыбнулся я. — Думаю, да. На инстинктивном уровне заметил.

– Ты только не реагируй сразу отрицательно, дослушай меня до конца, — тянул друг, продолжая идти по аллее.

Мы прошли уже несколько клёнов, а под ногами возник совершенно необычный палас: жёлтые дубовые листья прилетели с другой аллеи, кленовые красные и оранжевые перемешались по дороге. Справа показалось одноэтажное хозяйственное здание, а слева через двадцать метров стояла бетонного цвета котельная.

– Я понял тебя, но с чего ты взял, что я точно плохо отреагирую?

– Потому что тебе нравится Ника, а разговор пойдёт именно о ней и в не лучшем свете, — будто обухом по голове огрел меня Юлий.

– Э-э, не нравится она мне. Ника друг: такой же, как и ты.

– Мне тоже нравится Волконская, но не так, как тебе. Значит, ты ещё сам себе не признался.

Я разозлился:

– Что за чушь? Я знаю, что и к кому испытываю, и не собираюсь здесь слушать бред. Давай закроем эту тему?

– Нет, прости. Я больше не скажу ничего такого, но вот

про неё мы поговорим. Тебе ничего не кажется странным?

— Должен признать, — успокоился я и стал мыслить трезво, — что с самого начала меня что-то тревожит. Она будто защищается, огораживает всё, что с ней связано, шуточками и приколами.

— Хорошее наблюдение. Я придерживаюсь этого же мнения, только я пошёл дальше и стал копать информацию про её род.

— Зачем? — удивился я.

— Помнишь, я говорил, что слышал про род Волконских из России, они были потомственными убийцами?

— Да, но Ника опровергла информацию про убийц, — встал на защиту я.

— То есть на её месте ты громко заявил бы: о да, мои родители почикали множество людей, и я тоже собираюсь забрать десяток жизней?

— Нет, — признал я. — Я бы как мог, скрывал это, тем более, от друзей. Но с другой стороны, мы же друзья. Мне всё равно, чей она там потомок.

— Всё равно, даже если она убивала? — снова остановился друг и посмотрел на меня.

Я сглотнул:

— Не знаю. Это дурацкий вопрос.

— Над которым тебе стоит на досуге подумать. Так вот, я нашёл интересную информацию, и ты обязан её знать.

— В интернете?

– Нет, у меня свои источники, свои доступы, благодаря семье, — предложил рукой идти дальше Ломоносов.

– Тогда, полагаю, это стопроцентная информация, — смирился я, а Юлий кивнул.

– Тебе ведь известно, что энергия метеорита Христа ранжируется специальным ведомством?

– Честно говоря, нет. Не задумывался вообще о том, как в школы попадает тот или иной сгусток энергии (будущая способность).

– В целом, это информация из закрытого доступа, так что неудивительно, но ты должен знать, что есть группа учёных, исследующих силу метеорита. Они докладывают обо всём властям, а власти уже решают, какой школе какую способность отдавать.

– И к чему ты клонишь?

– Погоди. Рассказываю ж. По моим данным, самая сильная способность на потоке первоодков, то есть нас, в школе №1 — это перемещение.

Я кивнул.

– Эта сила крайне важна для правительства, пока я не знаю, для чего, но уверен, сложив все данные воедино, что среди нас есть человек, который заслан правительством, чтобы эту способность подчинить себе.

– Звучит паршиво, — я не находил слов. Получается, сила, о которой я мечтал, не достанется мне, потому что иначе мне придётся выступить против засланного казачка от пра-

вительства. Мне хотелось промокнуть, потому что в голове начинался хаос. Я хотел, чтобы прохладный дождь смыл всё ненужное и оставил только главное.

— Дэн?

Я поднял брови.

— А знаешь, ведь это ещё не всё, что я хотел тебе сказать, а ты уже так потерялся, — мы отошли достаточно далеко, чтобы нас никто не слышал. Юлий обернулся, чтобы убедиться в нашем одиночестве. — Эту способность мы должны отстоять. Не дать её властям.

Я не знал, что сказать. Получается, что среди нашего потока есть тот, кто собирается помочь властям. Но зачем? Разве правительству ещё нужно доказывать свою силу? И ещё... из слов Юлия было ясно, что он не поддерживал правящую элиту.

— Я вижу, что тебе не всё понятно. Это потому что я ещё не всё рассказал. Я не хотел признаваться тебе в том, что я не лучшего мнения о нынешней системе правления. Но в свете того, что я раскопал... понимаешь, мне даже пришлось посоветоваться с моим отцом. Мы несколько расходимся во мнениях, однако вот чему мы оба пришли: 1) мир скоро изменится. Он стал меняться. Вспомни слова Эмилии месяц назад, когда в школу прорвались люди. Сразу добавлю, что эти люди стопроцентно здесь из-за того, чтобы найти «засланного от правительства» и ликвидировать его, иначе не было смысла им так подставляться. 2) Мир ещё можно спа-

сти, и это под силу будет тем, кто решится противостоять официальной власти. 3) Грядёт война, и, возможно, это наш последний год в школе, а потом на фронт или по домам. Но думаю, выбора у нас не будет: все пойдут на войну, только стороны будут у всех разные. И последний, не очень приятный вывод: Ника Волконская здесь для того, чтобы найти человека, который будет достоин самой лучшей способности, и её задачей наверняка является избавление от него. Если тебе не понятно слово избавление, то называй это по-другому — она тут, чтобы убить. Её деду выгодна та власть, которая царит сейчас, никакого переворота ему не нужно. Ника против нас. Точнее против тех, кто желает сделать мир лучше. Убрать эту колоссальную разницу между богатыми и бедными. Я на стороне своей семьи: она за прогресс. И я всё это сейчас тебе говорю, потому что я должен тебя предупредить...

— Что я тоже буду выбирать? — сглотнул я. В голове возникло ещё больше хаоса, но я чувствовал, как вода стекала за воротник по шее, и знал, что это был не сон. Я действительно слышал сейчас очень важную и страшную информацию.

— Хм, вряд ли. У тебя нет выбора, потому что либо ты, либо Меллиорон тот, кто поведёт за собой других.

— Что? Ты чего городишь? Если ты считаешь, что я тот, кого послало правительство..? — я готов был сесть в лужу. Я не верил своим ушам.

— Метеорит, упаси! Конечно же, ты не от правительства.

Хотя это всего лишь мои умозаключения. Я наблюдал за тобой, Верзилой и Меллиороном, и я убеждён, что это Меллиорон. А вот мой отец считает, что это ты. Хотя он не исключает и Верзилу, как его... Топпард вроде.

— Я?.. Постой, да как я могу быть таким? Ты же знаешь меня! Я неуверенный, я не такой сильный, я не богатый... и уж точно не приближен к власти.

— Именно это я и говорил отцу, уж прости, не тянешь ты на шпиона. И громкий прямолинейный Верзила тоже не тянет. Мне со стороны виднее. Отец всё-таки не может за вами присматривать, находясь далеко от школы. Но он полагает, что, выбрав тебя или Верзилу, правительство могло так пустить нам в глаза пыль. Но вернёмся к Меллиорону. Это точно он, и ему помешать сможешь только ты.

— Ха-ха-ха, — грустно посмеялся я. — У меня даже словесно не получается дать ему отпор, а ты такое говоришь! На что я годен?!

— Ты целеустремлённый, ты тот, кто хочет взять лучшую способность, ты...

— Как ты узнал? Юлий! Кто ты? Откуда ты знаешь столько всего? — я взял за плечи очкарика и невольно потряс его. Мне было больно, злостно, страшно. Я не понимал, как вообще можно жить с полученной информацией. Миллионы людей жили и не знали даже о войне, которая начнётся вот-вот, а все те же миллионы людей будут идти в это время на работу или домой, спешить к близким или готовить обед,

пока кто-то там начнёт стрелять друг в друга. И какое я имел отношение ко всему, что происходило на данный момент в мире? Я тихо-спокойно поступил в школу, желая получить способность перемещаться. Точка.

— Успокойся. Остынь, — сверкнул очками Юлий. — Я так хладнокровен, потому что постепенно узнавал все эти сведения. Я понимаю твоё смятение. Но до тебя ещё не дошло одно: как только Ника поймёт, что ей нужен не Меллиорон, а ты, твою жизнь будет на волоске.

Я врезал Юлию кулаком по левой щеке так, что его очки слетели и упали на траву возле аллеи. Он попятился назад, не говоря ни слова, только держась за больное место двумя руками.

До меня дошло через секунд десять, что произошло, и я принялся извиняться.

Носолом выставил руку вперёд, чтобы я не приближался. Зонтик он выронил от неожиданности, и теперь в луже красовался бежево-грязный круг с погнутой спицей. Я подбежал поднять зонт, Юлий понял, что у меня нет намерения бить, а я ещё раз извинился. Как же тяжело сейчас было на сердце!

— Видишь, а говоришь, что она тебе не нравится, — попытался улыбнуться друг.

— Иди ты! Я защищал честь друга.

— Поэтому ударил другого своего друга, — ухмыльнулся он, отряхивая запачкавшиеся брюки.

— Я просто не знаю, насколько можно тебе верить.

– Я думаю, что дам тебе время, а ты всё решишь.

– Но как мне теперь смотреть на Нику?

– Скрывая правду, которую теперь знаешь. Смотри на Нику так, как на девушку, которую ты хочешь спасти.

– А её нужно спасать?

Юлий ударил меня ребром правой ладони по голове:

– Какой же ты дурак! А ещё и за собой народ поведёшь!

Ясно же, что она марионетка в руках дедушки.

– Что? Да как так?

– Христос — властелин энергии! Ты хотя бы наблюдаешь за людьми?

– Ещё бы, — обиделся я.

– Дед — её самая больная тема.

Мы уже развернулись, чтобы идти обратно.

– Кто-то ещё знает? — помолчав, спросил я.

– Никто. Ты, я и отец. Я думаю, твой секрет нужно сохранить. Хотя многие в классе уже догадываются, какую способность ты хочешь.

– Как? — что, чёрт возьми, за монстры меня окружали?

– Перемещение в пространстве — самая мощная созидательная способность. Это с одной стороны. И самое опасное оружие — с другой. Готовься, что не только Ника будет твоим конкурентом.

– У меня нет слов, можно мой мозг на время одолжит функции желудка для переваривания информации?

– Для человека, мало понимающего, ты строишь очень

длинные и глубокие предложения, — пошутил Юлий.

Итак, пока мы шли обратно в корпус на обед, я понял несколько вещей: у правительства здесь есть ученик. Скорее всего, это Зализыш. Ника не осведомлена, кто именно подослан правительством, но она тут за тем, чтобы устранить конкурентов для Меллиорона. Хотя и сама не понимает, что ей надо защищать именно его от... меня. Она также не упустит шанс побороться за перемещение, потому что деду выгодно, чтобы именно у его внучки была такая сильная способность.

Ребятам пришлось сказать, что Юлий врезался в массивную ветку клёна, и Волконская тут же нашла, как пошутить. А Кариут предложил сменить очки. Смешно было всем, кроме нас с Юлием. Мы просто улыбнулись...

Глава 10

Синяк у Юлия проходил около недели, учителям мы выдали ту же версию, что и ребятам, хотя в глазах Эмилии сверкал огонёк недоверия. Она ещё пообещала, что посмотрит все камеры наблюдения, чтобы узнать правду. К счастью, наш классрук чрезвычайно занятая женщина, и на такие пустяки времени у неё совершенно не нашлось.

Погода с каждым днём стремительно ухудшалась, что повлияло на школьную жизнь. К примеру, соревнования, которые должны были проходить на следующей неделе между классами, решено было приурочить к окончанию года, проведя перед новогодними каникулами. Придётся теперь настраиваться на зимние виды спорта, потому что ландшафт Небосандии как раз-таки предполагал горные развлечения. Даже на огромной территории школы была небольшая возвышенность, с которой так и хотелось спуститься со сноуборда или с двухместных санок. На этом ареале никогда не бывало длинного перехода от осени к зиме. Как только падала последняя партия листьев с деревьев, тут же начинался снег. Мне нравилось такое природное решение, потому что слякоть и голые деревья я вообще не любил. А раз сейчас проведению спортивного мероприятия мешал бесконечный дождь и гадский ветер, пронизывающий всё насквозь, то в

конце декабря здесь будут сугробы и снежные холмы с трассами для лыжников.

В общем, погодка была такой ужасной на этой неделе, что вчера назначили день самоподготовки. Пришлось самостоятельно изучать параграфы в учебниках, которые мы, между прочим, редко на уроках открывали: учителя давали более углублённый и качественный материал. На то она и была элитная школа. Я расстроился из-за переноса соревнований, потому что на них должен был присутствовать сам директор. А он мой кумир. Очень уж хотелось снова с ним встретиться. Славный мужик он. Добрый.

Я выглянул из окна на первом этаже нашего жилого корпуса, чтобы оценить мерзость сегодняшней погодки. Вчера-то заболтался с ребятами, поэтому сегодня с утра доделывал домашнее задание для Феонеллы. Все уже ушли в класс, точнее убежали, не желая быть обстрелянными невозможным ливнем. Я решил последовать их примеру и дёрнул дверь со всей силы, чтобы скорее добраться до школы. Дверь у нас на автоматическом замке, поэтому никто посторонний пройти сюда не мог: она сразу же захлопнулась за мной. А зайти в «дом» можно, только приложив свою карту-пропуск. Есть ещё, кстати, второй способ: прислонить планшет. В нём тоже заложена функция пропуска. Но это довольно муторно: доставать его из сумки. Легче карточку вынуть из кармана, пиликнуть ею и убрать обратно.

Пока добирался до корпуса, перепрыгивая через лужи,

чтобы минимально вымокнуть по пути, обратил внимание на школу. Скажи мне года три назад, что я смогу учиться в этой школе, что я открою врата, поверил бы я?..

Тут всплыл разговор с Юлием, который я периодически проматывал в своей голове. Мне всё ещё не верилось сердцем в услышанное, и тем более не было понимания, что я и был тем, за кем пойдёт народ. И то — это всего лишь предположение Юлия! Согласитесь, смешно звучит? Я бы скорее поверил, что за директором пойдёт вся школа, учитывая его способность к владению растениями. Благодаря ему вся пришкольная территория усеяна деревьями, кустарниками и цветами. Здесь всё это выросло за месяц (учитывая восстановление сил) именно тогда, когда он решил основать тут школу. В общем, я не понимал, что во мне такого особенного, если помимо меня в школе куча способных и сильных людей, которые ещё и опытнее и старше меня или Зализыша. А также я ловил себя на мысли, что если окажется прав папа Юлия и, например, не Зализыш — посланный казачок, то тогда роль спасателя всея вселенной автоматически перекладывалась на него, а мне сложно будет перебороть себя и двинуться за этим самодовольным выскочкой.

Хоть и прошло уже полтора месяца, как я тут учился, а всё равно не мог поверить, что это семиэтажное белое здание, по форме напоминающее букву G, с окнами от пола до потолка, с несколькими огромными залами-трансформерами, стало для меня местом, где я обрёл друзей и силу духа.

Пока я бежал по дорожкам, отделанным белой плиткой, до меня дошло, что сама территория с высоты полёта выглядела как паутина со смещённым центром. От школы лучиками отходили дороги, которые вели к другим жилым корпусам, парку, спортплощадке, хозкорпусам, холмам и открытому бассейну. Также был десяток домиков, в которых можно было провести с родными время на каникулах, ведь нам не разрешалось покидать территорию в течение трёх лет. Я, естественно, понимал, что мои сюда носа не покажут. Хотя... ради любопытства и халявной еды сестрица могла бы уговорить их сюда приехать на новогодние или летние каникулы. Главное, чтобы отец не пожадничал деньги на проезд сюда и обратно.

Первым уроком в 8:20 был классный час с Эмилией Игнатьевной. Опаздывать не было никакого желания, так что я поднажал и прибыл в класс вовремя. Правда, было немного стыдно, что по всей школе теперь на полу красовались следы от моих промокших ботинок. Сменку я решил переодеть на перемене. Лучше посижу в мокрых, чем опоздаю к женщине-громовержцу. Да, я знаю, что короче было бы называть её гром-бабой, но у меня, как у всех, кто её видел, язык бы не повернулся сказать так, даже за глаза.

Только мои ягодицы коснулись прохладного стула, как в класс вкатился шар с лютой ненавистью в глазах:

— Я даже знаю, кто это сделал, — вместо приветствия прищурила глаза завуч. — Чёртиков, иди за тряпкой и вытирай

все свои следы!

Какой стыд! Я готов был сейчас провалиться под землю, в самое ядро, преодолев глину, песок, известняк, что там ещё есть?.. Её писклявый голос так резал уши, а глаза так буравили, что я не заставил ждать. Через пять минут был в сменной обуви и со взмокшим лбом от протирания водяных пятен на полу.

— Пять минут от перемены, спасибо этому невеже, — Эмилия Игнатьевна оторвала взгляд от часов и оглядела класс. — Сегодня мы собрались по очень важному вопросу, поэтому я и ждала кое-кого и не начинала без него.

Она ещё месяц будет попрекать меня этими следами на полу! Спасите.

— У меня для вас хорошая новость. Так как скандал по поводу нарушителей теперь не имеет никакого значения: не без вашей помощи дело закрыто, — мы посоветовались с преподавателями и директором по поводу встречи вас и родителей. Мы понимаем, что это может быть несколько рискованно, ведь мы не знаем до сих пор цели тех нарушителей, но всё же понимаем и ваше состояние. Обычно первый месяц родители стремятся приезжать к детям каждые выходные, чтобы разлука не была такой болезненной. Пусть вы уже и подростки, но домашний уют никто не отменял, мы прекрасно осознаём, как тяжело вот так взять и исчезнуть из своего же дома. Поэтому на следующей неделе мы составим расписание для каждого класса по поводу посещения родителей.

Ваши родственники смогут пройти по школе, экскурсию, правда, проводить вам лично, смогут зайти в жилой корпус и осмотреть ваши комнаты, а потом провести несколько часов в гостевом отсеке в здании школы. Одного дня для всего класса будет достаточно. Мы не ограничим двумя часами, как обычно делаем, посещение вас родными. В распоряжении будет весь день. Уроки будут отменены, если ваш день совпадёт с буднями. Но мы всё-таки ещё совещаемся по поводу дней, потому что не все родители могут отпроситься с работы, скорее всего, мы сделаем посещение только на выходных, тогда сразу по два класса. Соответственно, за месяц ситуацию исправим и вернём двухчасовые посещения по воскресениям, как и было раньше.

Мы слушали, затаив дыхание. Каждый по-своему был взбудоражен этой новостью.

— Родителей мы предупредим сами, — добавила учительница. — Есть ко мне вопросы?

У меня вертелся один вопрос касательно нарушителей, но я чувствовал, что не имею права его озвучивать как при всём классе, так и наедине с завучем. Иначе мне пришлось бы признаться в том, что я подслушал информацию про второго не пойманного в день проникновения на наше занятие.

Некит поднял руку:

— А только мама и папа могут приехать?

— Мы тоже сейчас это обговариваем. Сначала хотели запретить посещение бабушкам, дедушкам, сёстрам, братьям.

Сейчас спор идёт. Естественно, если у вас дедушка является опекуном, Волконская, то он и приедет. Я сейчас имею в виду тех, у кого миллион родственников. Скорее всего, разрешат только маму и папу. Вот на каникулах пусть хоть весь дом приезжает родных. Вы же помните, что школа предоставляет семьям гостевые дома отдохнуть здесь на каникулах?

Мы кивнули. Я не знал, что спросить насчёт посещения, потому что эта новость мало меня касалась. Мои родители наверняка не приедут. Тем более, вместе.

— А что будут делать те, к кому не приедут родители? — спросила Дюхиар.

— Если это будни, то у вас самоподготовка. Если выходные, то делайте то же, что и всегда. Вы, Дюхиар, полагаю, большую часть времени бездельничаете. Для вас ничего и не меняется. И, кстати, ваши родители приедут непременно. Потому что мне с ними надо поговорить о вашей успеваемости.

На самом деле, я не понимал таких учеников, как эта Дюхиар. Поступить в лучшую школу и совершенно не учиться. Как ей вообще это удалось? Ходили слухи, что она из богатой семьи, а для богатых куда-то протолкнуться — раз плюнуть.

— Кстати, я ещё вызываю в срочном порядке родителей Чёртикова, Волконской, Ломоносова, Фанистера. Ваши оценки одни из лучших, поэтому мы будем обсуждать с вашими родственниками вид стипендии. А с семьёй Чертиковых я ещё и по поводу воспитания поговорю: бегать и грязь

нить, где хочется, это верх невежества.

Я хотел возразить, но мысли понесли меня в другую сторону. Не мог я познакомить друзей с папой или мамой. Боялся встречи с дедом Ники. Волновался о встрече с папой Юлия, ведь теперь нас связывала общая тайна. Как много всего нынче варилось в моей голове! Учёба сейчас была крайне интенсивной, потому что близилась зачётная неделя, времени на обдумывание информации от Ломоносова просто не хватало: я приходил, делал уроки, иногда вырубался прямо за столом, иногда немного сидел с друзьями, а дальше — новый день. И когда я ложился в кровать с целью подумать о происходящем, глаза предательски смыкались, и я мгновенно отключался. Сон — одно из драгоценнейших и великих дел, которые существовали испокон веков.

После этого классного часа, который прошёл во всех параллелях, поднялся такой шум и такие бурные обсуждения, что даже учителям было сложно сдерживать учеников во время своих уроков. Маркус сегодня схлопотал аж три замечания у Питса. Джоушенк считался терпеливым человеком, но со своими стойкими принципами. А одно из правил «Соблюдать ритм занятия» Маркусом неоднократно нарушилось во время урока, поэтому ему пришлось пару раз быть подопытным для показательных приёмов. Уровень каждого из учащихся рос, Питс был выдающимся учителем. К зачётной неделе он хотел добиться от нас освоения самых частых приёмов. Например, на сегодняшнем занятии мы отрабаты-

вали удар ногой в прыжке и с разворота. Не сказал бы, что это легко. Но мне так понравилось направлять силу и энергию в одну ногу, что вскоре вошёл во вкус. Прыгать для удара — несравнимое ощущение, будто сейчас твоя нога лёгкая и одновременно тяжёлая для лучшей отдачи.

В конце занятия Джоушенк подозвал меня к себе:

– Денис, подойди, как переоденешься.

– Хорошо, — я убежал, на ходу расстёгивая кимоно, а девочки завизжали, что я маньяк-извращенец. Пришлось сбавить скорость и переодеваться в самой раздевалке.

– Что ему от тебя нужно, интересно? — удивился Некит.

Я пожал плечами: интуиция молчала, догадок не было.

В раздевалке столько было зевак, которым не терпелось узнать, зачем я понадобился учителю, что я решил дождаться их ухода. Когда мне, наконец, удалось выйти, в зале никого не было. Я пошёл искать Питса в направлении его кабинета. И не успел завернуть за угол, как до меня донеслось писклявое шипение моего классрука:

– А я вам говорю, что тут какая-то есть связь! Почему второй нарушитель проник в жилой корпус 1/1? И самое главное, как одна из близняшек умудрилась потерять свой пропуск после вашего занятия?

– Эмилия Игнатьевна, — начал сурово Джоушенк, — надеюсь, вы не смеете наекать на мою к этому причастность? Хорошо, что второй нарушитель был пойман группой учеников. Нам просто везёт на талантливых ребят в этом году.

— Вот именно, — не поверила ни единому слову Эмилия, — в ЭТОМ году. Странно, что пока вас не было в школе, всем жилось тихо и спокойно.

Похоже, что эти слова сильно разозлили учителя, и он только буркнул:

— Когда вы станете директором, тогда и предъявляйте свои претензии. Александр Македонович с удовольствием взял меня на работу. А теперь извините, меня ждёт ученик.

С этими словами он направился в мою сторону, обратно к залу, и я успел отскочить чуть назад, чтобы сделать вид, что я только подошёл.

Мне удалось быстро подстроиться, но Питс уже стоял с серьёзным лицом:

— У меня к тебе разговор.

— Какой? — начал шептать я, поддаваясь тихому бормотанию Питса.

— Для начала скажи мне: ты в порядке после того вторжения?

Он снова напомнил мне про всё то, что я теперь знал, и я даже не понимал, как мне ответить:

— Ну да.

— Точно? Просто в последнюю неделю ты весь в себе. Я подумал, что ты не отпустил до сих пор тот случай, — признался учитель.

— Естественно, я про него думаю, но уже реже, — выдавил фальш-улыбочку.

– Ты ничего странно не замечал в Найтсе или Лерое? — в лоб спросил он.

– Простите, а кто это такие?

– Меллиорон Найтс — это тот, кто первым открыл врата, а Топпард Лерой — третьим, — спокойно произнёс Питс.

Почему он именно этот факт вспомнил? Наверно, не знает, что мне известно о старосте класса 1/2.

– Да мы редко видимся. И мы как-то совсем не ладим. Я думаю, что Зализыш и Верзила друг друга терпеть не могут.

Сказал и покраснел! Я ж так неуважительно прямо при учителе отозвался! А-а, метеориты и угодники!

Джоушенк слегка улыбнулся, но потом его брови сошлись на переносице:

– Ладно, я тебя понял. Если заметишь что-то странное, говори.

– Загадками говорите, учитель, — почему-то я вышел из себя. — Что именно я должен заметить?

– Неважно, просто нестандартное поведение, на твой взгляд, — проигнорировал мой взрыв Питс.

– А почему я не могу об этом сказать своему классному руководителю?

– Можешь. Но захочешь ли?

Вот это сто очков центр мишени: к Эмилиии я в жизни не пойду.

– Хорошо, буду держать вас в курсе, — а сам подумал, что, кроме друзей, доверять мне некому.

– Ты точно не хочешь мне ничего сказать?

– Думаю, что если бы было что, то я бы сказал, — отрезал я и, попрощавшись, ушёл.

Когда я догнал ребят в холле, они уже выходили на улицу. Некиту не терпелось узнать, что у нас с Питсом за секретики, но я пересказал наш диалог, и Кариут выдал:

– Фу, что за отстой! Я думал, он показывает тебе секретный приём против Маркуса!

Юлий закатил глаза к небу:

– Дурнее в жизни не видел. Будто Питсу есть дело до их соревнований?

– Но Сам Соныч...

– Этот фанатик, остальные учителя в этом плане адекватные люди, — Носолом попробовал дать ладонью по лбу своему высокому недалёкому другу, но не смог. Ловкости Неки-ту не занимать.

В то время, когда потом я пересказывал подслушанный разговор с Джоушенком и Эмилией, Юлий и Ника по-своему восприняли информацию. С Ломоносовым я переглянулся. А девушка немного притихла. Но определённо моя информация запустила в их головах нужные шестерёнки.

В отличие от утренней, дневная погода была настоящим подарком. Я шёл и наслаждался теплом, возможно, последним в этом году, и глядел в голубое холодное небо.

Настало долгожданное воскресенье. Долгожданное для классов 1/3 и 2/1. Вчера, в субботу, с родителями увиделись

ученики из нашей параллели. Сегодня отвели день нам. «Наконец-то!» — хотелось бы закричать мне. Но этого никогда не будет. Меня не прельщала мысль видаться с кем-либо из родных. Но, как доложила Эмилия Игнатьевна, ко мне придут и мама, и папа. Я сам созваниваться с ними не захотел. Вообще я совершенно не выспался, потому что всю ночь мозг не хотел отключаться: я случайно подслушал разговор Ники с её дедом.

Когда я пошёл в крыло девочек отдавать конспект Эре, на часах было уже полвторого ночи. Да, я как-то не догадался, что мог бы отдать его с утра за завтраком. Уверенности в действиях добавлял ещё тот факт, что она всегда ложилась поздно, поэтому проблем с моим визитом не должно было быть. Короче говоря, моя нелюбовь к долгам вынудила меня пойти в такой поздний час для возвращения тетради. Вокруг была тишина, наверно, все уже спали. Я знал, что Эра живёт этажом выше Ники, но когда проходил мимо комнаты Волконской (она располагалась сразу у лестницы), то услышал небольшое постукивание. Решив подшутить над подругой, я подошёл к двери и только тогда понял, что Ника, явно нервничая, стучала ногой по ножке стула или стола.

Я застыл.

– Дедушка, я же говорила тебе, что Меллиорон мой конкурент, потому что я сразу почувствовала от него сильную ауру, когда подошла к крыльцу школы. К тому же, мне известно, что он смог поймать второго нарушителя с несколь-

кими товарищами. — Она замолчала, явно слушая голос в телефоне.

— Да, Дэн был рядом, да, он тоже участвовал в поимке первого нарушителя... но! Я же говорила, что это не он. Он не может быть тем, кто... не уверенный, он...

Её прервали.

— Вот увидишь его завтра, сам убедишься, — Ника сама не заметила, как стала чуть ли не кричать. Я никогда не видел, как она теряла над собой контроль. Здесь мне показалось, что она меня защищала что ли?..

— Я прошу тебя ничего ему не делать. Дедушка, позволь мне хотя бы раз в жизни иметь друзей, — мне показалось, что она всхлипнула, тогда я уже хотел дёрнуть за ручку, но услышал слова дальше: — Нет, всё. Я в порядке. Видишь, я умею держать себя в руках. Тебе показалось, я никогда не стану сближаться с людьми так близко, — её голос стал тяжёлым, как тонна металла, но я этого не хотел замечать из-за своей растерянности. — Ты же знаешь, я и ты — всё, что есть друг у друга. Ты сам всегда это говоришь. ... Да, новости смотрела. Какие-то оппозиционеры снова показались на площади перед зданием совета Земли? Уже устранены? Ясно. Не волнуйся, дедушка, скоро и я стану помогать тебе. Скоро я буду ещё сильнее, и всё зло будет наказано.

Голос Ники стал твёрже и как будто ближе. Я поспешил к Эре, потому что испугался, что Волконская меня обнаружит. Даже не помню, поблагодарил ли я одноклассницу за

конспекты: мне нужно было срочно к себе в комнату. Я не хотел никого видеть: моё сердце в бешеной пляске готово было разорваться. Даже Юлий вряд ли узнает о том, что я подслушал.

Я замедлил темп уже в своём крыле. На ватных ногах добрался до комнаты. Когда я закрыл за собой свою дверь, ноги отказали. Мне пришлось сползти вдоль неё. Всё, что я слышал сейчас внутри себя, — это слова Ники, произнесённые каменным голосом: «... я никогда не стану сближаться с людьми так близко». И пусть всё, что я услышал минуты две назад, подтверждало слова Юлия, пусть она и правда интересовалась Блондином, любила деда и готова была становиться его машиной для убийств, мне было очень больно от осознания, что я для неё не являлся настоящим другом. Мне стало обидно за всех, кто её успел полюбить. За Дашию, что сильно её уважала и вечно спрашивала советы, за Некита, который вместе с ней подтрунивал над Юлием, за Юлия, которому я уже не смогу доказать, что Ника хорошая. Я впился пальцами в грудь в район сердца, будто только так мог облегчить ему тяжесть. Зажмурился сильно: глаза защипало. Горькие слёзы стали течь по потному от бега лицу. Просто я только что осознал, что мне небезразлична девушка, которую считал другом с самого начала. Тайное предательство, получается, фальшивое отношение ко мне и к остальным — она убивала меня по крупницам и сантиметрам. Ей даже не надо прикладывать какие-либо ещё усилия. То дорогое, что

росло во мне день ото дня, сейчас завяло, засохло. Мне лишь нужна была урна, чтобы выкинуть это.

Всю ночь я гадко чувствовал себя. Особенно противно было тогда, когда я получил от неё сообщение: «Не волнуйся о своих родителях. Всего лишь один день перетерпеть — и всё».

Какой она искусный актёр, если способна вести такую правдивую игру?..

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.